

О. Е. Аникина

ПОД НЕБОМ УЙМОНА

Очерки истории строительства
музея Н. К. Рериха

**Новосибирск
2002**

Аникина О. Е.
А57 Под небом Уймона: Очерки истории строительства музея Н. К. Рериха. – Новосибирск Изд-во ООО «Твердыня» (Томск), 2002. – 208 с.

ISBN 5-8839-040-2

Книга рассказывает о драматических событиях истории строительства Музея Н. К. Рериха, развернутого на Алтае энтузиастами из новосибирского Академгородка, Новосибирска и многих других городов России в 1970-е годы, – эпоху назревавших глобальных перемен. Отголоски этих событий, так или иначе отразившихся на судьбах всех участников строительства, остро ощущаются и в наши дни.

Для широкого круга читателей, не равнодушных к судьбе россиян и всего и человечества.

ISBN 5-88839-040-2

© Аникина О. Е., 2002

Предисловие историка

Вы держите в руках необычную книгу. Ее автор – не ученый и не журналист, но человек, проявивший исследовательский талант, волей судеб выйдя на неизвестные пласты нашей недавней истории. Можно сказать, что здесь слились воедино и философские размышления, и работа историка, и литературное эссе.

В совершенно необычном ракурсе предстают здесь события последних десятилетий сибирской истории, как и обстоятельство распространения идей Учения Живой Этики.

Вдумываясь в эпопею строительства в селе Верх-Уймон музея Н. К. Рериха, предсказывавшего рождение на Алтае Звенигорода – города Знания, с неизбежностью приходишь к выводу, что в этом эпизоде нашел отражение, парадоксальным образом синтезировался целый ряд глубинных, долговременных тенденций нашего прошлого и настоящего.

Нельзя в связи с этим не напомнить и об особом, не всеми осознаваемом, культурно-историческом, духовном статусе Горного Алтая.

Известно, что история России ознаменовалась напряженными, мучительными, многовековыми поисками правды и справедливости. Причем речь шла не только о движении к ним в трансцендентальном смысле, но и возможности прорыва к Царству справедливости в этом реальном грешном мире. Веками в сознании российского народа жила идея «Беловодья» – далекой блаженной страны.

Поразительно, что в последние два столетия нашей истории реальность Беловодья связывалась именно с Алтаем. Тех, кто

заинтересуется историей этих небывалых поисков, отсылаем к классической книге К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды» (М., 1967).

И вот здесь удивительным образом пересекается история поисков Беловодья и биография Н. К. Рериха. Уймон, тот самый Уймон, где горстка героических новосибирских интеллектуалов «штурмовала небо», был одним из центров движения старообрядцев в поисках Беловодья.

У Чистова узнаем: «Бухтарминская и Уймонская долины оказались (в XVIII веке. – *И. К.*) между государственными границами России и Китая на нейтральной территории. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII в. именно эти две долины и назывались Беловодьем». Спустя же столетие картина выглядела следующим образом: «Бухтарма и Уймон превращаются в сборные пункты всех стремящихся в Беловодье... Уймон – последний пункт российского этапа путешествия».

По словам рассказчиков, последняя попытка найти Беловодье была совершена еще в годы гражданской войны».

Далее Чистов сообщает: «В начале 1920-х гг. на Алтае побывал известный художник Н. К. Рерих. Он тоже слышал рассказы о Беловодье и его поисках...»

Дополняя К. В. Чистова, напомним, что маршрут «художника» был сфокусирован именно в Уймоне, здесь он слушал «рассказчиков», здесь у него зрели идеи создания Звенигорода.

Символично и то, что продолжатели дела Николая Рериха, его сыновья Юрий и Святослав, связывали создание нового интеллектуального и духовного центра российского и мирового значения с новосибирским Академгородком. Мыслилось, что концентрация здесь небывалого на Востоке России интеллектуального потенциала, возможность необычайно органичного взаимодействия между различными отраслями знания позволят вырваться из рутины сциентизма, совершить не только научный, но и духовный прорыв. Звенигород на Алтае и новосибирский Академгородок представлялись двумя несущими конструкциями нового здания.

В событиях в «глухом» уголке Алтая, ознаменовавших последнюю четверть минувшего столетия, прозревается и другой,

более глубинный смысл, чувствуется их прикосновение к коренным процессам нашей истории последних десятилетий.

Конечно, чтобы адекватным образом понять это, надо во многом по-новому, незашоренно взглянуть на историю советского периода вообще и нашу недавнюю историю – в частности. Здесь нужно отрешиться и от «демократических» и от «неокоммунистических» штампов. Нет смысла повторять набившие оскомину фразы о «тоталитаризме», давившем все живое. Не более конструктивны и рассуждения в противоположном ключе (например, в духе С. Г. Кара-Мурзы) об идеальной приспособленности коммунизма к условиям российской цивилизации и соответственно – о случайном характере краха этой системы.

Реальная действительность тех десятилетий была гораздо сложнее, что и проливает дополнительный свет на события, о которых говорится в этой книге. Все мы, кому довелось в сознательном возрасте жить в те годы, помним, что к тому времени уже в значительной мере потеряла свою привлекательность сердцевина господствующей идеологической системы – официальная идеология марксизма-ленинизма. В сущности, она превратилась в свод догм, официальных заклинаний. Последняя крупная новация в развитии официальной доктрины была, как известно, связана с выдвиганием в начале 1970-х гг. концепции «развитого социализма». Шанс адекватного ответа на вопросы времени был весьма невелик, поскольку официальная идеология заостенела, альтернативная же общественная мысль в русле «диссидентства» и ранее чрезвычайно слабая, к середине 1970-х гг. была практически искоренена. Да и исходный потенциал этого пласта нашей общественной мысли, чаще всего однозначно «западнического», был невелик.

И все же духовное развитие общества в его глубинных пластах не останавливалось. Но чтобы воспринять эти интеллектуальные новации, необходима была, естественно, такая чуткость, которую вряд ли можно было ожидать от «идеологических монополистов» – партийных органов. Весьма показательны, что во второй половине 1970-х гг. – после разгрома «диссидентства» – интеллектуальные, духовные искания в известной мере переместились в «провинцию». Показательно и, возможно, имеет ка-

кой-то глубокий, до конца не разгаданный смысл, что в те годы эпицентром этих поисков стал именно Новосибирск.

Речь идет, прежде всего, о движении последователей Живой Этики. Именно в Сибири, и прежде всего в Новосибирске, в 1970-е гг. разворачивается его особенно активная деятельность. В отличие от сталинских времен, когда последователи Живой Этики обрекались на застенки ГУЛАГа, в данный период эта активность в какой-мере была «легализована», получила официально признанные формы. Так, в октябре 1976 года в Новосибирске состоялась первая всесоюзная конференция «Рериховские чтения», организованная Востоковедческой комиссией АН СССР, Институтом истории филологии и философии СО АН СССР и Новосибирской картинной галереей. Затем рериховские конференции в Новосибирске стали традиционным.

При этом весьма важно, что, в отличие от «западнической» диссидентской интеллигенции, последователи Н. К. Рериха не выступали против существующего общественного строя, считая его в чем-то закономерной стадией общественного развития, глубоко укорененной в российских традициях. Речь шла именно о его совершенствовании на базе духовного возрождения, фактически предлагался синтез Живой Этики и коммунизма. Рассматривая эту ситуацию в широком историческом контексте, можно предположить, что в то время была предпринята попытка сформулировать реформистскую альтернативу, равно чуждую и официальному догматизму, и возобладавшему позднее в период «перестройки» безответственному разрушительному нигилизму.

Как же реагировали на эту работу «идеологические монополисты»? Не трудно догадаться, что пока новосибирские последователи Рериха «не высовывались», партийным бонзам Новосибирска и в голову не приходило как-то реагировать на их деятельность. Возможно, они и не подозревали об этой проблеме, которая выступила со всей остротой уже в конце 1970-х гг., вскоре после отставки новосибирского партотделенческого «долгожителя» – Ф. С. Горячева (он возглавлял здешний обком КПСС с 1959 по 1978 годы). С новой «нештатной» идеологической ситуацией пришлось разбираться уже преемнику прежнего «обкомовского воеводы» – А. П. Филатову, ко-

торый лучшие годы своей партийной деятельности провел при Горячеве, можно сказать, стал его «alter ego».

Между тем именно в конце «царствования» Горячева, в 1978 году начала реализовываться важнейшая инициатива последователей Живой Этики: развернулось строительство здания музея Н. К. Рериха. Несколько позже группа энтузиастов из новосибирского Академгородка обратилась в обком КПСС с программным письмом – с предложением создания **нового духовного центра**. Как же реагировал на это обком, возглавлявшийся в это время Филатовым, который, по общему мнению, в сравнении с Горячевым отличался гораздо большей «мягкостью»? «Реформисты» подверглись суровому, невиданному с конца 1960-х годов прессингу.

Так, Ю. М. Ключников, будучи членом КПСС, убежденным коммунистом, неоднократно пытался добиться аудиенции у Филатова, но безуспешно. В итоге он подвергся длительным преследованиям. Не менее тернистым оказался этот этап биографии у беспартийного А. Н. Дмитриева. В конце 1970-х годов в Академгородке прошла серия партийных собраний, разбирательств, где от горстки этих нонконформистов требовали покаяния.

Так, во многом стараниями местной номенклатуры была отсечена одна из немногих реформистских альтернатив. Трудно, конечно, особо винить за это Филатова и его «воспитателя» – Горячева. Вряд ли всю значимость этих проблем осознавали и куда более «подкованные» люди. Ведь даже в кругах академгородковской интеллигенции в то время последователей Живой Этики иронически называли «рехивнувшимися». Все они – и функционеры, и обслуживавшие их «интеллектуаль» были пленниками системы. Не удивительно, что в период горбачевских реформ система сопротивлялась «до упора», а затем рухнула, сметенная оголтелыми разрушителями. Так еще раз воспроизвелся «код» российской истории: либо тупой консерватизм, либо безответственный нигилизм. Отсутствие государственного сознания, неумение соединить стабильность и ответственные реформы было и остается неизменной чертой России, характерной и для «верхов», и для «интеллектуалов», и для «низов» ...

Это лишь некоторые мысли, возникающие при чтении необычной, насыщенной фактами и размышлениями книги О. Е. Аникиной.

Помимо всего прочего, это, собственно, вообще одна из первых работ, раскрывающих подлинную, неформальную историю духовной жизни Сибири недавних десятилетий. Автор, в сущности, идет здесь по целине, и любая находка на этом пути по настоящему ценна и интересна.

И. С. Кузнецов,

доктор исторических наук,
профессор Новосибирского
государственного университета

Предисловие автора

Многие не видели даже смерчей, и потому сказанное для них, как пустой звук. Но пусть начнут соображать от самых грубо очевидных явлений и представят себе Беспредельность, где все возможно, где никакое рассудочное мышление не исчерпывает всего Бытия.

«Сердце», 250.

Не может быть особенных иллюзий, когда берешься за безумную затею записок – в широком смысле – о жизни сибирских мистиков из-за в буквальном смысле невообразимости темы. Пласт сознания, олицетворяемый мистиками, замкнут в себе самом и проявляется большей частью скрыто – на уровне энергии деятельного целенаправленного духа, тонких ментальных потоков, на социальной «поверхности» прямо обозначаясь мало, разве что достаточно большим недоверием и предвзятостью «нормальных» сограждан.

Мистика вообще-то, что находится за пределами собственно разумного и потому в привычном мире рационального как бы избыточно. Мистицизм – тип видения действительности, обнаруживающий в ней универсальные взаимосвязи. Это приобщение в обыденности к Тонкой реальности, как бы сверхжизни, доступное лишь обостренному, воспитанному сознанию и сердцу.

Елена Ивановна Рерих, оперируя термином «мистики», утверждала новое представление о них, в противовес расплывча-

тому традиционному: «Мистики – научные исследователи парапсихических способностей человека... Мистики являются настоящими реалистами, но материалисты и отрицатели погружаются в майю невежества».

В Сибири и новосибирском Академгородке тема проявления мистического в обычной жизни обозначилась особенно ярко как тема рыцарства, как тема высокой практики Учения «Агни Йога», в силу разных обстоятельств получив здесь особенное свойство.

Область внутреннего лежит по ту сторону слов, ее трудно примирить с действительностью видимой. В логическом объяснении всегда присутствует зерно лжи. Писать «в мир» о событиях, известных как факт, но имеющих выраженный оккультный аспект, – значит пытаться говорить о присутствии тайны в бедных терминах социологии. Трудно найти сам тон, сам модус повествования.

Булгаковский Иешуа говорил: «Ходит, ходит тут за мной один и пишет, пишет что-то на своем пергаменте. Заглянул я как-то и пришел в ужас...»

Тема, за которую я взялась, оказалась во всех отношениях замкнутым кругом. Сложность ее и специфика неизбежно обрекает на фрагментарность, недосказанность, то есть только на доступ. Но все живое рождается из противоречия, и сама обычная жизнь интересна в каком-то смысле лишь как основание для парадокса, лежащего в основе развития.

Мистическое мировидение может в равной степени объединять и разъединять людей в зависимости от чистоты устремления и степени бескомпромиссности в поисках Истины, хотя в любом случае речь идет о людях, сосредоточившихся на высших вопросах и практике, развивающей способности души.

Чудесное есть прежде всего признание и утверждение внутренней Истины. Там, где истина, всегда необходимо мужество. Только очень немногие способны смело взглянуть в глаза Неизвестному. Психология героя, ломающего барьеры привычного на пути к внутренней правде, остается неуловимой для нас. Энергии, высвобождающиеся при этом, способны приводить в ужас. Но сильный дух, бодрствуя, создает импульсы, благодаря которым возникают лучшие альтернативы жизненного опыта.

На первый взгляд стихийные, «события в стране определяются совокупностью типов национального поведения» в результате непреложной работы невидимого, «идеального, тончайшего механизма оккультного Космоса».

Оккультизм, в подлинном значении слова, – не просто отвлеченная область священных знаний, а именно «искусство, умение жить», нетрадиционная наука, имеющая «свои методы изысканий, – как утверждают Махатмы, – такие же точные и деспотичные, как и методы ее антитезы, физической науки».

Ни одно движение души не останется без последствий. Расширением собственной внутренней сути человек моделирует планетное будущее, жертвенным внутренним усилием переплавляя исторический кошмар.

Истинный оккультизм стремится к постижению и реализации знания для преображения низшей человеческой природы, а значит, и низшей «истории» – мировой и индивидуальной, являясь точной наукой соединения человека с Божественным, то есть Гармоническим, Бесконечным.

Писать об этом пришлось вовсе не из желания просто отдать дань теме, ставшей модной и будто бы ни к чему не обязывающей. Меня заставили это сделать глубокое изумление до сих пор существующей степенью заблуждений в представлениях о мистике и оккультизме и, с другой стороны, собственный опыт общения со многими яркими мистиками, убедивший в существовании даже в этой среде крайней предвзятости в оценке многих лиц и событий духовного толка. Заблуждения только тогда доброкачественны, когда не содержат тайного желания собственной выгоды и безопасности. Владыкой сказано: «Сильный дух никогда не будет правильно оценен современниками, и так и должно быть, ибо принятые им меры отвечают лишь будущему». Но упорство в поспешных оценках во все времена обходится очень дорого. На уровне планетарной матрицы нужно стать способным к ответственности за свои убеждения.

Новыми мистиками века XX стали люди, вопреки фетишам техногенной эпохи признавшие высшее руководство и обратившиеся к высшим сферам своего существа в традициях древней ре-

лигиозной философии Востока и средневековья с его особенным свойством благородного равновесия мистики и рационализма.

С появлением на исторической арене Рерихов, подчеркнуто называвших себя не мистиками, а «духовными подвижниками», мистицизм оформился для человечества в стройную доктрину Знаний о Великой Солнечной Реальности, утвердившей эволюционный путь в будущее как развитие и соединение духовности и интеллекта. Научный метод в восприятии явлений действительности становился решающим.

Учениями, данными в традициях мудрости Востока, планете давался шанс просветления, достижения центра сознания, существующего вне времени, вне пространства и череды воплощений. Это и были ключи к эволюции, к сокровищам спящего подсознания, – вовсе не как прихоть, а как единственный и спасительный выход к новым возможностям человека в катастрофическом мире. Символичным было и появление в начале XX века системы Г. И. Гурджиева как возможности структурирования сознания через самоконтроль и предельное напряжение воли.

Путь этот узким назвал еще Христос, абсолютный в своей единственности; но, как предрекали десятки мыслителей прошлого, давнего и недавнего, другого пути нет, потому что путь этот – через истину самого себя – к ИСТИНЕ абсолютной.

С точки зрения Живой Этики, именно Мистика – «точное измерение действительности». Существующие ситуации и обстоятельства – результат действия универсальной Силы, проводниками которой на разных уровнях являются все их участники. Той самой невидимой, но с давних пор обозначившейся Силы, стоящей за бесчисленными совпадениями чисел, событий и судеб, которую каждый с разной степенью глубины ощущает как энергопоток и как отсвет Вечного.

Мистицизм, в отличие от церковной религиозности, всецело предоставляет человека движениям его собственной совести.

О том, кто есть кто в области духа, вообще судить очень трудно. Никто так никогда и не узнает вполне, кто такой Георгий Гурджиев, сколько бы ни писали и ни говорили о нем: как своеобразная духовная реальность, превосходящая всякую уме-

ренность, как подлинный суфий он неизбежно окажется неопценным, окажется неизмеримо больше того, что говорят и пишут, и могут вместить.

Суфизм – живая сущность религии, ее плазма.

Суфий – тот, кто живет парадоксом, мыслит им и редко что-нибудь возглавляет. Суфии – те, кто имеет мужество самостояния.

Стоит только в начале третьего тысячелетия подойти к оценке сложившейся иерархии рериховцев с суфийской меркой, как акценты переместятся сами собой.

Здесь кроется одна из опасностей темы: задеть чьи-либо представления о сложившейся иерархии в стране и в Сибири. Но лично для меня здесь противоречия нет. Сказано: Иерархия – это сердце.

Силы придает именно сознание невозможности избежать все изобилие видов опасностей: опасности не справиться со сложностью описания внешнего плана (и это оказалось бы мелочью в сравнении с возможностью ошибок в передаче плана внутреннего), опасности (неустранимой при существующих обстоятельствах) причинить кому-нибудь боль, никак не упомянув имен многих даже самых активных участников или упомянув не в должном контексте... Или не привести очень важного обстоятельства или факта... События, о которых идет речь, затрагивают многих, и в силу исключительной емкости происходящего дают для каждого возможность субъективного их толкования. Но важнее начать разговор вообще и еще раз обозначить тему, на что есть множество очень веских причин, в надежде, что появится множество дополнений и новых записей. Разумеется, в нынешнем варианте можно говорить лишь об очерках. Велики события, еще более велик контекст. Говорить о музее – значит, в сущности, говорить о Звенигороде – уровне и качестве пространства, когда появляется космическое звучание, звон, свидетельствующий нужную степень творческих напряжений: «ведь звучат вихревые кольца Огня, чуткое ухо может также в полной тишине услышать это великое звучание» («Мир Огненный», I, 559). Звенигород, как и любовь, – тема вечная.

Возвращаясь к реальным событиям и фактам, связанным со строительством Музея Н. К. Рериха в Уймоне, нужно иметь в виду

прежде всего их Тонкую сторону – не только как изначальное присутствие в канве событий факта пророчества строительства Города Света, то есть существование опережающего знания о событиях будущего, но и как движение на встречном потоке – установление в физическом мире каналов невидимых взаимосвязей. Чудесное полноправно и повсеместно присутствовало, проникая и корректируя события и людей, практикующих Живую Этику в Горном Алтае – области, где уже начинается священная Шамбала.

Строительство как проявленное действие людей, «в красоте труда ищущих свободу духа», какой бы сложной ни оказалась его судьба, а, может быть, именно благодаря этой сложности, стало одним из самых глубоких проявлений рериховского движения – движения под знаком бескорыстного поиска и деятельного служения Истине.

* * *

Будущее человечества, будущее Космоса, есть ли что-либо более священное?! Но эта ликующая священность не в золоченой оgrade, а в стреле устремления, в острие ромба, который сдвинул законченность квадрата в будущее.

«Община», 199.

Среди многих замечательных эпизодов сибирской истории есть один до сих пор вряд ли оцененный по достоинству: строительство на Алтае энтузиастами из Академгородка в конце 1970-х годов музея Н. К. Рериха. Алтай и, в частности, Верхний Уймон, в 1920-е годы был одной из точек маршрута и местом практической деятельности Рерихов в период Транссибирской экспедиции. В Уймоне Еленой Ивановой был принят очередной том Живой Этики – «Община».

Построенному мемориалу суждено было стать рукотворной памятью о феноменальных событиях, какими явились не только Транссибирская экспедиция, но и само строительство как активная форма глобального поиска пути лучшего жизнеустройства и фактически уникальный шанс эволюционной сибирской истории. Как ни парадоксально, но по достоинству оценить этот факт отказались в первую очередь именно «официальные» рериховцы, в свое время не только не поддержавшие идущее полным ходом строительство, но сознательно девальвировавшие его как связанное с «неудобным» именем сибирского ученого Алексея Николаевича Дмитриева, вдохновлявшего строительств-

во. Так родилась ложь умолчания, ставшая прародительницей многих последующих ложных суждений.

Именно к 70-м годам XX века жизнь в стране, официальная политическая доктрина которой оказалась пораженной «идеологической коррозией», потребовала ответов на многие накопившиеся «больные» вопросы времени. Ответы на них, как принято думать, сводились только к расцветшему (преимущественно в столице) диссидентскому нигилизму по отношению к существующему режиму и убогому космополитизму. Но в стране развернулась и набирала силу оптимистическая и созидательная деятельность приверженцев Учения «Агни Йога» как свода космической мудрости.

В России со времени начала деятельности Е. П. Блаватской и Рерихов по наведению космического «золотого моста» в Шамбалу, несмотря на последующее длительное пребывание их за границей, завязался процесс, составивший особое национальное дело, совершенно особую линию русской жизни, имеющую свою внутреннюю тему, сюжет и задачу – в условиях глубокого кризиса цивилизации на основе новой данной Учителями структуры сверхзнаний совершенствовать мировое сознание через очищение индивидуальных сознаний.

Живая Этика, примиряющая искусственно противопоставленные материю и дух, становилась несистематической «душеутоляющей философией» космической любви, а ее последователи, признавшие высшее духовное руководство, обретали неисчерпаемый источник сил и озарений – знание и «веру превыше всех религий».

В Сибири, в Новосибирске, в отличие от «западнической» диссидентской интеллигенции, рериховцами из научной среды была фактически предпринята попытка реформистской альтернативы ради совершенствования жизненного уклада и постепенного глобального решения проблем экологии, культуры, образования через науку, но не науку вообще, но науку одухотворенную, в синтезе ее с религией и искусством.

Строительство – в том его варианте, который осуществлялся (предлагался и принципиально другой), – как вдохновенная бескорыстная деятельность, отклик на завещание Рерихов – вовсе не было узкой сектантской деятельностью «горстки интеллектуалов» и обернулось невероятными по напряжению событиями не только внутри

рериховского движения. В каком-то смысле оно затронуло без преувеличения всю страну, выявляя, – само по себе или отношением к себе – существующие типы национального поведения и миропонимания на всех уровнях: рериховцев сибирских и столичных, алтайских партдеятелей, старообрядцев, КГБ, новосибирской номенклатуры, ведущих сибирских ученых, столичной и сибирской творческой интеллигенции и даже членов Политбюро ЦК КПСС. Возникла некая условная плоскость, в которой сам собою сложился оригинальный коллаж времени – личностей, идей, убеждений.

«Чем же так привлекала Н. К. Рериха Уймонская долина? Прежде всего неповторимой флорой и фауной. Поистине, природа собрала и сохранила здесь все, что необходимо для здоровья человека... Н. К. Рерих говорил, что уникальные особенности этих мест заслуживают создания научного учреждения, которое изучало бы человека во всех его многообразных связях с землей и космосом. В 1978 года группа энтузиастов на средства, выделенные Алтайским крайисполкомом, начала строительство в селе Дома Рериха. Не было леса – его заготавливали в тайге сами строители, не было опыта – его приобретали в работе. Строили дом, строили свое собственное сознание, ибо ничто так не воспитывает человека, как бескорыстный труд. Начинали строительство несколько человек, а в августе 1979 года, когда было уложено последнее бревно, за общий стол садилось до 30 строителей. Большинство из них новосибирцы, но в сооружении здания принимали участие москвичи, ленинградцы, жители Эстонии, Казахстана и др. Сегодня Дом Рериха в основном построен... Начало городу Знания положено», – сообщал в газете «Наука в Сибири» 24 октября 1979 один из новосибирских энтузиастов – Юрий Михайлович Ключников.

Строительство, разворачиваясь на Алтае и привлекая множество людей из разных городов, могло тем не менее состояться только в уникальных ментальных «широтах» Академгородка – особо заряженного пространства, средоточия особых, непрекращающихся вибраций, создаваемых людьми, горящими энтузиазмом. Возможно, сам Академгородок следует считать преддверием той самой завещанной Новой страны, которая уже в нем начинала осуществляться.

Особый ментал и особое энергетическое пространство, многократно выразившиеся во множестве удивительных фактов самого разного плана, могли появиться именно здесь, в городке науки, формирующей умение мыслить универсальными символами, в близости к великолепному Алтаю, соединенному с миром невидимым сверкающей нитью надежд и пророчеств.

Вернувшийся в 50-е годы в Россию из Индии Ю. Н. Рерих, как свидетельствует Р. Я. Рудзитис, говорил: «Город Будущего и музей надлежит строить на «чистой» земле... Молодежь России – круг интересов к героическому труду... Ближаются большие события. В России сейчас многое происходит по плану... Сейчас много говорят об Алтае, Сибири... В Новосибирске усиливается филиал Академии наук. Если бы мне предложили... я охотно поехал бы...»

Звенигород – город Знаний – мыслится точкой приложения новых созидательных сил. Именно в этом свете знаменитое изречение Ломоносова о будущем могуществе России, прирастающем Сибирью, открывалось новым мощным гуманитарным аспектом, а само появление Академгородка во всем блеске его необычайного научного и творческого потенциала – внешне почти как исторической прихоти – получало своеобразное обоснование высшего (мистического!) плана.

Академгородок был местом культового служения знанию, и ему давались новые невиданные энергии. Интерес к мистике закономерен именно на самых высоких уровнях сознания, а наука с ее способностью оперировать символами не только не исключает, но в высшем своем аспекте буквально на него обрекает. Все великие открытия во все времена неизменно совершались на уровне озарений. Духовная практика, практика Агни Йоги, нетрадиционная сама по себе, получила в сибирском Академгородке исключительную специфику, какую дает соединение чистоты и новизны места, энтузиазма и интеллектуальной мощи сибиряков с настроенностью их разбуженного подсознания. Именно здесь – на пике исследовательских интересов и устремления сердца – могла развиваться наука будущего, «охватывающая и внешнюю, и внутреннюю сторону вещей, не только материю, но и дух». «Результатом высочайшего размышления о научных вопросах является

образование утонченной формы духовной энергии в мозгу, которая в космической деятельности способна производить неограниченные результаты», – писал Махатма Кут Хуми.

Само время несло в себе исключительные, большие энергии. Героями становились молодые люди эпохи подъема, послевоенной поры, то есть эпохи выраженного света, на фоне страны, в которой все еще шло в логике, заданной всей духовной историей России.

Социальное новое в лучшем своем аспекте вырастало из внутреннего, духовного, накопленного еще дореволюционной страной и зафиксированного всей русской литературой, и не было неожиданным внешним обстоятельством, вероятностным лишь в той или иной степени. Академгородок бурлил неукротимым энтузиазмом.

«Развивающиеся преобразования, возрастая могуществом и качеством, рожают ответственнейшую проблему современности: «человек – природа»... Тоньше лезвия луча та строительная площадка, на которой человечество воздвигает свою физическую, эмоциональную, интеллектуальную и волевою перспективу... На пути человечества остались многие костры сжигания старого в себе ради перспективы реальной жизни, проецируемой в исполнимое будущее. Громадная жертвенность революционных пламен и жгучих страданиям огней двух мировых войн вознесена над Россией за текущее столетие. Это страдание и эта жертва расцвели зарницами понимания рвущейся в жизнь новизны жизни из близкого и далекого будущего. Никто, ничто и никогда не погасит этот пламень неистощимой жизни. Осознание внутренних источников жизни как способа старта в будущие формации жизни в их социальных и индивидуальных выявлениях отточило народную дерзость, бросившую вызов векам», – говорилось в записке геофизика А. Н. Дмитриева, поданной в 1974 году в Президиум СО АН, с предложением создания комплексного научного центра Новосибирск–Кулу для продолжения изучения этих внутренних источников жизни в аспектах, обозначенных Рерихами.

Эти записки и все сохранившиеся, найденные и приведенные здесь – редкие свидетельства о событиях той поры и попытка ощутить некий дополнительный новый и очень важный обертонаходящей эпохи, заново «увидев» и «прочитав» многие события во всей уникальной конкретности места и времени – Сибири по-

следних десятилетий XX века, Сибири мистической, той, которой Рерихами был завещан Звенигород.

Тема Звенигорода – города Знаний – одна из важнейших в творчестве Рерихов. Учением создавалось огромное внутреннее давление и новые импульсы, новые мотивации для деятельности чутких людей. Оно становилось философией, идеи которой должны были звучать через реальное их проживание. Воплощаясь в реальном мире, Звенигород – понятие из области тонких – знаменовал начало перехода рериховских великих идей из тонкого плана в мир плотных физических форм, соединив два плана существования. Течение событий в Сибири на каком-то этапе становилось важнейшим. Сибирь была местом, где самым благоприятным образом складывалось все для начала нового шага в духовном развитии человечества на пути эволюции.

Эпизод начала строительства нового города становился ключевым и вскрывающим объемность идей Учения.

Эпизод этот, по разным причинам не оцененный и оставшийся только началом, подступом к будущему воплощенному Городу Знаний, имеет ту специфику, что обладает законченностью целого и позволяет судить о нем как о факте живого действия тонкой энергии – психической, назначение которой и сводится в конечном счете к наделению человека качеством огненности, то есть свойством непобедимости и владения ключами от Будущего.

В 1999 году в одном из сборников «Рериховских чтений» появилась небольшая статья академика А. Л. Яншина (едва ли не последняя в его жизни), бывшая, по сути, его предсмертным словом и свидетельствующая, что «уймонская» тема подспудно не уходила из круга остро интересующих его вопросов, а увидеть музей в Уймоне, о состоянии дел в котором из-за отсутствия информации он не знал, в конце жизни стало душевной необходимостью.

Пришлось не однажды читать и материалы конференций, в которых авторы, касаясь темы Звенигорода, говорили о нем с нотой глубокого сожаления, как о чем-то, оставшемся абсолютно несбыточным, в конце тысячелетия уже никак не связывая музей в Уймоне с великим прообразом на картине Н. К. Рериха «Звенигород». О факте строительства предпочли забыть как об

имеющем слишком сложный подтекст, так как верной его оценке мешала большая навязанная доля страха и недоверия.

Свершившаяся история Музея имеет свои разные изустные бытования – в авторстве почти каждого индивидуума, хоть сколько-нибудь причастного к делу. Она претерпевает таким образом множество метаморфоз, всякий раз получая неожиданные версии и толкования, не только не заканчиваясь, а подспудно как бы еще только набирая силу. Нынешние обстоятельства жизни и работы Музея в Уймоне, как и все, что происходит вокруг него, оказываются прямым образом связанными с прошлыми событиями строительства, в начале XXI века опять получая предельное напряжение.

Сказать о существующей настороженности ответственных лиц Сибирского Рериховского общества по отношению к Алексею Николаевичу Дмитриеву – значит сказать еще очень мягко.

Не забудем: речь идет об ученом-подвижнике, занятом изучением острейшей проблемы фундаментальной науки – проблемы эфирной материальности – и представившем в фокус научного рассмотрения целый спектр необычных явлений в атмосфере и в космосе. Профессиональные знания Дмитриева о наступившей ЭПОХЕ ОГНЯ, как и сама вся его практика, дают уникальное земное обоснование Учению «Агни Йога».

У Елены Ивановны сказано в письмах, что люди, обладающие мощной психической энергией, должны быть защищаемы государством. Реально же происходит едва ли не наоборот: именно они неминуемо становятся предметом многих ментальных агрессий. Подтверждают это и судьбы едва ли не всех самых высоких мистиков мира. «Художнику, поэту, ученому легко прожить всю жизнь предметом поклонения современников, потому что он – нечто особое между людьми, и произведения его не имеют прямого отношения к действительной жизни, вращаясь исключительно в области фантастики. Наоборот, этик, проповедник нравственных идеалов, должен быть гоним, иначе он плохой этик. Этик ведь стоит между людьми как общечеловеческое требование и, следовательно, не должен допускать, чтобы люди, вместо того, чтобы выполнять его требования, только преклонялись бы перед ним самим. Такое отношение с

этической точки зрения самый ужасный обман, величайшая ложь», – в свое время писал Кьеркегор...

Эмоциям и всем существующим на этот счет астральным нагромождениям следует противопоставить правду событий и фактов. Весь пафос данных заметок и состоит в приглашении к непредвзятой оценке, в частности, известных событий строительства и проявившихся в них людей – в свете прошедшего времени (так как настоящее измерения не имеет), – вопреки созданному когда-то окостеневшему представлению.

Намерению подводить черту способствует и само время, тоже черту подводящее, – рубеж тысячелетий, и предощущение каких-то новых открывающихся истин. Волны небытия, смыкаясь, закрывают еще одну уходящую Атлантиду, какой представляется теперь Россия эпохи попытки осуществления социализма. Любопытно, что подошел срок исполнения пророчества Гоголя, утверждавшего, что Пушкин – «это русский человек в полном его развитии, каким он, может быть, явится через 200 лет». Разве не удивительно? Время выбрало нас. Значит, русский характер и тип в его полном развитии – это и есть мы или, по крайней мере, кто-нибудь среди нас. Вряд ли в этом есть что-то чрезмерное – рассматривать события в такой связи. Речь идет о больших мистериях самой жизни.

Обозначились и многие другие основания, утвердившие мысль писать не столько функциональный справочный труд-хронику процесса строительства музея в Сибири, выверяя до йоты числа и хронологию, сколько метафизику события: свершившийся факт строительства Мемориала Рериха на Алтае в последнее предкризисное десятилетие XX века, феноменальный и узловый, знаковый для рериховского движения вообще, стал почти математическим доказательством существования у рериховцев разных уровней представлений о практике Учения и самих ее возможностях.

Представления о пути и характере создания мемориала оказались самыми разными и имели свой сверхсмысл, оборачиваясь представлениями рериховцев о принципах взаимодействия с широкой общественностью, характере вмешательства в события, то есть в саму жизнь, о принципах практики Учения, завещавшего: «Подумайте, как можно отойти от старых привычек. Напрягитесь принять полную чашу» («Община», 234).

Главное, по А. Н. Дмитриеву, ученому-глобалисту из Академгородка, было строительство в 70-х годах в Уймоне будущей космической станции, лаборатории, как преддверия в могущественную науку грядущего, способную усовершенствовать мир, – в живых вибрациях сердца, собственными руками – как жертвоприношение, как практика великих идей Живой Этики через вживание в них – в полном соответствии с предвидением Елены Ивановны Рерих: «Мир будущий, мир высший грядет в доспехе лучей лабораторных. Именно лаборатории укажут на преимущество высшей энергии и не только установят превосходство психической энергии человека над всеми до сих пор известными энергиями, но будет явлена наглядная разница в качестве ее, и, таким образом, значение духовности будет установлено в полной мере. Познание высших законов подчинит технику духу, и отсюда утвердится и познание высших целей, которое поведет к преобразованию всей материальной природы. Преображенная природа, преобразенный дух народа подскажет и лучшие формы устройства жизни».

По своей исключительной выразительности факт отсутствия сколько-нибудь закреплённых в печати сведений о строительстве мемориала в 70-е годы XX века или, точнее, их удивительной скудости можно назвать кощунственным, как и само нежелание признавать особый менгал, выразившийся и проявившийся в строительстве и через него. Среди многих замечательных имен и событий, зафиксированных в хронике рериховского движения (в сборнике «Рерих и Сибирь»), почему-то не оказалось имен четы Смирновых, бессменных хранителей Рериховского Мемориала в Уймоне, начиная с 80-х годов. Эти годы обозначили, по сути, целую эпоху в отношениях человечества с Агни Йогой. Самой хроникой, кстати сказать, хорошо выражены приоритеты деятельности в движении. Все данные о строительстве в Уймоне как таковом ограничиваются в ней двумя противоречивыми записями, а именно: «1978 г. В Верхнем Уймоне начато строительство здания под экспозиционный павильон музея Н. К. Рериха. Подлинное здание, где останавливался художник, решено отреставрировать и превратить в мемориальный Дом-музей.

23 июля 1979 г. В Новосибирске побывала Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и Гизелла Ингеборг Фриччи – почетные президент и ви-

це-президент Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. На встрече в Доме ученых СО АН СССР К. Кэмпбелл-Стиббе сказала: «Правление Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке просило нас передать Знамя Мира, выполненное по рисунку Николая Константиновича, специально для алтайского музея Рериха».

Вспомнить строительство, свидетельствуя о прошлом из сегодняшнего дня и о сегодняшнем – из прошлого – стоит и как редкий факт истории из области проявления «важного потерянного элемента нашей культуры» – рыцарского, мистического, о котором существует невероятное количество домыслов, и как начало предлагавшегося интереснейшего варианта сценария будущего по крайней мере для целого края – Сибири и Алтая, о чем лишь немногие имеют полное представление.

Редко случалось, что о фактах столь знаменательных и именах людей, с ними связанных, было известно одновременно так много итак мало, а оценка их в такой степени терялась бы в тумане предубеждений.

* * *

Так на пути к Миру Огненному нужно почитать героев каждодневной жизни, которые насыщают жизнь достижением каждого часа... Столбы народа утверждаются только качествами героизма духа и сердца. Тот, кто знает героизм самоотречения, не будет случайным героем времени – рекорды пространства отметят навсегда труды героя духа.

«Мир Огненный», III, 43.

Алексея Николаевича Дмитриева задача строительства привлекала как чистый эксперимент осуществления практики Агни Йоги во внешнем мире и как утверждение новых возможностей для страны на основе воспринятых тонких энергий не только не независимо от существующей идеологии, но именно «внутри» нее. В каком-то смысле опыт строительства как опыт энтузиазма

стов был в логике этого строя, измерял жизнеспособность госу-
клада, и если бы не внутренние трения рериховцев, был бы
абсолютно положителен.

В этом плане Дмитриев полемизировал и с так называемыми
шестидесятниками с их пассивным противостоянием начинающе-
муся застою, сидениями на кухне и фрондой – пением и ностальги-
ей по самим себе, по пережитому в военную пору взлету духа.

По Дмитриеву, и явление бардов и бардовства было ложным
занятием, явлением болотных огней, затягивавших и в конечном
счете затянувших страну. Геофизик Дмитриев, хорошо знающий
реалии страны и «погоду» в мире, еще в 70-е годы со своими
единомышленниками увидел в Учении «Агни Йога» реальный
шанс постепенного творческого выхода из назревающей «ава-
рийной ситуации», в которую погружалась страна и «цивилизо-
ванный» мир. Идея строительства была не прожектерством, а
строгим и полным следованием духу Учения как своду косми-
ческой мудрости и «особой техники» принятия новых энергий.

Психическая энергия, овладение которой и ведет к развитию
высоких форм сознания, развивается в процессе одухотворенно-
го труда. Звенигород должен был стать овеянным Знаком
всеобщего Энтузиазма, начинаясь с конкретных планов, черте-
жей и деревянных плах, в буквальном смысле согретых руками
самоотверженных тружеников.

Помимо «чистых» энтузиастов участниками строительства,
иногда даже невольными, стало множество людей, питавших до-
брые чувства не столько даже к Учению, сколько к имени худож-
ника, хорошо знавшего Алтай. Они были полны желания помочь
и так или иначе помогали, подтверждая свой добрый настрой де-
лом, жертвуя временем, силами, покоем, интересами собственной
семьи, бескорыстно созидая и здание, и собственную душу.

Огромную положительную роль, как свидетельствует Вален-
тина Новожилова, участница и очевидец происходящего, сыгра-
ли в деле именно люди, подключившиеся к строительству на
месте просто из сочувствия строителям, из которых мало кто
был профессионалом: трактористы, шоферы, нередко выпол-
нявшие рискованные операции по доставке леса из тайги, – так
что каждое прибывшее к месту бревно приветствовалось чуть ли
не меньше, чем корабль, спущенный со стапеля. «Уймон – де-

ревня глухая и в своем техническом оснащении достаточно скромная. Все оказывалось сложным, достаточно дорогостоящим. Люди, соглашавшиеся работать, порой по разным причинам в последний момент обязательства не выдерживали, часто искренне об этом сожалели. С точки зрения старожилов, Уймон оказался чем-то вроде области игры для взрослых, и население относилось к приехавшим с интересом, но без особого сочувствия. Однако и оно подключилось к делу», – двадцатью годами спустя рассказывала Валентина Ивановна.

Музей – детище и предмет попечительства очень многих людей. Здание, каким оно построено, действительно стало Храмом сердца, так как требовало заботы именно сердечной, без чего просто не состоялось бы – хотя бы из-за обстоятельства удаленности от всех центров: для строителей надо было создавать что-то вроде столовой, добывать продукты, устраивать «кухню», бесконечно готовить, стирать рабочие одежды, устраиваться на ночлег и т.д. Все это было под силу только общине.

Но, несмотря на обилие информации вообще, существующей как коллективная память, особенность ее – до сих пор – сугубая эмоциональность при незнании всех обстоятельств событий и слабое представление об истинной мощи задуманного, мощи потенциала происходящего. В каком-то смысле это не так уж и важно. Надежда Борисовна Судакова, по свидетельству многих, одна из самых деятельных и ответственных героинь тех событий, вспоминала такой впечатливший ее эпизод: Алексей Николаевич, в момент ее сетований о негативе, сопутствовавшем строительству и как бы снизившим его аурически, принес карту Алтая с обозначенным на ней в Уймоне Музеем Рериха со словами: «Самое главное – это».

Что-то подобное по тону и самой этой убежденности в том, что все исчерпывающе выражено самим поднявшимся уже к 80-м годам на Алтае зданием, сказал и Евгений Киселев, участвовавший в строительстве в пору «нулевого цикла», в самом драматическом начале, когда понадобилось добывать в тайге лес, т.е. спиливать ранней весной, утопая в снегу, огромные деревья, всеми правдами и неправдами потом переправлять их к месту развернувшегося строительства. Его труд очевидцы называли без преувеличения героическим. Сам же он в тоне мудрой отстраненности от событий возрастом и всем прошедшим опытом жизни, идею писания исто-

рии не одобрил, сказав только, в частности, о себе: «Ну какой же здесь героизм, хотя, конечно, при заготовке строительного материала пришлось приложить значительные усилия. Главное то, что здание стоит. О чем еще тут говорить и надо ли об этом писать?» А на просьбу приехать и порассказывать возразил: «В городке бывать стараюсь меньше, говорить на тему всего прошлого – тоже. Самое главное, что музей стоит, как бы о том ни рядили. Подождите, вам такого понараскажут. Юмору больше, спокойствия... Не люблю возвращаться в прошлое. Прошлое – оно прошлое и есть. Важно, что музей построили. Здание стоит».

Очень интересно, например, и высказывание Ольги Савельевой, теперь – поэта, преподавателя и кандидата филологии, а в пору строительства – юной студентки гумфака – о собственном, хоть и небольшом опыте участия в строительстве – через 20 лет после его завершения, в 1999 году, как одно из наиболее выразительных. На вопрос, почему все, сказанное и связанное с музеем Рерихов, до сих пор принимается многими людьми, знающими и не знающими обстоятельства строительства, в такой степени эмоционально, она ответила: «Дело было не из разряда обыкновенных. Возводили не просто музей, создавали некое культовое место, которое должно было стать местом поклонения рериховскому искусству, рериховскому космосу. А как, вообще, действует ли сейчас музей?.. Задумывалось там многое, и замысел был достаточно стройный, – мыслилось, что будут аккумулироваться службы, начнется работа просветительская. Мыслилось, что приедет просвещенная интеллигенция и будет новый полис, где заживут все по-новому. Идея-то была хороша, но сразу возникал вопрос, сразу вставали проблемы коммуникации: проблема дорог, проблема инфраструктуры».

Удаленность имеет свои минусы – кто туда поедет? Так что была возможность, угроза, что все это станет Нью-Васюками, то есть в алтайской реальности и вообще было много такого, что ставило под удар всю затею. Надо было сообразовывать идею с реальностью.

Так и в отношении самого дома. Чисто архитектурно – мыслилось одно, по многим причинам получалось другое. Еще Платон говорил: идея вещи отличается от самой вещи.

Вообще образованный народ часто склонен потрепаться. Но на первых порах народу мало было – все на виду – утопить дело в трепологии было невозможно, хотя разговоров всегда было много. И чего только ни приходилось слышать...

Но энтузиазм был большой, энтузиазм кипел. Чья идея была – неизвестно. Оформилась, видимо, как часть диссидентского движения. Идея обращения с письмами к кругу лиц – вызревала в кружке Алексея Николаевича. Сочиняли письма к Индире Ганди, к Святославу Николаевичу. Мысль-то хорошая, но все хождения в народ хорошо не кончались.

Чтобы быть единым с народом, надо жить – вести крестьянский образ жизни, есть, пить, как народ, – а это снижает задачу.

Что такое было дело Рериха в городке? Тогда это было альтернативой официальной идеологии, той отвратительной похлебке марксизма, которой всех нас кормили, выход за рамки марксистской жвачки-идеологии. Одни сидят на семинарах, а мы читаем Учение, мы – медитируем. Мы все входили в эту группу – и мама тоже (Наталья Кулик, в настоящее время – доцент НГУ).

Авт. (О.А.): Есть такое мнение, что к Алексею Николаевичу в городке существует сложное отношение, а ведь это человек, который строил Звенигород. Так ли это?

О. С.: Какой Звенигород?

Авт. (О.А.): Строительство музея было его началом...

О.С.: Человек он, безусловно, талантливый и умный, но – микрофюрер... Не знаю, стоит ли это писать... Жизнь у него была сложная... Харизматическая личность, одареннейшая. Но он же лев. А лев – это «я» – на блюде, «я» – на солнце. Есть лев дающий, а есть – опаляющий. Это на самом деле трагедия – трагедия и социальная, поскольку такой человек в то время не имел возможность развернуться. Кстати, многие забывают: у него есть орден «Знак почета». Положил – не показывает...

Духовным лидером был он, хотя из тех, кто были причастны к музею (это были мамыны знакомые) было много ярких людей.

Был, например, Евгений Киселев. У него была идея, что русский язык родственен с древнеегипетским; он все повторял об особой смыслонагрузке слога «РА» в русском языке: РАдость, РАдуга и т.д.

Лабецкий Петр – личность яркая, удивительная. Это пример для меня, когда человек, с точки зрения формальной иерархии – никто, – сделал сам себя. Пример того, как человек сумел себя доказать. Его уважает даже Деревянко – за его этическую безупречность...

Сергуня Калинин – честный, прозрачный, кристальный...

Главное ощущение, которое тогда присутствовало, – ощущение удивительного сочетания физического труда и одухотворенной работы.

Уже античная цивилизация разрешила все проблемы, кроме одной – одухотворенного труда. А на Алтае духовная проблема решалась через такой вот физический труд. Даже стирка белья, варка каши приобретала какой-то особый знаковый характер. В моей жизни это редкое ощущение было больше практически невозпроизводимо».

* * *

Будем отмечать людей, смотрящих глазом и понимающих сознанием зрение сердца. Они будут стремиться далеко и как бы к дальнему маяку подтягивать себя. Ценны эти якоря дальнего плавания... Нужно особенно теперь забрасывать дальние якоря. Можно видеть, как теряют смысл малые расстояния.

«Иерархия», 274.

С убыстряющимся ходом времени все большую ценность приобретают сохранившиеся документы как нечто объективное и абсолютное, свидетельствующее о больших намерениях и о не менее больших возможностях энтузиастов. В их свете нужно оценивать множество изустных мнений, существующих как разные клише, среди которых основное – резко отрицательное отношение Сибирского Рериховского общества к строительству как к действию, якобы совершенному людьми, «не достойными вели-

кого замысла» (ни больше, ни меньше). Это отношение культивируется и в столичном, и в сибирском рериховском официозе, притом, что должное Дмитриеву как человеку знающему все всегда и везде отдавали, относясь как к фигуре исключительно сильной, но способной силой злоупотреблять. Так субъективное возобладало над объективным, то есть сугубо личное отношение многих – их страх, обиды, досада на неудобства, которые Дмитриев своим присутствием максималиста создал, саможаление, самоощажение и прочее – возобладало над самой сутью произошедшего – и за деревьями не стало видно леса.

Но метафизически суметь построить музей в 70-е годы значило очень многое. Строительство, во всеобщей реальности открыто переноса доминанту на духовный план, было деятельным вмешательством в осложненную карму страны, провозгласившей на том этапе главной целью развития не духовные приоритеты, а «повышение уровня благосостояния трудящихся», и проявлением доброй свободной народной воли во времена героизации диссидентства.

Музей – в том варианте, в котором был задуман энтузиастами, должен был стать биофизической станцией, положив начало научному комплексу Новосибирск–Кулу, должен был и мог стать научной лабораторией по космическим исследованиям и «творческой точкой роста новейшей культуры в ее духовных срезях». Должны были наладиться связи с Индией, с центром Урусвати в Кулу, и это подтверждается документально: на записке Алексея Николаевича Дмитриева 1974 года «Изучение и развитие идей... о синтетических основах организации жизни на Земле» с предложениями о создании в Новосибирске базового Института Гималайских исследований значится положительная резолюция Г. И. Марчука (тогда – Президента СО АН), многочисленные уточнения и советы.

Участники событий рассказывали: «Была создана программа взаимодействий центра в Верхнем Уймоне с сетью биосферных заповедников, метеостанций, лабораторий на Алтае, в Бурятии, Хакасии, Туве, Китае. Центром должен был стать Институт Урусвати в Кулу. Эти планы встретили поддержку со стороны академика А. Л. Яншина, председателя научного совета по проблемам Био-

сферы АН СССР. Были направлены письма с подобными предложениями к С. Н. Рериху и Индире Ганди в Индию. Предполагалось осуществить взаимодействие с рядом институтов СО АН СССР».

Но музей строили не просто как полифункциональное здание. Его строили «сердцем» как Храм Красоты в честь имени и в память великого художника, – и есть все основания считать его Храмом или, точнее, его достойным преддверием.

Разные оппоненты такого утверждения ссылались на тот факт, что из разных источников стало известно, что в основании Храма, который будет воздвигнут на Алтае, лежит камень, о котором повествуется в «Криптограммах Востока».

В дневниковых записях Елены Ивановны Рерих 1924 года тоже содержатся сведения о чудесном камне. Владыкой Шамбалы было сказано: «После станет ясно, как строить Звенигород... Вы уже имеете размеры высот и как расположить ступени...

Теперь о камне. Камень, пришедший с Ориона, хранится в Братстве. Осколок его посылается в Мир сопутствовать мировым событиям и своею внутреннею магической силой держит соединение с Братством, где лежит главное тело Камня.

Перед вами пример – вы живете приблизительно на высоте 7 000 футов – эта высота удобна для Храма. Над ним на высоте 12 000 (футов) удобное место для встреч. Итак, вы имеете три ступени жизни. Внизу город Новой Эпохи, над ним Храм человеческих достижений и место встреч Земли с Духом. Камень положим во Храме. Удряя (Ю. Н. Рерих) будет знать это место...

Камень посылается по решению Братьев, потому некоторые Учителя владели им. Христос, хотя и знал о Камне, но его задача была открыть глаза на духовный план. Мы писали вместе, ибо именно теперь надо приблизить силы духа к Земле...»

Из сказанного следует, что Посвященным в Планы, связанные с будущим строительством Звенигорода и Храма, должен был стать Юрий Николаевич Рерих, вернувшийся на Родину в 1956-м году. Пока остается загадкой, почему Махатмы изменили План. Известно только, что уже в 1955-м году и Елена Ивановна, и Юрий Николаевич знали, что ему предстоит прожить в Москве только четыре года. Известно также о его намерении продолжить работу в новосибирском Академгородке (если в СО АН откры-

лось бы отделение востоковедения) или в Бурятии. Но в 1960 году земной путь Ю. Н. Рериха закончился. Как утверждал Святослав Николаевич, «он был отозван»...

Но в Учении существует понятие «небесного камня», подразумевающее случай редкой крепости духа, и своими поворотами время только подчеркивает исключительное значение того, что все-таки удалось совершить на Алтае – «руками и ногами человеческими». Само «случайное» появление геофизической экспедиции в момент произошедшей полной остановки дел на строительстве в самом его начале, последовавшая позже «случайная» апелляция энтузиастов в обком в момент кризиса дает основание предполагать о существовании некоего Плана Испытания, нового Плана Необходимости проявления человеческого Сознания в обстоятельствах возникшего острого противоречия, то есть в крайнем его напряжении, уже как бы иносознания, какого-то его неведомого уровня, стремящегося выразиться через участников затянувшегося и крайне осложненного строительства.

В основании здания все-таки был заложен символический камень – камень добра, крепость духа, проявляющего себя в созидании, как символ конкретных человеческих усилий, который в этой ситуации «разгадал» Дмитриев. В таком варианте строительства – бескорыстном, на пределе возможностей – как чистое жертвоприношение – мемориал был и Храмом сердца, потому что был создан высокими вибрациями горячего коллективного сердца.

* * *

Хотя неуловимы добрые следствия намерений, добрых мыслей и действий, но по закону причинности все приносит следствия. Закон непреложен и величественен.

«Мир Огненный», III, 46.

В научном обиходе единственное довольно подробное сообщение о музее и строительстве его как факте истории за последние десятилетия XX века было сделано в рамках статьи в науч-

ном сборнике самим Сергеем Смирновым, бывшим главным ответственным лицом в период строительства (препринт 1983 г. «Музей Н. К. Рериха на Алтае». – Бурятский Институт общественных наук СО АН СССР, Институт истории, филологии и философии, комиссия по востоковедению, Новосибирск). Дословно:

«Музей Н. К. Рериха расположен в Уймонской долине Горного Алтая, на южной окраине небольшого села Верхний Уймон. В этом селе с 7 по 19 августа 1926 года останавливалась Центрально-Азиатская научно-художественная экспедиция, возглавляемая академиком Н. К. Рерихом. В 1977 году бюро Алтайского крайкома КПСС и исполнительный комитет краевого Совета народных депутатов приняли совместное постановление о реставрации Дома-музея Н. К. Рериха в селе Верхний Уймон. В июне 1978 года Усть-Коксинский райисполком выделил средства, и с 14 июля 1978 г. начались строительные работы. Первые два года работы велись в основном силами добровольцев из разных городов Советского Союза под техническим руководством местного плотника А. М. Будюка. Здание музея двухэтажное, деревянное. Основной строительный материал – лиственница. Двери, карниз, ставни и наличники сделаны из кедра и украшены резьбой. В резьбе использованы русские и восточные мотивы, в том числе алтайские. Внешне здание выполнено как памятник-мемориал Н. К. Рериху, о чем свидетельствуют основные художественные элементы здания, связанные с деятельностью Н. К. Рериха. Экспозиционная площадь залов 100 кв. м. В большом зале второго этажа предполагается разместить художественную экспозицию. На первом этаже – мемориальная экспозиция, посвященная жизни и деятельности Рерихов и отдел краеведения. Работа музея Н. К. Рериха в селе Верхний Уймон намечается по трем направлениям:

сбор, обработка, изучение и экспозиция научного, литературного, художественного и этического наследия семьи Рерихов;

научное направление, предусматривающее работу в областях знаний, близких к научным интересам семьи Рерихов;

культурно-воспитательная работа».

В статье этой названы многие важные даты, ставшие вехами истории строительства, и сформулированы очень перспективные планы деятельности сотрудников мемориального комплек-

са. Но – парадоксальным образом – статья, в буквальном смысле становясь итоговой, фактически обозначала и дату последовавшего затем вынужденного прекращения деятельности мемориала, а тем самым – и печальную «веху» в истории всего движения рериховцев на его важнейшем этапе. Все события тех лет имели, конечно же, судьбоносную силу.

«ДЕРЗАЙТЕ – и сперва обработайте материалы, которые у вас имеются, а потом мы будем первыми, кто поможет вам получить дальнейшие доказательства», – писал в свое время Махатма Кут Хуми, обращаясь к ищущим Знание ученым.

Судить о том, что же все-таки произошло в Уймоне, можно только вдумываясь в историю и возвращаясь к ее истокам.

* * *

Прежде всего сказано – идите кратчайшим путем, соберите ваши силы, утвердитесь в понимании индивидуализации, ибо радуга укрепляется всеми лучами.

«Сердце», 86.

Информации об идущем строительстве было достаточно, но она не была и не могла быть полной в атеистической стране (в сущности, как и в стране, «вернувшейся» в православие). Идеи Учения как фундамента нового космического мировоззрения и Науки Будущего, проникающей за пределы мира физического в мир тонких энергий, в лице ортодоксов от православия и позитивной науки незаслуженно имели непримиримых врагов. Этот конфликт создавал усложненный духовный и социальный контекст и в без того сложных взаимоотношениях Учения с церковью и государством и самих тончайших материй Агни Йоги с плотным миром.

То, каким виделся Академгородок, и как воспринимались рериховцы, можно судить по многим источникам, среди которых один из самых примечательных – страницы из книги «Россия распятая» Ильи Глазунова, известного столичного художника, попавшего в Сибирь как в кратковременную ссылку вследствие вспышки правительственного гнева и, конечно же, тоже наслон-

ившего в конце концов на все происходящее свои ментальные посылки. Вот еще одно свидетельство о том, каков был в то время российский ментал в одной из многих сложных его разновидностей: «В Сибири, как известно, центром научной мысли является Академгородок Новосибирска... Кому, как не им (ученым), осуществлять и продолжать дело таких ученых, каким был Василий Флоринский? Советская наука чтит труды ныне покойного археолога Окладникова, специалиста по наскальным рисункам каменного века. Не могу взять в толк, как он мог написать неуклюжую и конъюнктурную статью о творчестве Рериха, под именем которого, к сожалению, множатся антихристианские силы, распространяются бредни о Шамбале и теософские сатанинские доктрины Блаватской и Елены Рерих. Мне несколько раз доводилось слышать выступления Окладникова, корифея научной мысли Сибири. Говорил он скучно и вяло, оживляясь лишь во время благодарности партии и правительству за внимание к нашей науке. Я долго изучал, когда он сидел в президиуме Колонного зала, его рослую фигуру, странно неподвижное и словно мертвое лицо... Для понимания атмосферы в советской научной среде характерен весь Академгородок Новосибирска, который, когда это было еще «запрещено», славился интересом к художникам – комиссарам авангарда 20-х годов – и восхищался буддийскими работами позднего Рериха и его сына Святослава, который в предыдущей жизни был якобы Тицианом. Перерождение, Шамбала и Махагмы – какая это ересь!»

И все-таки имя художника и его искусство становятся популярными во всей стране. На волне подготовки празднования 100-летия со дня рождения Н. К. Рериха вокруг Святослава Рериха собирается вся московская и сибирская рериховская элита. Готовится конференция в честь столетия со дня рождения Николая Константиновича, обсуждается множество вопросов, в том числе вопрос о методах, формах работы, вопросы об архивах и судьбе творческого наследия художников – Рерихов, сотрудничестве российских рериховцев с американским Музеем Рериха – и в первую очередь вопрос о наследии Николая Константиновича в Кулу (Институт Урусвати), вопрос об алтайском строительстве, имевший грандиозный подтекст.

Учение становилось новым духовным уложением, которое должно было осуществляться в повседневной реальности. Должно было начать твориться новое сознание, новая этика и новая история, и будущее ее связывалось прежде всего с Сибирью, названной областью Будущего – с «новыми людьми на чистой земле».

Ольга Румянцева, тогда – заведующая рериховским мемориальным кабинетом в Москве при Музее Востока, вспоминала о событиях юбилейного года – столетия со дня рождения Н. К. Рериха: «Тогда его юбилей праздновался широко, с большим вниманием и правительства, и общественности. К тому времени впервые после 17 года вышли из печати книги о Рерихе и его собственные сочинения, с огромным успехом прошли большие выставки работ Николая Константиновича и Святослава Николаевича. Академией художеств СССР совместно с другими творческими организациями была проведена первая научная конференция, посвященная творчеству Рерихов. Необычайно празднично юбилей был отмечен в Большом театре. Сцена украшена белыми хризантемами, в глубине ее висел большой портрет Н. К. Рериха, окаймленный большим лавровым венцом. Святослав Николаевич с женой Девикой Рани находились в центральной «царской ложе». Их появление присутствующие приветствовали бурными аплодисментами, все встали со своих мест. Затем был великолепный концерт: танцевала Майя Плисецкая, пела Ирина Архипова».

В научной конференции участвовали доверенные лица Святослава Николаевича, сотрудники музеев, искусствоведы, художественная интеллигенция, и в том числе те, кому суждено было так или иначе сыграть в развитии событий в Сибири самую непосредственную роль: режиссер и начинатель Шукшинских праздников рериховед Ренита Григорьева, латвийские художники Леопольд Цесюлевич и Ильзе Рудзите, секретарь Святослава Рериха (во время приездов его в Россию) и первый биограф Николая Константиновича Павел Беликов, сибиряки Наталья Спирина, Евгений Маточкин, Петр Лабецкий, Алексей Дмитриев, Валерий Липенков и т.д. Присутствовала и Зинаида Григорьевна Фосдик, вице-директор Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха и участница рериховской научно-художественной экспедиции. Перечислить всех, разумеется, невозможно. Вот что писал об этом времени, например, Валентин Сидоров в книге «Знаки

Христа», имея в виду одну из своих московских духовных наставниц – Надежду Михайловну Костомарову: «Вместе со мной в ее обитель ворвутся люди и события, от которых доселе она стояла в стороне. Она окажется как бы в эпицентре подготовки столетнего юбилея Рериха и благословит мое путешествие в гималайский ашрам Рериха, а потом ее пути пересекутся с путями Святослава Рериха в моей квартире на Болотниковской улице».

Среди всего происходящего тема завещанной Новой страны становилась ведущей. Люди, Учением посвященные в оккультные знания, должны были сделать их полезными – важнейшее требование Учения и времени. Знание должно было перестать быть абстрактным. В «Знаках Христа» Валентин Сидоров продолжал: «Разумеется, мы знали пророчество Рериха о будущем Алтая. Знали, что новой духовной цивилизации человечества – если планета наша сохранится – суждено развиваться именно здесь. Знали, что центр обновленной России должен переместиться именно сюда. Со слов Рериха знали даже название будущей духовной столицы России – Звенигород».

Но самым большим из ожиданий и требований, связанных у Махатм Шамбалы с существованием Звенигорода, было требование «отереть тело Христа». В Звенигороде нужно было «прозвонить Истину», утверждая на земле величие и важность событий духовного плана. В Дневниках Елены Ивановны весной 1926 года появилась запись слов, сказанных в то время Владыкой:

«Можно построить город, можно дать лучшие знания, можно одеть стражу, но труднее всего отмыть истинное Изображение Христа!.. Трудно на Земле касаться неба... Можно поносить желание упростить лик Христа для народа...»

Вопрос строительства Нового города становился вопросом очищения, чистоты духовной традиции, труднейшим вопросом восприятия и практики Агни Йоги без искажений. Еще в 1923 году в статье «Адамант» Николай Константинович предрекал: «Всему миру приходит трудное испытание – испытание восприятием Истины. После средневековых испытаний огнем, водой и железом предстоит испытание восприятием Культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесет их на ступень Знания и Красоты».

* * *

Неизбежны трудности, как колесо устремления. Неизбежны ужасные давления, иначе немощен взрыв. Но разве радость приходит в легкомыслии?

«Сердце», 71.

В истории музея есть своя историко-легендарная сюжетная линия, связанная с событиями Транссибирской экспедиции Рерихов.

В сборнике «Рерихи и Сибирь», в статье В. Ларичева говорится: «Верхний Уймон был одним из объектов обследования экспедиции в Горном Алтае, причем совершенно определенного плана, связанного главным образом с изучением жизни далеких потомков первых переселенцев. Именно Уймон, выбор которого определили несколько важных обстоятельств, в том числе близость к Белухе, стал стационарной базой, откуда почти ежедневно осуществлялись маршруты по разным направлениям и с разными целями, в том числе с целью изучения природных богатств края и всего того необычного, чем они изобиловали.

17 августа Н. К. Рерих прошел Катунский хребет с севера на юг через перевал на Студеном белке и вышел к южной стороне Белухи: «А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху. Было так чисто и звонко, прямо Звенигород...»

«Владычица, белоснежная гора, питающая все реки и поля, готовая дать сокровища», была известна далеко за пределами Алтая, очевидно, еще со времен составления в Индии священных Вед, в которых исследователи с удивлением обнаружили однажды отчетливые признаки «северных мотивов». Коренные жители Алтая воспринимали Белуху как Уч-Сумер, трехглавую мировую гору звезд великого Ориона».

Белуха почиталась на Алтае и потому, что на вершине ее, по преданиям, нашел свою смерть от небесной божественной птицы дракон, носитель мирового зла.

Согласно апокрифическому сказанию, Белой горы достиг во время сокровенного странствия по дорогам Азии Будда. Там, где встречаются токи земной и небесной Шамбалы, он принял космическое посвящение.

Именно здесь, в этих местах, находятся многие мощные магниты, о которых в «Озарении» упоминает Махатма Мория. В «Криптограммах Востока» звучит легенда о священных творениях алтайской природы, излучающих особую тонкую жизненную силу, способную помогать строителям лучшего будущего:

«Гора Белая, Гора, познавшая, откуда вода белая пошла.

Пошлет Гора камни Катунь. Сносят камни берега белые, разделяют камни брат от брата.

Закраснела кровью Катунь, идет война.

Белая гора, ты ли послала красные камни? Где твоё Беловодье?

Возьму посох кедра, окручусь белою одеждою, подымусь на Белую гору, у нее спрошу, – откуда пошла белая вода?

От горы, от самой вершины показались сорок сороков вершин. За ним светится гора Белая! Камень ли горит? Тайна обозначилась. Пойдем, братия, на тот свет Сияющий!

Невиданное увидено. Неслыханное услышано.

На Белой горе стоит Град. Звон слышен. Петух в срок закричал.

Удалимся в город и послушаем Книгу Великую».

В. Ларичев далее пишет в статье: «Н. К. Рерих уверял свое окружение и кержаков Верхнего Уймона тоже, что у здешних земель в долине Усть-Коксы великое будущее. В этом месте, одном из красивейших в России, ему виделся город – новый город, рожденный мечтой. Все здесь, в предгорьях, для него подходило: и богатство природы, и чистота воздуха, и красоты пейзажа. «Приветлива Катунь, звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?» – писал в путевом дневнике Н. К. Рерих. Староверы с готовностью соглашались, только спрашивали: откуда же достать воды, нужной для города? Н. К. Рерих успокаивал их: «Водопровод проведут». Он был настолько захвачен идеей, что вскоре из Верх-Уймона были посланы два письма – одно в Москву Чичерину, другое – в Улалу председателю облисполкома Алтая Алыгазову. В них предполагалось строительство железной дороги Барнаул–Катанда, откуда до Белухи оставалось бы всего два перегона. Так «сердце Азии» могло бы найти единение с Семипалатинском и Новосибирском. Задуманное казалось ре-

альным тем более, что еще в довоенное время строительство такой магистрали планировалось...

Местный народ был готов к сотрудничеству».

В дневнике Николая Константиновича 15 августа 1926 года появилась запись: «Здесьняя местность как вчера родилась. Золотые здешние места... Глух и заброшен Алтай. И город на новом месте еще не построен...»

Весной того же 1926 года Учитель Мория передавал Елене Ивановне: «Так вернемся к очищению Учения. Дайте малым мыслить о Звенигороде как могут, лишь бы мыслили. Но сами мыслите, как отереть тело Христа. Негоже Самому звонить на Звенигороде, тебе сказано: звони в Звенигороде. Собирая крохи народного Спаса и обращая хитон в рабочий плат, можно найти озарение. Руками человеческими должен сложиться Храм. Помогут староверы, молокане, и пашковцы, и шпундисты...»

А в 1935 году появилась картина Николая Константиновича – «Звенигород»: на фоне ползущих алтайских туманов и синей горной гряды поднялся Собор. Пред Ликом Богоматери Святое воинство держит в ладонях малое строение, малый прообраз Храма, его преддверие – как бы в другом временном срезе и как бы в ожидании передать его в мир реальный из астральных рук в руки. А сверху, в небесной лазури – легкий звенящий росчерк на полотне – летящая стрела предначертанья – знак творящейся магии, мощный диящийся импульс посылаемого утверждения. Фон картины – типичный пейзаж Уймона; сюжетно она предполагает по крайней мере три временных плана...

Почти экстатически действующее окружение синей цепи гор, самого воздуха Алтая, рек с чистой водной стихией, сознание того, что здесь когда-то прошел Будда, почти видимое течение энергий, потоком льющихся из космоса в грозах, громе, дождях, ливнях – в пространстве, хранящем вибрации высоких сознаний и обаяние достоверности высочайшего присутствия, записанного как тайный голос и код места – области, с которой связаны народные представления как о святине Сибири, области борьбы света и тьмы, непостижимой красоты и таинственной нисходящей с высот чистоты и силы – это фон, на котором стоит музей.

Деятельность на Алтае увлекала многих феноменами этой гелиочувствительной области и зримостью эстафеты Великих Заветов в близкой современности, красотой пророчества Нового Города, которое могло сбыться.

Материализовавшись только отчасти, этот город уже существует в плане тонком как достигший метафизически в самом себе вечной формы. Это не город в собственном смысле, а духовный вибрационный поток, заданный сознаниями особого высокого свойства.

Звенигород – глубочайшая из мыслеформ, созданных исполнителями духа и посланная ими в русское будущее, становилась залогом возможности продолжения эволюции российской и планетарной в условиях, когда, как утверждает Владыка Мория, «планета висела на ниточке».

Идея Города Знания, вокруг которой мистериально, космически, то есть закономерно, обозначился круг действующих лиц, устремившихся к высшим вибрациям, самой готовностью людей к действию начинала свое движение в вещественном мире, получая качество и количество соответственно способности каждого к ее вмещению по шкале утончения заложенных смыслов.

Все это определило сложнейший мистический план пересечений мощных оккультных энергий, сакральных ритмов и связей, дешифровать который, отстаивая чистоту идеи, могли только люди огромной оккультной психической силы.

История города – это история людей, к нему причастных. В этом смысле и сейчас в нем присутствуют конкретные люди, своей судьбой продолжающие судьбу города Света, вокруг которого происходили и всегда будут происходить события необычайные. Кто-то останется навсегда прописанным в этой области именно по праву врожденной предрасположенности к высокому и необычному.

Присутствие Плана и Замысла в строительстве угадывается везде – в «говорящих» фамилиях (какую ни возьми: Ключников, Дмитриев, Смирнов, Новожилова, Ермаков, Звоновы и т.д.), в особенностях, поворотах события, которое тем и примечательно, что было соборным действием, увязывающим всех на новых космических принципах, очень памятным, очень значимым в жизни

каждого. Каждый в нем сам по себе выразился вполне объективно как Призванный – не только действием, но и бездействием, как и самим отношением к произошедшему. Каждый при этом до сих пор претендует на свое видение, не имея часто общей картины и порой исходя из незнания фактов в целом. Музей был нервом и узелком в судьбах участников его строительства, и даже десятилетия спустя он таковым остается, несомненно, влияя на всю их дальнейшую жизнь больше, чем сами они могут предполагать. Елена Ивановна утверждала в одном из писем: «Великий Владыка никогда не забывает ни одного преданного человека, ни одного действия или поступка, совершенного в преданности и любви».

* * *

Советую быть сердечно готовым исполнить Указ Учителя. Иногда требуется движение, которое не может быть явлено. На горних путях нельзя идти ни налево, ни направо, но лишь прямо; нельзя соскочить в пропасть, ни вскарабкаться на отвесную скалу – путь один, и сверху видно назначение.

«Сердце», 521.

В пору подготовки строительства открыто заявлять о планах «познания высших законов» было нельзя; хотя, как теперь утверждают «новые» социологи, «КГБ было посвящено в обстоятельства распространения Учения и почти благоприятствовало этому как религиозной идеологии, близкой коммунистической». В действительности дело обстояло гораздо сложнее, потому что силен все-таки был партийный идеологический прессинг, давая все основания для проявления осторожности. Говорить о Звенигороде значило бы говорить о Рерихах – мистиках, что исключалось в атеистической стране, в которой (тем более или тем не менее) присутствовала церковь. Идея создания мемориала носилась в воздухе, но успех ее осуществления зависел в конечном итоге от потенциала духа людей, бравшихся пророчество претворять.

Музей становился фокусом, где сходились главные устремления мистиков. Чтобы понять, что происходило на Алтае, надо рассматривать его на фоне мистической карты мира, прежде всего, конечно, имея в виду, что представляла собой мистическая Россия. Панорамой фактически становился весь мир, потому что Уймон был особой точкой на его мистической карте. По сути, там во многом решалась судьба планетарного будущего.

Невероятную остроту и сложность приобретал вопрос чистоты устремления, чистоты восприятия на Земле священного знания и живой сущности духа Христа как высочайшей и исключительной духовной манифестации.

Именно поэтому для всего движения строительство становилось чрезвычайным обстоятельством, инстанцией, в которой сознательно или бессознательно проявлялись и ревизовались все, а результат усилий мистически вырастал из качества поведения каждого, имея силу абсолютного.

«Побуждения, которые со светской точки зрения могут показаться искренними и достойными внимания, являются себялюбивыми... Высочайшее стремление к общему благу окрашивается себялюбием, если в уме филантропа скрывается тень желания выгоды для себя или склонность к несправедливости, даже если таковая существует в нем несознательно, – предупреждал в свое время Махатма Кут Хуми. – Главная цель Теософического общества не столько удовлетворять индивидуальные устремления, сколько служить человечеству вообще».

Учитель Мория предупреждал также: «Особое добро преследуется как бы особенным злом». В сущности, это и стало причиной (или в том числе) исключительной напряженности разворачивающихся событий. Все эпическое получало свою острую драматургическую сторону: «Окультная наука имеет свои методы изысканий, такие же точные и деспотичные, как и методы ее антитезы – физической науки», – сказано в «Письмах Махатм».

«Духовная истина подобна небольшому центру, вокруг которого сгрудилась масса ошибочных психических фактов и данных; иногда пораженными оказываются даже области, наиболее близлежащие центру, – предупреждал Шри Ауробиндо, – ...проникнув за вуаль, вы попадаете именно в эту «психическую об-

ласть». Не более одного процента людей способны, благодаря своей ментальной чистоте, пройти данную область на пути к высшему, – их ментал не задерживается на ее объектах для того, чтобы получить удовлетворение. Здесь таится опасность, мощное давление. И чтобы устоять перед ним, нужно быть очень сильным, и помнить об истинной цели».

В таком контексте история строительства не только не могла, но и не должна была быть легкой: строительство становилась своего рода МИСТИЧЕСКИМ ТЕАТРОМ, площадкой разоблачений – кто есть кто по абсолютной шкале показаний «чувствительного и тончайшего механизма оккультного Космоса». Ничего случайного в происходящем, конечно же, быть не могло. В «Мире Огненном» Учителем сказано:

«При космическом преобразении пространство реагирует на каждую вибрацию. Именно события нагнетаются как вещество при химической реакции. Пространственный Огонь начинает собирать новые силы, но подземный огонь хочет пробиться...» («Мир Огненный», III, 311).

Мистики, проявляющиеся в сознательной ориентации и деятельности в нетрадиционных духовных принципах, не являются монолитным объединением, обозначаясь множеством энергетических потоков, а «на поверхности» – так или иначе оформленных эгрегоров, организаций или групп со своими писаными и неписаными уставами, определяемыми силой устремления, чистотой восприятия идей Высочайшего Откровения, степенью внутренней свободы и необусловленности ничем внешним.

«Перед нами лишь два пути, и ни малейшей возможности компромиссов» – важное замечание Махатм, как показывает время, большей частью рериховцев расценивается лишь как условное и относительное. Между тем «Письма Махатм», появившись в 1880 году, были мощной преамбулой к «Тайной Доктрине» и «Агни Йоге» – Знанием, выданным в мир во всей силе его непреложности.

* * *

Исследуйте историю человечества, и вы убедитесь, что никогда ничто великое не созидалось среди благополучия.

«Иерархия», 185.

Из всей суммы разговоров, расспросов и публикаций становится ясно, что столичные рериховцы мыслили себя главными преемниками и продолжателями рериховских духовных традиций, а сибиряков, скорее, – прямыми кураторами технической стороны строительства, то есть как бы партнерами «постольку поскольку».

Латвийский художник Леопольд Романович Цесюлевич, повторив маршрут экспедиции Рерихов и первым широко заявив о начале практического осуществления задачи утверждения памяти Н. К. Рериха на Алтае, становился проводником варианта мемориала как будущего культурно-этнографического центра, приемлемого для всех представителей из столиц, и проводником официальной политики деятелей движения – Павла Беликова, Натальи Спириной, Валентина Сидорова, к тому времени заявившего о появлении нового учения – Провозвестия Параклета – как величайшего достижения духа в России наряду с Агни Йога (Учение Агни Йога наставницы Сидорова воспринимали как достижение духа России зарубежной), иначе говоря, как ее отечественного аналога или продолжения.

Прямыми учителями и наставницами Валентина Сидорова в 1970-х годах в Москве стали «широко известные в узких кругах» мистической Москвы Надежда Михайловна Костомарова и Мария Вадимовна Дорогова, носительница древней традиции рыцарства в московском ее бытовании, о которой есть множество упоминаний в книге А. Л. Никитина «Мистики, тамплиеры, масоны и розенкрейцеры 30-х гг.». Автор называет М. В. Дорогову фигурой ничуть не менее заметной и интересной, чем многие самые яркие представители этой традиции – розенкрейцеры В. Белостин, так называемый «московский Сен-Жермен» или, например, Ф. Веревин: «Уже в 20-х гг. Дорогова была заметным лицом и в кружке В. Шмакова, автора знаменитой «Пневматологии» и главы московских розенкрейцеров, в доме которого бывали П. Флоренский, А. Сидоров и др., ставившие перед собой, в отли-

чие от масонов, ограничивающихся оккультной обрядовостью, гораздо большие задачи... Подобно оккультистам (выражение Никитина – *О.А.*), они пытались воздействовать на силы природы магическим путем. В практической магии, указывающей путь борьбы со злом, давались конкретные указания признаков носителей зла в астрале и способов борьбы с ними... Не в этой ли скрупулезной самодеятельности был заключен главный просчет московских розенкрейцеров? – задается вопросом Никитин. – Власть и самонадеянность всегда оказываются верными ловушками для людей, мнящих себя избранными сосудами».

Обе москвички интересны здесь в первую очередь как типы, представляющие один из самых высоких эгрегоров Восточного отряда, и носительницы своеобразной духовной концепции. И Надежда Михайловна, и Мария Вадимовна были «решительно не согласны с мнением, что все откровения идут из Индии и Гималаев, утверждая, что «индийское учение представляет собой лишь фрагменты и сколки сокровенных знаний Атлантиды...»

Сибирякам предстояло вступить с ними во взаимодействие, со временем претерпевшее сложную трансформацию – от открытости и доверия как к членам единого братства, общины людей духа – до глубокой настороженности и осознания исходящей от них опасности оккультной агрессии и давления и прямой необходимости постоянной бдительности. Их вмешательство могло быть, а часто и было, по утверждению людей, знавших их вибрационно, самым пагубным.

Кружок этот прямым образом оказался связан с «музейной» темой, как это следует и из книги «Знаки Христа», из глав, где В. Сидоров, рассказывая о главных своих героинях, помимо всего прочего, непосредственно касается событий в Сибири.

Примечательна одна из сносок в книге А. Л. Никитина: «Следует отметить, что, собирая материалы по истории ордена тамплиеров в России, в разговорах с членами Ордена мне неоднократно приходилось слышать о существовании наряду со «светлым» тамплиерством, возглавляемым Карелиным, еще и о «темном» Ордене, возникшем независимо, который пошел по пути оккультизма, «черной мессы», саганизма, подмены служения Свету – служением Хаосу в погоне за властью над стихийными силами. По ряду при-

знаков я склонен думать, что в нем участвовали и отдельные московские розенкрейцеры, как, например, Дорогова М. В.»

Ко времени знакомства с В. Сидоровым Дорогова была уже в глубокой старости – более 80 лет, не утратив, однако, исключительной энергии и бодрости духа. Это была одна из самых серьезных фигур духовного толка в России. «Я являюсь проводником сокровенного западного учения, – цитировал Сидоров Марию Вадимовну. – Настали сроки, когда должны духовно сочетаться Восток и Запад. Однако синтез этот должен осуществляться с величайшей осторожностью, и, во-вторых, синтезу этому должно предшествовать изучение многих западных эзотерических источников».

Как высокие посвященные и Мария Вадимовна, и Надежда Михайловна знали, что Алтай – это особая область. Их приезд туда в 1971 году и поиск благословения у Белухи был попыткой выхода в будущее, попыткой прямого влияния на готовящиеся события и людей, к ним причастных, от мягкой коррекции до прямой агрессии. «Алтай – это особое место средоточия магнетических токов. Комплекс алтайских гор представляет собой космический магнит, связанный напрямую с Орионом – центром нашей ориенталистской Вселенной. Вы знаете, что, выполняя определенную задачу, я посетила Кавказ, Карпаты, Север, Памир. Остался Алтай. Я обязательно должна туда поехать. Это звучит во мне, как приказ», – вещала Мария Вадимовна в «Знаках Христа».

Уже из этого ясно, что в 70-е годы музей становился сферой и фокусом сильных оккультных влияний.

Множество нитей, мистически связавших людей в целом мире вокруг Уймоны, переплетаясь, создавали (и создают) особый сложный узор – узор из невидимых связей в духе, переключек, противодействий, влияний и пересечений, географической протяженностью гораздо более чем в одну страну и эпоху.

Вся эта многоголосица переросла в очень сложную полифонию намерений, контрапунктом которой было (и есть) устремление попасть «в темп нового мирового течения».

Но для практических шагов на Алтае, по сути, существовал своего рода ценз, резко сужающий круг прямых допущений – ценз умений физических и организационных, налагаемый самой отдаленной горной и глубоко специфической местностью, са-

мим Алтаем, не говоря уже об основаниях, более серьезных и скрытых. «Священные горы непредсказуемы, и надо быть готовым к тому, что могут возникнуть препятствия и сложности», – сообщала Дорогова своим спутникам.

* * *

Широта понимания начертит полосу
возможностей.

«Беспредельность», I, б.

Как уже было сказано, заявление о начале строительства раньше, чем кем-либо, было сделано лагвийским рериховцем Леопольдом Цесюлевичем, к тому времени повторившим алтайский маршрут экспедиции Рерихов, создавшим в Барнауле штаб строительства и «паритетно» работавшим с Сибирским Рериховским обществом, что и стало позднее, к сожалению, формальным поводом для требования своего рода «патента» на право реализации идеи и полного отрицания каких-либо прав группы из Академгородка на самостоятельность.

Центральная пресса, местная печать, не считая сообщений по радио, придали строительству характер всеобщий. Случай был уникальный во всех отношениях: «музейная инициатива» прошла все инстанции – Москву, край, область. На энергии устремления Леопольда Романовича в ту пору было действительно сделано очень многое; под обаянием встреч с младшими Рерихами он испытывал чувство особой ответственности.

27 июля 1999 года состоялась моя встреча с ним в Барнауле – в его небольшой мастерской. Разговор получился достаточно обстоятельный, и нет никаких причин не привести его почти полностью: любые свидетельства о событиях той поры относятся к числу драгоценных и редких.

По собственным его словам, его деятельность в рамках рериховского движения началась очень рано. На каком-то этапе огромную роль сыграли встречи и личное влияние братьев Рерихов и прежде всего Юрия Николаевича. Он считал эти встречи определявшими всю его жизнь, запомнив Святослава Николаевича, по его выражению, царственно-маестетным, а Юрия Николаевича –

остродеятельным, очень активным: он, что называется, «бурлил», вмешивался в жизнь, был подвижным, свободным, мог стремительно подойти и обнять собеседника за плечи. В нем были черты военного – импульсивного, сильного и алертного человека. «Не все знают, что он был выпускником военного училища, офицером, знавшим 22 языка и при этом – великое множество наречий», – подчеркивал Леопольд Романович. Встречу с Юрием Николаевичем он считал важнейшим фактом в своей жизни. По его словам, невозможно было не подпасть под обаяние облика Юрия Николаевича как человека, мыслящего высочайшими категориями. Юрий Николаевич повторял тогда, что человечество должно обновляться не только идейно, но и географически. Вслед за Ломоносовым Рерихи в Сибири, в Алтае видели эволюционно перспективную часть России.

Надо было видеть, как Цесюлевич, очень сдержанный человек с холодноватыми глазами и акцентом прибалта, начинал буквально светиться, когда речь заходила о Рерихах.

«Уже в 30-е годы через Латвийское Рериховское общество ставилась задача распространения, продвижения книг Учения, – рассказывал Леопольд Романович, – само общество являлось своего рода мостом между Индией и Россией, прямые связи с которой в сталинские времена оказывались невозможными. Как хороший политик Николай Константинович предвидел, что Прибалтика по ходу событий будет присоединена к России. Он предвидел и знал, что все, что посылается в Ригу, будет полезно и поможет Родине и будущему расцвету Сибири.

Предвидение сбылось в 30-х годах; часть книг Учения привезли из Харбина Наталья Спирина и Борис Абрамов. Главный путь был – из Прибалтики.

В 1957 году, когда Юрий Николаевич вернулся в Россию, Академгородок только начинал строиться. Была мысль строить между Бийском и Барнаулом – в очень красивых местах. Юрий Николаевич говорил тогда, что обязательно поехал бы в Академгородок, если бы в СО АН СССР открыли отделение востоковедения. Он советовал ехать туда молодежи, в том числе и Павлу Беликову. Мне, бывшему тогда студентом Академии художеств, сказал: «Серьезно вам говорю: закончите – поезжайте на Алтай».

Встреча с Ю. Н. Рерихом была совсем не случайной. Со времени хрущевской оттепели «контрабандно» через Польшу в зашифрованном виде шли сведения из Америки в Латвию: искали непосредственных контактов с Индией.

В начале 1957 года проходил IV Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Мы с Ильзе Рудзите, тогда студенты, ездили смотреть молодежь – надеялись увидеть индусов, чтобы наладить контакты с Индией. Но тщетно, не появился никто. Вдруг после окончания фестиваля Гунте Рудзите через врача Мухина (вокруг него были люди, интересовавшиеся окружением Рерихов) как величайшую тайну передали, что в Россию вернулись Юрий Рерих с Богдановыми, с большой коллекцией картин, и сообщили номер его телефона. Сам Мухин жил в особняке, имел свою очень значительную коллекцию, картинную галерею, куда входил, например, цикл картин Н. К. Рериха «Поморяне вечером». Юрий Николаевич вез свою коллекцию паромом – до Одессы, в таможене находился целый вагон картин. Его приезду сильно способствовал лично Хрущев. Визы для выезда долго добивался сам Николай Константинович через переписку с Игорем Грабарем. Когда пришло разрешение, Николай Константинович умер, потом визы стали недействительны.

И только во время приезда Хрущева в Индию и благодаря почти случайной личной встрече с Юрием Николаевичем Никита Сергеевич увидел в нем истинного ученого-патриота и оказал содействие и помощь по возвращению на Родину».

По свидетельству Леопольда Романовича, Юрий Николаевич явился исполнителем воли отца, устно завещавшего передать часть картин городу, близлежащему к Алтаю. Есть свидетельства, что коллекция была поделена не в соответствии с его волей и волей отца. Все самое значительное должно было быть передано Сибири, с которой Рерихи связывали надежды на лучшее.

Леопольд Романович рассказывал, что Ю. Н. Рерих вспоминал свою встречу с Хрущевым как казус. Во время своего пребывания в Индии он столкнулся однажды с непонятным для него обстоятельством: непривычно сильной реакцией на него. Когда он на такси подъезжал к офису, был немедленно освобожден путь, толпа собравшихся оттеснена, и его встретили с настоя-

щей помпой. Оказалось, что внешне он чрезвычайно напоминал тогдашнего советского посла в Индии, за которого его и приняли. Посол вскоре действительно появился и представил Рериха находящемуся в Индии Никите Хрущеву. Тот был политиком по меньшей мере лобознательным и, с интересом выслушав рассказы Юрия Рериха о йоге, распорядился снять с помощью его консультаций фильм об Индии и о йоге, что позднее и было выполнено. Хрущеву страны были обязаны приглашением Святослава Рериха на Родину с выставками. Был дан зеленый свет, и, по свидетельству многих, с этого времени во многом благодаря именно напряженной и неутомимой деятельности братьев Рерихов в России четко обозначилось нетрадиционное движение духовного толка, названное рериховским.

«В 1963 году, – продолжал Леопольд Романович, – я приехал на Алтай по настоянию Юрия Рериха – без каких-либо материалов и точных сведений о местах пребывания Рерихов в период их экспедиции (по свидетельству современников, еще плохо владея русским. – *О.А.*).

В 1965 году Хейдоком был сделан перевод (на латышский. – *О.А.*) глав по Алтаю из книги «Алтай–Гималаи». Благодаря этому переводу решили попробовать проехать по маршруту, руководствуясь записями.

Из Горно-Алтайска запросили Ревельский музей. Объяснили, что ставим целью найти места пребывания Рерихов. В ответ нам только лишь подтвердили, что Рерихи в Ревеле были, но никаких особенных следов их пребывания не осталось. В Усть-Коксе удалось встретить корреспондента, назвавшего крестьян, которые знали Рериха.

В экспедиции приняли участие кроме меня Ильзе Рудзите, Гунта Рихардовна Рудзите (тогда – председатель Латвийского Рериховского общества) и Берута Валушите из Каунаса.

Ко всему сказанному Л. Р. Цесюлевичем добавим в дополнение сведения касательно данного факта из существующей хроники, приведенной в сборнике «Рерихи и Сибирь»: «Август 1967 г. Организована экспедиция в Усть-Коксинский район. Цель ее – найти следы пребывания Н. К. Рериха на Алтае. Участники экспедиции – барнаульские художники Л. Цесюлевич и

И. Рудзите, которые приехали жить и работать на Алтай из Риги. В ходе экспедиции впервые были обнаружены богатейшие материалы о пребывании на алтайской земле семьи Рерихов, собрано множество воспоминаний старожилов, встречавшихся с художником. Кроме того, в Верхнем Уймоне был найден дом, где жили Рерихи. Тогда же члены экспедиции предложили организовать в этом доме музей Н. К. Рериха и открыть мемориальную доску в честь пребывания Н. К. Рериха на Алтае».

Август 1968 г. Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств организовал экспедицию по селам Усть-Коксинского района. Участниками ее были: сотрудники музея Лидия Иосифовна Снитко и художник Ильзе Рудзите. Участники экспедиции предложили краевому обществу охраны памятников истории и культуры взять дом в Верхнем Уймоне, где останавливались Рерихи в 1926 году, на государственную охрану и установить на нем мемориальную доску».

Из рассказов Леопольда Романовича: «...Окончина Матрена Лукьяновна подвела в Уймоне к одной бабушке прямо на улице, показала фотографии картин. Та заплакала, вспоминая: хорошие, говорит, люди были, мало пожили, много добра сделали... Старожилы и показали дом, который остался с той поры. Нам ведь ничего известно не было. Дом к тому времени уже стал одноэтажным. Показалось, что именно здесь должен быть музей. Решено было открыть мемориальную доску.

Тем временем мы встречались с Атамановыми (подробно описано Цесюлевичем в большом очерке, напечатанном в «Сибирских огнях», 1974, № 10. – О.А.), нам показывали образцы народного искусства – экземпляры, которых нет ни в одном музее.

Вернувшись, рассказали обо всем в Музее изобразительно-прикладных искусств научным сотрудникам, показали собранный материал, фото и уже в следующем – 1968-м – году организовали экспедицию специалистов (много потрудились Лариса Иосифовна Снитко).

На основании итогов работы Ученый совет музея принял решение об установлении мемориальной доски, а в 1972 г. дом в Уймоне был определен как исторический памятник. В 1974 г. по решению краевого общества охраны исторических памятников

на доме установили мемориальную доску. Барельеф был сделан Игорем Васильевым в Латвии и алтайцем Василием Рублевым. К Васильеву поехали в Латвию с моими эскизами. По эскизам за наши средства он вылепил и отлил в бронзе профиль Н. К. Рериха, а само основание – бетонную доску – сделал скульптор Рублев и закрепил барельеф. Установили его во время алтайских съемок режиссера Рениты Григорьевой. Это были очень памятные для всех киноэкспедиции, запечатлевшие в том числе и восхождения на Белуху.

(Запись из хроники: «1977 г. По предложению академика А. П. Окладникова и Алтайской организации Союза художников РСФСР Алтайский крайисполком принял решение о создании в Верхнем Уймоне Дома-музея Н. К. Рериха». – *О.А.*)

Эти дни были временем подъема интереса к Учению. Усиливалось Рериховское общество в Риге, Таллине, Каунасе. В Сибири Евгению Маточкину через А. Окладникова удалось провести идею учреждения Рериховских чтений. Маточкин обратился к нему и с сообщением о музее. Окладников официально предложил подвести под все дело научную базу – открыть Рериховские чтения. Появились труды, был сделан выход на журналы. Все это при живом участии и взаимодействии П. Ф. Беликова, А. П. Окладникова, С. Н. Рериха, приехавшего на чтения в Москву. В 1978 г. он в переписке заявил, что хочет приехать и посмотреть дом в Уймоне. С этим пришли к Окладникову. Он обратился в Президиум, и от его имени – в райком партии. Дальше – письмо в Алтайский крайком о Рериховских конференциях и желании С. Н. Рериха приехать с женой в Уймон. Там возникла озабоченность тем, в каком виде предстанет перед сыном Рериха мемориальный дом».

Леопольд Романович в этой ситуации добился решения крайкома, а потом и крайисполкома о создании комиссии под председательством И. И. Акишева, куда вошла творческая интеллигенция, в том числе и алтайская – от Усть-Коксинского отдела культуры – Ф. Л. Таушканов (шорец), алтаец В. Сабин, председатель райисполкома Усть-Коксинского совхоза, – для решения судьбы дома. Выяснилось, что дом запущен до такой степени, что реставрировать или реконструировать его уже не было

смысла. Вспомнили, что в другом селе был сруб, который точно соответствовал оригиналу. Все согласились, что использование его взамен старого было бы выходом из положения. Сруб был куплен у крестьян. Райисполком выдал деньги на доделки и средства Художественному фонду для создания проекта внутреннего убранства музея. Скупов Вл. Вл., Прохоров А. С., Малюфеев И. – замеряли, изучали экспонаты, сделали проект. В Госархиве хранятся протоколы комиссии по созданию музея, решения 1978 г. крайкома партии о создании музея».

Сам Леопольд Романович начал собирать материалы уже с 16-летнего возраста – книги Учителя, фотографии, письма; позже ему оказали содействие Рига, Каунас, Вильнюс. Постоянно писал письма с просьбой о содействии в Москву, Ленинград, в Америку Зинаиде Григорьевне Фосдик. Та откликнулась первой, раньше Москвы и Ленинграда, прислала бандероль с материалами 20-х годов. Все собрала, отправила, и были получены редкие материалы: гипсовый бюст Н. К. Рериха работы Тарабилдиева, несколько этюдов Николая Константиновича, оригинальные портреты, созданные в Сиккиме. Ренита Андреевна позже передала Знамя Мира, которое было привезено К. Кэмпбелл. Ираида Богданова через Ригу помогла собрать вещи Е. И. Рерих: экспедиционные сапоги, одежду для начинки музея...

В. Сабин, председатель Усть-Коксинского райисполкома, нашел бригаду, которая начала строительство. Строительство продвигалось с трудом: все давалось вдвойне трудно из-за отдаленности, возникли неувязки по проекту. Появилась бригада из Новосибирска. Строили очень надежно и активно, но все-таки не успевали к ожидаемому приезду С. Н. Рериха. В 1979 г. прибыл вертолет; ждали Святослава Николаевича, но пришла телеграмма, что он приехать не сможет.

Продолжили работу по проектированию внутреннего убранства здания, сделали архитектурный проект, прикомандировав архитектора из Минска В. К. Сисинева. Разыскивали родственников Атаманова для консультаций. Кроме Матильды Васильевны связались с Татьяной Геннадиевной Мальцевой. Много родственников Варфоломея Семеновича проживало в Минске – в том числе вторая его дочь. Ее дочь заинтересовалась музеем.

Чтобы сделать музей нестандартным, решили придать ему народный характер. Обратились к древнерусским традициям, собирали национальную одежду.

Была оборудована комната Н. К. Рериха с экспозицией-рассказом о жизни и творчестве. Я написал портрет Николая Константиновича для экспозиции, чтобы туристы познакомились с бытом его семьи тех лет.

Был открыт туристический маршрут по Озерам (по кругу), ставший очень популярным.

...Строительство подходило к концу, но в крайком от местных властей поступили какие-то жалобы. Третий секретарь Невский приехал в Усть-Коксинский совхоз и принял решение музей закрыть, так как появились неувязки с идеологической точки зрения. Как я ни пытался убедить, что дело нужно обязательно довести до конца, комиссия автоматически распалась, а строительство ограничилось рамками краеведческого музея местного значения. В таком виде он существует до сих пор. Идея музея рухнула, коллекция осталась не у дел...

Позже решили создать музей в другой концепции, чтобы отделить его от всех девальвирующих: толстовцев и всех прочих. Это совсем другая линия...»

Таков был, исключая некоторые детали и эпизоды, рассказ Леопольда Романовича о событиях той поры. Позже пришлось выслушать многих очевидцев событий, вольно или невольно корректирующих многое из сказанного и своими замечаниями делающих поправки. Одна из самых деятельных участниц строительства – Надежда Борисовна Судакова – рассказывала уже в 2000-м году: «Идея строительства существовала не в одном сознании; знали о ней многие, но Л. Цесюлевич после встреч с Юрием Рерихом прямо считал себя наследником задачи создания мемориала, приехав на Алтай на жительство. Ко времени появления группы из Новосибирска уже существовала его группа, широко себя провозгласившая и основавшая штаб в Барнауле, обдумывающий принципы строительства. В конце концов строить ими решено было «чужими» руками, обычным образом и на обычных условиях, т.е. на условиях найма. Деньги

были их стараниями получены, а затем пущены на покупку сруба под фундамент здания, как оказалось, малопригодного, и на найм каких-то армянских шабашников. Начали работу торопливо, сруб оказался подгнивший, дело застопорилось на, фактически, нулевом цикле. Обстоятельства, и без того трудные, осложнились тем, что финансовая часть “плакала”».

На этом этапе помог крайком; те самые пресловутые «реакционные» партийные инстанции – в данном случае в лице Владимира Сабина, тогдашнего председателя райисполкома Усть-Коксинского совхоза, роль которого в поддержке строителей вообще была исключительной. Он не только сочувствовал строителям, но и всячески помогал и, изыскивая средства, был как бы включен в общее дело, защищал его, отстаивал не раз, попав под двойной удар, когда началось давление сверху – постановления крайкома, министерств и т.д.

Таинственных «идеологических неувязок», о которых говорит Леопольд Романович, как ни парадоксально, в ходе строительства не возникало ни на каких этапах. И начались они отнюдь не сами собой, а в результате конкретных вмешательств «ущемленных» рериховцев, не желавших расставаться с амбициями и безосновательной иллюзией на право монополии в определении методов работы и самой политики будущего центра.

Леопольд Романович, согласившись рассказать о событиях этих лет на Алтае, выстроил собственную версию истории, «обтесанную» и устраивающую СибРО, не замечающего А. Н. Дмитриева «в упор», или тиражирующего и культивирующего к нему отношение откровенно враждебное. Важны и полезны были люди, осваивающие культурно-искусствоведческое направление; все остальные – то есть группа из Академгородка, – в его понимании были людьми, добротнo выполнившими техническую работу.

Но вариант Дмитриева, в конце концов утверждённый самой жизнью, предусматривал прежде всего деятельность физическую как часть деятельности в духе, строительство «руками и ногами человеческими» не только здания, но и Новой страны и самих себя, собственного духовного существа.

У новосибирцев существовало собственное представление о будущем городе и о будущем строительстве, и собственный по-

тенциал. Сам Алексей Николаевич, группа которого в конце концов и осуществила идею, на вопрос, как она родилась, во время одной из бесед в 1999 году ответил: «Нельзя сказать, что эта была идея. Это было частью постижения Агни Йоги, действием во внешнем мире. Агни Йога говорит: «Создавайте Храмы Искусства, создавайте Храмы Знания». Работая на Алтае, мы своей внешней деятельностью находились в ключе Учения». Первые мысли появились в 1974 году в Москве на вечере, посвященном столетию со дня рождения Николая Константиновича. Тогда же там были Святослав Николаевич и Девика. Была глубокая мысль построить институт или лабораторию на Алтае. Говорить о лаборатории было нельзя. Назвали это музеем. Мы строили на заимке Атаманова нечто, что должно было работать в режиме научных исследований в темах Агни Йоги».

«Новый мир придет через науку» – утверждает Учение. Из письма Е. И. Рерих известно также, что город Знания должен был развиваться из научной станции. Вспомним свидетельства Рихарда Рудзитиса о том, как волновали Юрия Николаевича духовные запросы молодежи в Сибири, прежде всего молодых людей науки, «устремленных к героическому труду» и не утративших с привычкой к уложениям классической науки способность мыслить парадоксами.

Великий Владыка предрекал: «Важно, чтобы ученые обладали тонким оккультным восприятием. Но лишь тонкий организм может обладать этим божественным чутьем, которое не развивается извне, но изнутри. Потому все великие открытия для Блага человечества не будут исходить от огромных лабораторий, но будут находимы духом ученых, которые обладают синтезом» («Мир Огненный», III, 60).

Именно с Академгородком Юрий Николаевич Рерих связывал планы на будущее, стремясь создать научную школу и заботясь о том, чтобы сухой академизм не стал препятствием на пути постижения сокровенного знания. Важно было выполнить именно то, что было назначено. Возможности, как известно, не повторяются.

* * *

Сердце является самым мощным резервуаром для помощи другим.

Ясны примеры великих подвижников, которые питали в семи своими токами и далекое и близкое. Агни Йог является таким мощным питателем. На пути к миру Огненному будем чутко и бережно относиться к сердцу, которое знает огненную тоску.

«Мир Огненный», III, 62.

По стечению обстоятельств, А. Н. Дмитриев, начиная с 1963 года постоянно ведущий на Алтае научные изыскания, оказался в Уймоне и в момент создавшегося на строительстве кризиса.

Записи из дневника Сергея Смирнова: «Летом в 1977 г. в районе В.Уймон работала геофизическая экспедиция, возглавляемая А. Н. Дмитриевым. Один из сотрудников, приехав из Уймоны, сообщил, что в селе был куплен сруб из-под дома-музея Рериха, и ждут в августе стройбригаду из Барнаула. Помню, что еще был разговор, не остаться ли и не помочь в строительстве.

Во второй половине 1977 года секретарь крайкома отправил академику А. Окладникову письмо с сообщением об осуществлении реконструкции Дома-музея Рериха и с просьбой помочь материалами по Центрально-Азиатской экспедиции. После этого Петр Лабецкий (участник строительства. – О.А.) встретился с Л. Цесюлевичем (февраль 1978 г.) и вернулся с фотографиями эскизов и убеждением, что остановка только за экспонатами. Сложилось впечатление, что здание готово. В апреле-мае 1978 г. стало известно, что в Уймоне ничего не было сделано. Было принято решение, используя отпуска, построить здание (сменяя друг друга.) Перед отъездом А. Н. Дмитриев дал мне 500 руб. Половина их пошла на закупку инструментов. Мы приехали в Уймон 12 июля и начали стройку 14. К началу строительства на его счет было 30 000 руб. и эскизы дома Атаманова, восстановленного на бумаге Н. Сошневой, при участии Л. Цесюевича. Стройка началась по этим эскизам.

Для меня было вполне ясно, что все участники строительства были сфокусированы вокруг А. Н. Дмитриева, сознательно или

бессознательно выделяя его как общего руководителя, хотя не помню такого случая, когда он давал какие-либо указания по техническим вопросам. Он сам приложил физические усилия на стройке. Помогал транспортом для перевозки грузов, помогал финансами и другими непривычными видами поддержки».

Можно сказать с уверенностью: именно благодаря существованию и присутствию Дмитриева и его группы почти утопическая по сложности в быстро отрезвляющей действительности возможность строительства на Алтае была использована, несмотря на невероятное количество видимых и невидимых вмешательств и препятствий, что могло быть под силу только людям выдающихся психических качеств. Хотя не столько объективные трудности, а именно чинимые препятствия и создали напряженный эмоциональный фон и пласт, который приходится преодолевать до сих пор. Феномен произошедшего – не преодоление трудностей как таковых и инстанций всех уровней, включая райкомы, обкомы, министерства и КГБ, а вмешательство своих же «братьев по духу» – рериховцев, на каком-то этапе оказавшееся роковым.

Сам А. Н. Дмитриев говорил позднее: «Назвали это музеем – строить лабораторию было нельзя, но и охаивать сейчас партийные органы – тоже лицемерие. Тут и большевики, и партийцы, и КГБ. Как ни странно все было сделано при этом перечислении... И торпедировал это дело не партком, и тем более не старожилы... Они молоко приносили и трактор давали... Вероломство пошло от своих».

Элитарное московское присутствие на строительстве проявлялось в основном лишь косвенно, энергетически, но иногда и прямо – через частые появления на Алтае очень активной Рениты Григорьевой, признанного столичного режиссера. Именно ее конкретное прямое вмешательство и давление, стояло за драматическими событиями, на последнем этапе разыгравшимися на строительстве. Открытие готового музея надолго приостановили, на какое-то время как бы опровергнув саму концепцию строительства как утверждаемой памяти о Художнике и всю логику происходящего.

В рамках подготовки к первым Рериховским чтениям в Горно-Алтайске на страницах «Звезды Алтая» (26 мая 1989 г.) выступил отв. секретарь Горно-Алтайской областной организа-

ции РО Б. Бедоров. Он сказал тогда обо всем произошедшем: «Я отношусь резко отрицательно к тому, что где-то создался круг избранных, и, мол, только они вправе судить о рериховском наследии. Может быть, это было и оправданно в условиях административной системы, но теперь, в условиях демократии и гласности судить должен сам народ. Перестраиваться теперь должны все, в том числе и «рериховцы», до сих пор жившие обособленно и замкнуто... Те рериховцы, которые любят Алтай с далекого расстояния, только путаницу вносят своими вторжениями, никаких связей с местной интеллигенцией иметь не хотят... Тот узкий круг рериховцев, который действовал до сих пор, если присмотреться внимательно, действовал командными методами. История музея в Верхнем Уймоне – наглядное тому подтверждение. Кому-то не по душе пришлось самостоятельность инициативной группы новосибирского Академгородка – и в результате создание музея затянулось на десять лет»...

Со временем, кажется, все-таки мало что изменилось. Учительница из Усть-Коксы, из приехавших на строительство рериховцев, уже на рубеже тысячелетий рассказывала: «Н. Бондарчук и Н. Бурляев выстроили в Огневке огромную резиденцию – что-то вроде дачи или киностудии, или всего сразу. Стоило это все бешеных денег. Субсидировал Репников, бывший рядовой учитель физики, в пору перестроек занявшийся реализацией пантовой продукции. Деньги появились бешеные; сам деловой, умный, щедрый; дал деньги на техническое оборудование – самое дорогое. Года 3–4 не слышно было, чтобы москвичи появлялись в Коксе. Потом в тех местах появилась часовня. Андрей Владимирович, священник, взялся ее освещать. Галина Ядревская ему содействовала. В клубе собрались все. Н. Бондарчук тоже была, крестилась, целовалась, а позже вдруг представила документы, что священник не имел права освящать часовенку... открылся большой негатив... Больше Бондарчук не появлялась. Тогда пошли разговоры, что из часовни всех «выселят». Ядревская Галя в результате вообще уехала (такое ощущение, что попросили уехать, выжили). Но до выселения не дошло»...

Упомянутая здесь Галина Ядревская была деятельной участницей событий в Чендеке, человеком, приехавших на Алтай на

волне увлечения идеями Живой Этики. Поистине, идея вещи отличается от самой вещи: создать общину рериховцы намеревались и в Чендеке – там действовала группа во главе с Зоей Тряпичниковой (условно представлявшей «спиринскую» линию). Они пытались двигать дело и выпили свою чашу испытаний действительностью, но на каком-то этапе потерпели неудачу. К началу нового тысячелетия в Уймоне существует почти готовое здание-копия действующего музея (строительство начали в 1995-м году) – заботами единомышленников З. Тряпичниковой, умершей в 1996 году, то есть теперь в Уймоне рядом сосуществуют два здания – в совершенно разных концепциях и перспективах. В этой второй «редакции» и доосуществилась наконец «умеренная» идея строительства мемориала в рамках культурно-этнографического комплекса Леопольда Цесюлевича и Натальи Спириной, ничего в мироздании не меняющая кардинально.

О событиях, происходивших в Чендеке в 70-е годы, можно узнать из публикаций А. Соболевского в газете «Наука в Сибири», во всяком случае, так, как он их видел: «Строительство дома-музея шло полным ходом: весть о нем слухом, почтой, молвой – облетела страну... Ехали чаще всего не столько на помощь бригаде энтузиастов, сколько просто сеять «разумное, доброе, вечное». Бросали весьма изысканные общество, бросали вузы, НИИ, кафедры, чтобы жить у подножия сияющей Белухи, чтобы посвятить жизнь без остатка просветительской работе. Что это были за люди? По профессии – только творческие работники: актриса, ученые, культпросветработники, педагоги. Свообразным центром просветительской работы стало село Чендек. Там, сменяя друг друга, заведующими клубом работали Г. Н. Ядревская, М. П. Шуминская и З. К. Тряпичникова, в музыкальной школе – супруги Игнатовы, М. Петрова, в средней школе – В. Петров и другие. Работа поначалу спорилась, ведь за нее взялась целая группа единомышленников, и каждый был по-своему безусловно талантлив. Владимир Петров радовал за внедрение в средней школе шаталовского метода, музыкальную школу решено было превратить в синтетическую школу искусств, работавшую по предложенным Н. К. Рерихом педагогическим принципам. Немало интересного предлагал и сельский Дом культу-

ры: «Суд над гражданкой “Экстрой”», литературно-музыкальный вечер «Память», посвященный Дню Победы, вечера для молодежи, дискотеки, концерты...

Спрашиваю: «А местные жители – насколько они были приобщены к вашей деятельности?» Выясняю: агитбригада из 15 человек включала только 4–5 человек из сельчан. Объясняли это разницей в культурном уровне... Пришедшие издалека просветители так и остались чужаками, и смотрели на них как на чужаков. Главное же, что предопределило крах этой инициативы – нежизнеспособность многих начинаний. Брошенный Г. Ядревской клич начать собирать краеведческий музей люди поддержали: принесли немало интересных экспонатов. Но заниматься исследовательской работой по систематизации не смогли, хотя интересную экспозицию в Доме культуры создали, не сделав даже описи. Две старопечатные книги из музея просто украли, а все остальное осталось просто лежать, сиротливо прикрытое одеяльцем в служебной комнате. Школа искусств на деле обернулась двумя экспериментальными классами. Уехало из Чендека большинство – кто-то вышел таким образом из конфликта, кто-то понял всю несостоятельность затеи. Остались три молодые женщины».

А дальше журналист (тогда – недавний выпускник исторического факультета НГУ) делал обо всем вывод вполне в духе времени и исторической науки, которой его научили, оценивая обстоятельства строительства в свете «живительной силы ленинского учения об интернационализме», напирая на недостаточную идеологическую чистоту деятельности и сочувствие людям, не сумевшим навести связи с алтайским народом (имея в виду в первую очередь строителей из Чендека).

Статья, коснувшаяся и вопроса авторства идеи, как минимум оказалось отнюдь не исчерпывающей и верной во всех деталях. Совсем не маловажным был факт, что широко заявленное дело строительства в Верх-Уймоне – в самом начале «зависло» на месте, теряя накал, импульс.

Тем удивительнее через 20 лет было слышать версию, по которой строителям из Академгородка отвели скромное место исполнителей, добротнo продолживших героическое начинание других людей. Нашлись и такие, которые заговорили о нечисто-

те мемориального места, самих стен, хранящих вибрации пришедших случайных людей – тех самых шабашников, бездумно нанятых в самом начале инициаторами из Барнаула. Действительно, группе Дмитриева и Смирнова пришлось потом «прожигать место кострами» – после всех вывезенных мусорных куч в прямом и переносном смысле.

Поистине – «особенное добро преследуется как бы особенным злом». Ключевые понятия Агни Йоги – гармония и радость. Но иногда для того, чтобы полнее понять концепцию, надо погрузиться в ее полярность. Не случайно великий Будда, по свидетельству Елены Ивановны, избирая учеников, прежде всего испытывал их на вмещение так называемых пар противоположностей: «Если ученик не мог вместить этого, Будда не приобщал его к дальнейшему знанию. Познание действительности достигается лишь путем вечной смены и сопоставления пар противоположений». В этом смысле обстоятельства строительства вряд ли вообще могли быть легкими, включая и обстоятельства жизни человека, в назначенное время чудесным образом оказавшегося там, где требовалось, и сделавшего то, что требовалось. Но чудеса тем и примечательны, что выражают скрытые закономерности и планы.

А. Н. Дмитриев, геолог и геофизик, «по штату» знавший Алтай и «приписанный» к нему, уже давно во множестве аспектов работая там в ключе Учения по теме природных аномалий и НЛЮ, принципиально исследовал Алтай как гелиочувствительную область. Позже, в 1991-м году, в книге «Неизбежность необычного», он писал: «Мы – здешние. Тем не менее, можно развить в себе некоторые возможности, они позволят нам быть больше, чем трехмерное существо. Если мы правильно самоорганизуемся в эмоциональном, интеллектуальном, волевом планах, то мы сможем делегировать себя туда (в параллельный мир. – О.А.) и воспринять там нечто».

Музей на том этапе и был способом и возможностью такой самоорганизации. В варианте Дмитриева предполагалось создание не только здания музея, но прежде всего Общины, увязывавшей людей на совершенно новых основаниях и совершенствующих себя в живом деле, чтобы душа, испытывая чувство ответственности, могла созревать. «Община Духа есть высшее преобразование жизни. Община Духа не зависит от внешней формы. Она

творится там, где живет понятие РАСШИРЕНИЯ СОЗНАНИЯ». Нужно ли говорить о том, каким сложным было дело объединения и сотворчества многих людей, памятуя о том, что Учение считает базовым образование нуклеусов лишь из 2–3-х человек – из-за существующего несовершенства человеческой природы (!). Легче сдвинуть гору, чем изменить сознание – говорит Учение. В случаях самых глубоких изменений и продвижения требуется не мягкость, а упорство, твердость и негибкая воля.

Как всякая мистерия, строительство символично и в целом, и в своих подробностях, и потому факты и ситуации, с ним связанные, как бы неисчерпаемы. Знаменательны даже мельчайшие обстоятельства, так как они, несомненно, несут особую смыслонагрузку. (Любопытно, что я занялась историей музея в 1999 году; Алексею Николаевичу было тогда 66 лет, а родился он в 33-м году. Любопытно, например, что Михаил Лаврентьев, как и Михаил Ломоносов, в равной степени уверовавшие в будущее Сибири, родились 19 ноября. И так до бесконечности.)

* * *

...Так между отвагою мудрости и безрассудством предательства лежит лишь сердце.

«Иерархия», 445.

О событиях 1971 года, касающихся темы будущего строительства, шла речь и у В. М. Сидорова в книге «Знаки Христа» в главах, рассказывающих об исключительном интересе к теме его самого и его московских наставниц, представлявших энергетически очень значительный и очень серьезный эгрегор. В «алтайских» главах Сидоров о многом умалчивает и даже искажает некоторые факты, косвенно и прямо касающиеся последующих событий строительства в Уймоне, что тоже свидетельствует о неоченимой важности событий и огромной их подоплеке: вопросе чистоты принципов оккультной практики.

На этот счет существуют интересные дневниковые записи из архива А. Н. Дмитриева одной из участниц его группы, хоть и

несколько «уводящие» в сторону от непосредственной темы, но раскрывающие характер взаимоотношений москвичей, в частности, Сидорова и двух главных героинь его книги, и сибиряков, – их ментальные координаты, характер практики и методов работы вообще, то есть сам потенциал и принципы «школ».

Запись, обнаруживающую и саму степень интереса эзотериков к Алтаю как области, в оккультном отношении совершенно особенной, в свое время удалось услышать из уст Алексея Николаевича. Чтение было как бы возрождением ситуации не только сюжетно и образно, но и энергетически, так как при чтении расставлялись акценты – смысловые, звуковые – благодаря ожившей и заговорившей памяти самого А. Н. (в записи – Леша, Алексей). Как в фокусе, сходились энергетические «потoki» читающего, слушающих, автора записей – и как бы всех действующих лиц, а результирующим эффектом было создание какого-то нового плана действительности в переплетении прошлого, настоящего и будущего, присутствующих-живых и присутствующих-ушедших, как если бы они возрождались с какой-то поучительной целью. Род мистерии, что было частым и обычным при таких чтениях у А. Н. Сам он «считывал» каждого, будь это автор или даже действующие лица, или слушающие, и мог вызвать сильнейшее настроение у всех участвующих, создавая тем самым как бы новую ауру старого события – в новом временном измерении.

«7.7. 1971. (В сокращении.– *О.А.*). Мы с Л. идем к Н. М. (Костомаровой). Покупаем у остановки метро два букетика роз – пять розовых, пять чайных... Н. М. радуется цветам, приговаривая: «Подумать только, столько роз, а мне вчера так нужны были розы». М. В. нюхает розу, говорит: «И пахнут». Голос сухой, интонация утверждающая и волевая. Я все время, с момента, как вошла, держусь на «Агни Ом». Ощущаю некоторое смущение, особенно у Н. М., которое мы внесли своим появлением... «Я слышал, что вы собираетесь на Алтай», – говорит Алексей и рекомендует меня как человека, работавшего на Алтае. Н. М. произносит: «Мы же получили, что в этом деле будет послана помощь, вот Алеша, это о тебе было; я и так уже столько к тебе взывала – и мыслеформы посыпала. Как пропал – сколько времени не был, года два?» – «Полгода», – уточняет Л.

Л. опять выводит на тему об Алтае, спрашивает о цели и планах поездки. Говорит Н. М. Смысл таков: «Мы должны поехать на Алтай, нам поступило указание, что надо сделать это в этом году; мы хотим подняться на Белуху или, по крайней мере, к подножию ее». Н. М. говорит воодушевленно, но ясно, что она совершенно не представляет себе, что такое эта поездка в физическом выражении. М. В. очень уверенно, даже как-то немножко хвастливо заявляет, что она много ездила, и везде все складывалось хорошо: «На Везувии сорвало фуникулер, а я осталась жива. Попадала в лавину, меня перебросило через трещину, и я одна осталась жива. У меня нет ни страха, ни чувства опасности, я, может быть, авантюристична по натуре, но мне все удается», – так или почти так звучал монолог из ее реплик – дословно.

Н. М. сообщает, что на Алтай в этом году вообще едет много народу, но что «все они не нашей веры». Имеются в виду рерихианцы – Шапошникова и кто-то другой, о которых отзываются очень нелестно и эмоционально-сердито. Четкая классификация «наш – не наш», «светлые – темные». Затем излагается, что они (их группа) должны были поехать вчетвером, но тут начались различные препятствия.

Начинается обсуждение маршрута, как поехать – поездом ли, самолетом ли, ...а М. В. очень точно «тукает» время от времени, заставляя Н. М. с Галей время от времени кружиться в словах, и что от этого эти слова «Алтай», «наша задача», «миссия» обкатываются, как галька в речке и пригупляются в своем звучании и значении; приплетаются и отплетаются разные имена, случаи, вся проблема жуется-пережевывается, превращаясь в словесный звон.

Когда речь идет об экипировке, выясняется, что одежды практически нет. Н. М. натягивает на себя длинную шерстяную кофту и очень трогательно становится перед нами. «Если сверху надеть пальто, то все нипочем». У меня сжимается сердце... нипочем, если внизу, где-нибудь в Горно-Алтайске, а если в действительности понесет наверх? Вспоминаю, как, продрогнув и промокнув, однажды бросила маршрут в Южно-Чуйских краях – одетая в ватник, сапоги. Одна надежда, что при встрече с реальной необходимостью лезть в гору не в московской квартире, а там, они просто откажутся... Но тогда зачем тащить теплую

одежду? Я в затруднении. Советовать всерьез? – Если они не полезут, зачем зря тащить? А вдруг полезут? Советую взять теплые носки, шапку, грелку.

Галя спрашивает, есть ли там змеи? Л. отвечает, что есть, но внизу, наверху уже нет. Н. М. морщится: «Терпеть не могу змей». Я однажды видела, как ползла гадюка и поела собственных только что родившихся гадючат, а они от своей мамы удирали – кто с какой скоростью мог».

К этому времени нас потчуют чаем.

Я говорю Н. М., что гадюка таким образом осуществляет отбор: в живых остаются лишь самые жизнеспособные продолжатели рода. Н. М. настаивает, что это «негуманно».

Л. переводит разговор: «А это гуманно, что у людей остаются жить дети с врожденными дефектами, и врачи берут на себя ответственность продлить в материи жизнь тех, кому, быть может, суждено было лишь прикоснуться к материи актом рождения и уйти на выполнение других задач. А их держат здесь – тысячами! И гуманно ли это по отношению к их родителям и т.д.

М. В. возражает: «А где граница: гуманно – негуманно, где долг врача и его ответственность?» Это произносится уже резко, как выпад в адрес Л. Я стараюсь стать между ними. Немедленно выпад в мою сторону – сильный удар в междубровье. Стараюсь сжечь подачей из сердца – «Агни Ом»!

(Подтекст идет об ответственности, – что Л. берет на себя ответственность вести других, а ей как бы отказывает в этом, она пытается поймать его на логической непоследовательности. Отсюда и переход к критериям.)

Л. принимает вызов. Разговор расширяется, захватывая большой круг вопросов: о том, что Китай – это темные (перекидывается с вопроса о рождаемости), а Западная Европа – светлые. Л. говорит о том, что везде есть и те, и другие, и о том, почему он не считает Китай полностью «темным»: там не оторвались от земли, от природы, – а Европа, со своей технизацией, ушла от эволюционной траектории Земли, и что, может статься, к Сати самые «темные», как они считают, китайцы – окажутся более законными наследниками Земли, нежели «светлые» Западной Европы – христиане. Он говорит о техническом взрыве и техноложестве.

Видно, что Н. М. сбита с толку и обескуражена – не столько потому, что Л. противоречит их стремлению к четкости деления на темных и светлых, сколько аргументированностью его позиции.

Наконец, Л. выводит весь этот разговор к критериям различения «темных и светлых» – к тому, что та самая «светлая» Европа вслед за Америкой в основу эволюции человечества пытается поставить и ставит выгодность (выгоднее при создании машин, работающих на крутых склонах, конструировать их так, чтобы, если перевернется, погиб человек, но уцелела машина) и техническую исполнимость, но не согласованность с направлением эволюционного развития планеты как организма космического, и уж тем более не эволюционную направленность человека к космическому сознанию.

Что в связи с этой выгодностью и технической исполнимостью нарушается космическое положение Земли (пример приводит с концентрацией золота и размагничиванием природных скоплений железа; разговор идет о золоте и железе в их мистическом смысле. Четко прослеживается вопрос – кто является накопителем золота, и их роль на Земле).

М. В. оживляется: «Ну да, хотя бы потому что золото – три «о» – 6-й аркан!» – и она вскидывает вверх правую руку, словно пытаясь поймать что-то в воздухе, – жест несколько театральный, и живость тоже артистическая; все время очень внимательно слушает Л.; я ощущаю сильное давление на манипуле и аджне, особенно когда речь идет о противоестественной концентрации золота; во время разговора руки у нее на коленях; кисти сжаты в кулачки, большой палец подогнут внутрь.

При этой теме естественных месторождений золота и железа как особых точек планетного организма, ответственных за нормальное функционирование Земли прежде всего в Солнечной системе, рождается вдруг вопрос М. В.: «А как вы относитесь к Бермудскому треугольнику?» Пересказываются данные из «Зарубежки» и требуется ответ, что это такое. У меня желание привести данные из другой статьи из той же «Зарубежки», где приводятся данные морского и авиационного ведомства США, опровергающие эти нагнетения вокруг «тайны» треугольника, но вдруг чувствую, что делу тут не в том, и молчу – речь явно идет о другом.

Л. начинает говорить о мистическом смысле треугольника как некоего канала, пуповины, связывающей с иными мерностями пространства и времени; ощущаю, как М. В. подобралась – и задает вопрос-предположение, что, в таком случае, это очень удобное место для «выхода» (при развоплощении) и что он, этот канал, по-видимому, пронзает Землю насквозь, и что в нем сравниваются заслуги и отягчения, и все равно можно выйти в иную мерность – «разомкнуться» на космос (смысл таков, что в этом месте не срабатывают законы кармы и ответственности за нее). Л. разочаровывает ее, говоря, что это вовсе не колодец и что кидаться в него вниз головой «с объяснением», чтобы с той стороны выйти в космическую мерность, не следует: все равно не получится, что это скорее место пуповины, по которой Земля получает питание из космоса, а не мусоропровод (тоже не дословно, но смысл таков).

У меня ощущение, что М. В. начинает быстро-быстро перебирать другие возможности. В это время Н. М. задает вопрос: «Но ведь Алтай тоже является такой особой точкой? Вообще наиболее «особой» в настоящее время, не так ли?» – «Да, – отвечает Л., – на Земле есть и другие точки, помимо Бермудского треугольника, играющие особую роль в планетарной жизни, в том числе и Алтай». «Вот видите, М. В. и я, – мы едем на Алтай в особую точку», – громко повторяет Н. М. – А мне: «Это я М. В. повторяю, потому что она не очень хорошо слышит». И опять начинается кутерьма с обсуждением маршрута, условий посадки и т.д. Я подбрасываю замечание, что мне странно, что они, едучи с такой важной задачей, боятся лететь самолетом. М. В., отнюдь не обнаруживая тугоухости, живо замечает, что она не боится, что она и так едет на Алтай за своим развоплощением... М. В. внимательно смотрит на меня; пока идет короткий побочный диалог с Н. М. Я держу на расстоянии ее внимательное зондирование мантрой и непрерывной бдительностью...

Л. обещает прийти еще и завтра. Его также хочет видеть у себя Галя и передает, что его очень просил позвонить Сидоров...

PS. Запись не передает внутренней насыщенности и энергетики этой встречи. Действительно, внешне это именно так и выглядело: две старушки, одна из которых уже вовсе плоха, «собрались на подвиг». Нечто вроде паломничества по святым мес-

там; они довольно беспомощные. Очень хотят, чтобы им помогли. Храбрытся и поддерживают бодрость друг друга упованием, что все образуется только оттого, что они ощущают свою призванность выполнить эту поездку. Но в восприятии не внешнем это начинает расслаиваться, и эта бодрость начинает звучать как понимание собственной самооценности (М. В.). И отсюда молчаливо – как требование к другим, чтобы они обеспечивали доставку этой самооценности туда и обратно с максимальным удобством. Это хвастливое утверждение: «Я ничего не боюсь, у меня нет чувства опасности», – навеивает сильное ощущение, что кто-то должен за нее чувствовать эту опасность и оберегать, и все делать... Когда Л. во время обсуждения трудности советует им побывать в Чемале и акклиматизироваться, потому что Алтай там, где они хотят быть, – весьма суровое и жесткое по энергетике место, М. В. выступает вновь очень активно, заявляя, что у них большой опыт противостояния темным силам. А что к светлым, даже очень сильным, они готовы. Эта уверенность, что они готовы к Алтаю, звучит даже высокомерно по отношению к иноверцам, едущим на Алтай. Такое впечатление, что они лишь себя считают истинно достойными и едут туда представлять «правильное» православие... Этим противопоставлением они вносят сильную разъединяющую струю в общее количество москвичей и прочих ринувшихся в этом году на Алтай, одни противопоставляются другим в их словесных характеристиках, и весь этот мусор взаимоотношений они намерены тащить на Алтай, оспаривая друг у друга прерогативу представлять Москву и вообще Россию. У меня ощущение, что это похуже туристов, оставляющих после себя груды консервных банок и бумажный мусор, и что это очень сильно направлено на осложнение работы с Алтаем группы Л. В то же время грустно видеть эту мышиную возню: Алтай есть Алтай. Каждый получит то, чего он стоит, он сам умеет защитить себя против навязывания извне: полыхнет пожаром по склонам, спустит лавины, снесет паводком Катунь... А до «наших» мест им никогда не добраться.

Это уже отвлечение, но остается ощущение, что они едут не получить потенциальное от Алтая благословение, как ходили паломники в Киев и Афон, – а принести туда нечто и оставить там

как семена, которые в последующем прорастут и получат, охраняемые Алтаем, продление в новом времени. При этом гласно и негласно утверждается важность своей миссии: только они представляют единственно правильную линию духовного развития в России и только они ответственны за продление её в будущее. Это похоже, как черепаха уплывает далеко-далеко и ищет наилучшее место для откладки яиц. Еще чувство, что, отложив яичко, главная носительница очень не прочь тут же и развоплотиться, пользуясь особенностью места, которое, с ее точки зрения, должно обеспечить ей наиболее благоприятный переход никак не менее как в иные космические миры, бесспорно, более высокого плана. Когда я сказала, что уйти нехитро, но ответственность-то останется, она ответила в таком тоне, что она свое выполнила.

Все время ощущение зондирования – как при касании языка ужа к манипуре, аджне, сердцу; не собственно к ним, а к ауре этих мест. Попытки более энергичного нажима: аджна – манипура – как проверка на уровень противостояния. Н. М. ощущаю как сердечно раскрытую, но эта сердечность как наконецник М. В., особенно в адрес Л., когда вопросы об Альбине, детях, пенянии ему за долгое отсутствие – словом, при прямом обращении.

11.7. Встреча с Галей. Было условлено, что я зайду к ней, и мы почитаем что-либо из Агни Йоги. Галя проводит к себе в комнату... Речь заходит о поездке. Я заявляю (ей все-таки с ними наиболее всего возиться) свои сомнения и опасения. Галя отвечает мне, что она не сомневается в возможностях М. В., что она ездила с ней и знает, как ей раскрываются места и люди, когда она послана с задачей. Я говорю, что нет старых заслуг и что необходима непрерывность реализации и в текущем настоящем, а не только в прошлом. Но Галя считает, что они – обе такие немощные – собираются туда, уже есть преодоление – преодоление на физическом плане, и что о неподготовленности к Алтаю речь может идти только по отношению к ней, что она не читала ничего из Учения, что старушки-то все прочли, когда были в Прибалтике... Она просит меня сформулировать главные положения из Учения применительно к поездке на Алтай. Я говорю: связь с Иерархией, непрерывное устремление к этой связи, чтобы не себя везти туда, а быть максимально полезным для Учителей. «Ну да, проводником», – соглашается Галя. Я говорю, что

это невозможно без целостности себя как сознания и что эта целостность и гармоничность являются необходимыми условиями работы на Алтае. И в-третьих, огненность сердца. Необходимость все время концентрировать свою целостность в сердце и работать с максимально доступной силой и огненностью. Половина седьмого. Я должна уходить. Поворачиваю в сторону метро, где меня будет ждать Л. Но Галя считает, что я направляюсь домой, и непременно хочет показать мне ближайшую станцию. Это оказывается ст. им. Маяковского, до которой мы добирались добрых 15 минут, несмотря на мои возражения, что мне удобнее там, где я хорошо ориентируюсь. Ощущение, что огромная вязкость, навязчивость и эта длинная дорога как бы проверка моих эмоциональных реакций на умышленную задержку. Наконец я спускаюсь в метро и возвращаюсь на остановку, где меня должен был ждать Л. Его там нет. Я выхожу и поднимаюсь мимо почтамта, слабо надеюсь, что он спускается мне навстречу от Моссовета и слышу – прямо лавину, что меня так легко увести от него, что я чуть ли не предала его, подчинившись Галиному желанию вести меня новым путем, а не настояв резко на своем, – словом, звон на всю висудху. Я чувствую, что стоит мне дрогнуть, впустить это в себя и проявить какие-то эмоции досады в адрес Гали, раскаяния, что позволила себя увести и сожаления, что Л. уже ушел, – как это обрушится волевым давлением и тогда уже действительно будет, что я подчинилась чужой воле, потому что будет снята эмоциограмма меня, и хорошо, если достанется только мне, а не аукнется по Алексею. Я отодвигаю все это, становлюсь в позицию беспристрастного наблюдения – Гали, себя, ситуации, даже того, что нарушилась поездка к Борису, и очень спокойно, не сиюминутно, стараюсь это увидеть как эпизод в цепи. Шум и разговоры, как только я становлюсь в позицию наблюдения, тотчас смолкают. Остается еще некоторое время ощущение вязкости Гали, потом и это уходит. Я сажусь в поезд метро и уезжаю домой. Оказывается, Л. уже звонил мне. Я спокойно жду. Действительно, звонит Л. от Бориса, хохочет, как я прозвала его в метро. Когда я вернулась на эту станцию, он был еще там – по времени. Я спрашиваю, не было ли ему еще толчков. Он говорит: да нет, все в порядке.

Валентин (Сидоров. – *О.А.*).

12.7. В. М. выходит на мой стук, проводит меня в комнату. Глаза В. внимательно изучают меня, чуточку недоверчивая улыбка, чем-то неуловимо напоминающая улыбку Юры Васильева, когда он ироничен. Л. вводит меня в курс разговора – об алтайской поездке, – не могу ли я что-либо им порекомендовать. По тому, как В. несколько раз повторяет подробности, путает названия мест, ясно, что он даже в географический атлас не заглядывал и совершенно не представляет своих возможностей. Он держится за Горно-Алтайск и за какие-то там знакомства в нем, как за спасательный круг.

Я говорю, что, коль скоро он будет в Горно-Алтайске у влиятельных местных людей, хорошо бы ему посмотреть запасники музея и познакомиться с картинами Гуркина – на мой взгляд, это один из реальных подходов к Алтаю. Л. тоже поддерживает меня. В. с воодушевлением ухватывается за идею, видимо, его прельщает возможность аналогии – как с Рерихом: сперва знакомство с Гималаями через картины Рериха, затем – с самими Гималаями.

Затем мы обсуждаем маршрут. Говорить очень трудно, так как В. совершенно не представляет, что где. Приходится рисовать грубую схему. Тогда он, наконец, понимает, что Гималаи – это продвижение от Горно-Алтайска вглубь Алтая и принимает возможность такого варианта... Л. и я стараемся его успокоить и как-то собрать, призвать к целеустремленности. Он держится за Л., как за якорь. Спасительный подстраховочный вариант, который берется осуществить Л., постепенно превращается в единственный. Идет попытка переложить на Л. ответственность. Приходит жена Валентина. Пьем чай. Голос у нее низкий, красивый. Ко мне она настроенно относится, к Л. – хорошо, но оба в голос (чувствуется, что она хорошо прикрывает В. по низу и по сердцу) равно пеняют ему за неосторожность, за способ выражения – с их точки зрения, очень неточный. Л. говорит В. то, что инкриминируется ему. У того глаза на лоб лезут.

Настороженность в нашу сторону пропадает. Выясняются всякие подробности интерпретации общения Л. с Беликовым, ребятами из Москвы. Чувствуется, что кто-то очень добивается опорочить Л. и его методы работы. Критикуется Учение (не читав), и все в таком духе... Очень много идет от неадекватности

понимания слов. Когда В. ставит это в вину Л., я говорю, что в таком случае я начну цитировать его стихи – кто тогда будет виновен в неадекватности понимания? Он замолкает, смотрит на меня недоверчиво. Когда Л. говорит, что вот она тоже участвовала в психометрировании Валеры, он начинает меня опасаться, закрывается от меня и только что не машет руками – чур, чур меня. Подаю максимальную сердечность на него, чувствую, что он озадачен. И уйги от меня не может. Ему необходимо выяснить со мной многие алтайские подробности, но видно, что иметь дело со мной ему очень не хочется. Я перехожу в уровень «бывалой геологини». Его настороженность падает, но возрастает недоверие: да полно, не вздор ли это все, не выдумки ли – разные там мистические штуки. Л. возвращает его к серьезному разговору о камне. Мне дают горный хрусталь, подаренный Святославом Николаевичем с оговоркой, что это именно ему подарено в Кулу. Кристалл – индивид со множеством индукционных поверхностей в основании, что придает ему башнеобразную, чуть сужающуюся к основанию форму. Грани гладкие, чуть с присыпками. Внутри след спайности по ромбоэдру, <...> (написано неразборчиво. – О.А.) залечены – видимо, резкое изменение давления. Очевидно, из друзовидного сростка, в котором все индивиды легко отделились друг от друга. Этот наиболее крупный. Валентин смотрит на меня недоверчиво. Своим скепсисом страшно мешает воспринимать камень минералогически. Пытаюсь «услышать» его: замыкается дуга манипура – аджна. Дальше – возможность прямого выхода через аджну. Камень – как вещественное вспомоществование выхода к Учителю. Единственное условие – прекратить это бултыхание сомнения и скепсиса. Господи, дана человеку такая помощь, а он упирается, как коза на веревке: я человек реалистический. Куда уж реальнее!

Говорю, что он очень мешает своим недоверием и сомнениям, говорю: манипура – аджна. Он не понимает. Белый свет... Мориа... Говорю осторожно, не знаю, что он знает. Он немедленно сворачивает в теософские традиции и видно, что не очень им доверяет. Что же, каждый имеет, что может. Меня же просто ошеломляет, с какой точностью подана помощь, как учтен уровень <...> (неразборчиво. – О.А.). Помощь материализована как

жезл и волшебная палочка. Держись и поверь – всего-то и надо, а его заперли в столе и своим недоверием и сомнением отсекли возможность проявить помощь. Мы уходим.

Да, Валентин сильно перекрыл единственностью православия... Разговор о Наташе Сазоновой – ее претензии в адрес Л., ее поездка с Валентином в Индию и «редакция» его высказываний. О Свято-славе, о «медвежьей услуге», оказанной восторженными почитателями его. О действительных промахах и затруднениях...».

Запись оценят в первую очередь те, кто знаком с книгами Сидорова; в каком-то смысле это бесценное к ним приложение, потому что проясняет многое в прошлых событиях, касаясь того, чего не смог или просто не захотел рассказать он сам. Если Сидоров всегда, как правило, старается больше теоретизировать, то автора дневника отличает полная искренность при абсолютной внутренней мобилизованности. Все это реалии из области яркого воображения, устремления и сильного ментала. Мистический «механизм» в лучшем своем проявлении включают действующее бесстрашное сознание и сердце.

* * *

Преданностью можно достичь всех врат.
Не забудем это ни на мгновенье. Именно, наполнимся улыбкой преданности и благословим каждодневность. Каждое дыхание наше имеет чудесную субстанцию для миров образующихся. Подумайте о сокровищах, данных нам и принадлежащих Тому, кто дал нам слезу и каплю пота для нашего освобождения.

«Иерархия», 177.

В конце 1970-х в прессе постоянно шли публикации о ходе строительства, в том числе в центральных изданиях, не считая заметок и сообщений по радио. Стройка началась в 1978 году, как только были выделены средства и вскоре, по сути, получила статус всероссийской. Имя Рерихов действовало магически: лю-

ди приезжали на Алтай – кто-то только на лето, а кто-то и навсегда, оставляя столичные квартиры, родные места, перекраивая собственную судьбу, как это сделал Сергей Смирнов, бывший сотрудник Института гидродинамики СО АН, а позже – Валентина Дмитриевна Качаева, работавшая на ВЦ СО АН, а в годы строительства ставшая женой Сергея.

Из публикаций тех лет о делах строительства: «Строили всем миром. «Постоянные» новоселы Верхнего Уймона составили ядро бригады, которая в летнее время пополнялась за счет отпусков. Помогали им экспедиции разных институтов СО АН, работавшие в Уймонской долине. Помогала дирекция совхоза имени 60-летия СССР. Помогали и жители села – молоком, ягодами, овощами – кто чем, ибо строители экономили на заработной плате, получая в месяц не более 120 рублей. Ссоры, конфликты, непонимание? Конечно, было и такое, но работали дружно. Строили музей, строили собственные взаимоотношения. В том числе и семейные. Познакомившиеся на Алтае Владимир и Валентина Павлюшины (она – из Новосибирска, он – из Подмосковья) вспоминают: «С удивлением мы прочитали в одной из газет: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас!» Удивились тому, что бамовцы, сами того не ведая, повторили наше присловье... Мы были задолго до того уверены, что не только мы строим музей, но и музей строит наши характеры и судьбы.

Стройка шла пять лет и зим (в основном – лет). Долго? Но строили в невероятной дали, и, во-вторых, подгнивший фундамент дома пришлось заменять...

Дом, повторяя архитектуру исторического дома Атаманова, не был его полной копией, и дополнился изнутри и снаружи резьбой (с символикой Индии и Алтая – *О.А.*): пластинами, наличниками, резным рериховским «конем счастья» над входом. Одновременно со строительством шло интенсивное формирование коллекции литературы о Рерихах, фотографий».

Из дневника Сергея Смирнова: «Были примеры приезда на строительство целыми семьями, вместе с детьми. Мужчины помогали на стройке, женщины трудились на кухне, сменяясь: при большом наплыве (до 35-ти человек) – эта работа была очень тяжелой. Не считались ни со средствами, ни со временем, по-

вышая качество, иногда переделывая работу до трех раз, иногда позволяя завершить ее кому-либо, сознавая, что придется переделывать после его отъезда.

Принимались все, кто хотел приложить свой труд. Несмотря на бури, которые пронесли после... и другие процессы, которые привели к уходу одних участников, на их место обычно приходили новые...»

Что касается внешнего плана истории строительства, то он исключительно интересен всеми своими моментами. Феномен происходящего еще и в том, что нетрадиционная духовная практика, включающая как часть деятельность физическую, осуществлялась на строительстве не вопреки существующему пассивно-довлеющему режиму и идеологии и не вне, а внутри нее, и это было свидетельством возможности реформирования уклада созидательными усилиями в логике всей российской истории, в логике социализма. Строительство было не уходом от жизни, а приглашением к смелой широкой деятельности. Это был редкий неоцененный опыт – поиск пути и перспективы – успешное живое творчество, деятельность вне соображений выгоды, равнодушия и отступничества, обильно плодившихся во времена начинающегося застоя. В этом смысле последовавшая в кризисный момент апелляция Дмитриева «к верхам» была не только не опрометчивым, но вполне логическим шагом.

Благодаря человеческой состоятельности участников им верили, в силу чего и удавалось решать одну за другой головоломные проблемы. В алтайских «верхах» не только не было «запретительных» намерений, но, напротив, ощущалось доверие и сочувствие со стороны партдеятелей, для которых тема Учения формально была под запретом.

Алексей Николаевич вспоминал такой эпизод: В. К. Сабин, председатель райисполкома Усть-Коксы, догадывался тогда: «А ведь вы ребята, не музей строите». – «Да, – говорим, – вот наша программа, программа исследований». – «Ну раз так», – и ставит подпись... Сабин за новыми людьми следил пристально: «Что же вы за люди такие?» – спрашивал, пыгаясь понять мотивы деятельности.

«Партийные люди считали нас чем-то вроде баптистов, верующих, то есть святых. Не понимали, как такие вообще могут

быть, и ставили очень высоко. Относились всерьез», – свидетельствует Лилия Гаева, оставшаяся на Алтае на жительство после окончания строительства (утверждение, с которым, правда, не все из участников, прочитавших его, согласились).

Вот что пишет в своей, вышедшей в 2000-м году, книге «Белый остров» бывший слушатель, хоть и очень нетипичный, московской Высшей партийной школы Ю. М. Ключников:

«В конце 70-х годов, когда мы приступили к строительству музея Рериха в селе Верх-Уймон, обстановка была иной. И не только потому, что паломников в то время было сравнительно мало. Мы приехали работать, выполнили весь комплекс строительных работ – от заготовки леса до резьбы наличников и монтажа водяного отопления. Мы помогали крестьянам заготавливать сено, привозили необходимые предметы быта. Никто из строителей не пил вино и многие не употребляли мяса, но мы не вели агитацию за наш образ жизни и не были фанатиками. Если тракторист отказывался стаскивать лес с горы без выпивки, мы брали фляжку спирта и пили вместе с ним, заботясь лишь о том, чтобы доза алкоголя не сказалась на работоспособности нашего напарника. Все четыре года строительства музея наши отношения с местным населением были отношениями трудящихся людей. Когда же начался «рериховский туризм», мы перестали бывать в Верх-Уймоне, чтобы своим присутствием не усугубить обстановку».

Если учесть, что строители были людьми, включенными в собственные напряженные планы деятельности и приезжали из разных точек, можно констатировать, что руководители строительства сделали буквально невозможное, то, что под силу только людям с выраженным мощным воинским волевым началом – так велика была тяжесть взятых обязательств и «сопротивление материала». Ведь предприятию сопутствовали сложности самого неожиданного и очень серьезного характера: в частности, помимо сложности «преодоления» инстанций – сложность и неоднородность самого рериховского движения, и порой почти враждебное вмешательство «чужих».

Почти наверняка можно предположить, что сами участники, прямо включенные в конкретную деятельность, не всегда представляли реальной сложности происходящего именно как мисте-

рии, где каждый был обозначен энергетически, вибрационно, и в этом смысле во внутреннем плане мог влиять на обстоятельства, в конечном счете обуславливающие весь могучий ход вещей, за которым стояло планетарное будущее. Беспорядочные, хаотические вибрации могли становиться разрушительными. Работа по очищению энергетическому на строительстве являлась ключевой как при действии, сознательно направленном на искупление накопившихся общих темных человеческих излучений: «Дух есть ультимативно утонченная материя». Учитель предупреждал: «На мир могут обрушиться такие несчастья, что даже наихудшие бедствия могут представиться как счастье... Пока люди утешаются базарами и ярмарками, в мире готовятся грозные события». Именно такая установка, определяющая степень решимости действий, должна была быть у руководителей строительства, которых обвинили впоследствии в неоправданной жесткости.

Существовали трудности и порядка очевидного и объективного: Уймон – край малодоступный, что создавало, разумеется, гигантские проблемы: самолет, сани, уазики – таковыми были транспортные средства, которыми пользовались строители. Или это были трактора, телеги, лошади и т.д.

Было много деталей в деятельности той поры, о которых теперь уже мало кто может даже догадываться. Например, та же В. Новожилова рассказывает, что часть деревянной отделки – фрагменты ставней и дверей – заказывали новосибирскому художнику Владимиру Соколу и частично Валерию Липенкову, на что требовалось специальное заявление и специальное разрешение инстанций райисполкома. Приметы соцбыта быстро забываются, так что сам характер возможных хлопот теперь уже трудно порой даже вообразить.

Валентине Новожиловой, настойчиво советовавшей мне «подняться над схваткой» и делать акцент на разных свидетельствах самых активных участников, рассказывать о своем собственном участии оказалось нелегко, так как память об этом стремительно выветривается. Ей запомнились ярко почему-то большей частью лишь детали, например, посылки продуктов для строителей на первых порах в отдаленный Уймон, отправляемые по почте в ящичках, в которых она сама, тогда – блестящая студентка Бау-

манского училища, в годы учения в Москве получала посылки от мамы. При этом сама Валентина и вся ее деятельность хорошо запомнилась другим участникам. Как утверждают очевидцы, вклад ее был выдающимся именно энергетически в силу исключительных организаторских качеств и собранности. Приходилось встречать множество замечаний о ней устных и во многих текстах; в частности, Н. М. Костомарова называла ее «классическим существом ментального типа». Над историей Валентина настойчиво советовала работать исключительно фактологически, не касаясь сложной, с ее точки зрения, психологической внутренней обстановки строительства, то есть собирать факты истории самоотверженной деятельности людей, проявившихся на строительстве в реальной видимой деятельности: добывавших лес, крепивших, тесавших, красивших, убиравших, жертвовавших деньгами, то есть в молчании, тишине, во всяком случае, глубокой сосредоточенности творивших трудом молитву и благо – в соответствии с лучшими и благороднейшими заветами Агни Йоги. Советовала обратиться к Надежде Борисовне Судаковой как фигуре определяющей, именно в ней видя деятельницу, на разных уровнях исправлявшую случавшиеся чужие психологические просчеты, находившую выход из многих финансовых тяжелых положений, щедро жертвовавшую для дела всем, пекущуюся о нем неустанно и чрезвычайно полезно.

Замечу все-таки, что вспоминать и вспомнить Валентине определено было что, во всяком случае, мне пришлось видеть фотографию ее, молодой новобрачной, на фоне уймонского музея рядом со своим новоиспеченным мужем, Юрием Кузнецовым, и Алексеем Николаевичем, тогда – единомышленником, другом...

В 1999 г. я встретила с Н. Б. Судаковой. Существует неполная запись сказанного тогда: «21 января 1999 года. В Академгородок приехала в очередной раз Надежда Борисовна – одна из главных героинь строительства, включившаяся в происходящее с первых минут, когда запущен был метроном событий. Одна из тех, кто ради идеи переиначил жизнь – свою и своих домашних, включая жизнь крохотного внука Павла, которого на первых порах полной неустроенности укладывали спать чуть ли не прямо на дощатом тротуаре строительства. К моей величай-

шей досаде не «пошла» магнитофонная запись рассказов, так что пришлось потом записывать по памяти и, как водится, с некоторым опозданием.

Если бы запись «пошла», получился бы лирический репортаж, очень легкий, праздничный, в хорошем ключе, потому что качеством праздничности обладала сама Надежда Борисовна, как и задатками хорошей драматической актрисы – неопределенностью возраста, экспрессией, миловидностью, сильным, звучным и мелодическим голосом.

Пришли с Валентиной Николаевной Дмитриевой. Взяли как-то с места в карьер: заговорили горячо о строительстве, об Алтае, о старой дружбе, о детях, выросших на глазах и ставших живыми метками, по которым можно было увидеть, насколько теперь отстоит строительство. Было в них обеих много надежности, силы, незамутненной русскости, какую встретишь только у людей рождения где-нибудь 45-го года, то есть прежней, «советской» закалки эпохи расцвета соцбыта, когда все время было сплошным гимном труду в деревенском его понимании, т.е. когда умели «ворочать». Так что и дамы были такого порядка, и полускорбно-полудоверительно, а, в общем, просто как констатацию факта поведали: и у той, и у другой – «все сорвано».

Для моей небольшой хрущевки они со своими сильными голосами были как бы даже избыточны. Можно было не только слушать, а любоваться ими: обе деятельные, невероятно заряженные, симпатичные, с большим интересом и непоколебимым спокойным уважением друг к другу. Так и чувствовались в них эти самые труднодостижимые наработки, та самая «огранка». Им было легко говорить, и их было легко слушать. Никакой особой патетики не было, просто вспоминали с какой-то спокойной решительной страстностью как нечто само собой разумеющееся событие сейчас уже, в сущности, абсолютно невысказанное: дело бескорыстного строительства завещанного Храма. Между тем это было частью их жизни и пришлось на годы их молодости. Дело, то есть само пространство его, в своих подробностях вполне конкретное и фантастически хлопотное, географически простиралось в широтах от Москвы, в которой добывали средства и помощь, и действующим лицом оказался, на-

пример, космонавт Севастьянов, до Сибири Высокогорной, где героями были уже старожилы – еще современники Рерихов.

Воскрешали картины и приметы природы Алтая, без конца повторяя: Усть-Кокса, Тюнгур, Уймон, Тихонькая – названия, памятные еще по чтению книг о сибирской экспедиции Рерихов, зная в подробностях особенности мест: гор, рек, хребтов, сам состав каменистых склонов, сплошь покрытых местами зарослями чабреца, мяты и т.д. Вспоминали и зимний Алтай с немислимыми поездками из Уймона на лошадях в санях среди глубоких снегов. Одна из таких поездок – со спутниками Петром Лабецким, Иваном Горловым и Евгением Смертиным – в Усть-Коксу за деньгами для строительства запомнилась Надежде Борисовне особенно ярко. Петя Лабецкий, сидя в санях, в те времена говорил: «Хорошо, что есть на свете Алексей Николаевич, и можно спрашивать у него совета».

Вспоминали почти былинного свойства события на лесоповале, когда добывали лес из тайги, и это было проблемой проблем, так как по сопкам доволочить до места дерево брался только кто-нибудь из самых отчаянных, то есть чаще всего подвыпивших трактористов. Прибытие этой процессии ожидалось с волнением и приветствовалось криками всяческого и всеобщего одобрения.

Собравшийся народ был большей частью молод, интеллигентен и неумел. Надежда была только на помощь и науку старших из мастеровых и на собственную разворотливость, ведь всему нужно было учиться, и все, начиная от гвоздей и кончая напильниками, привозить из Новосибирска. Гайки, инструменты, молотки и отвертки – укладывались и привозились в рюкзаках, так что не только музей вообще, но и каждая мельчайшая деталь его имеет как бы собственную ценность, значимость и историю. Эти времена до сих пор памятны не только самим строителям, но и их домашним. Мать Аллы Побединой, Станислава Петровна, вспоминала, смеясь: «В то время невозможно было дома найти что-нибудь из инструментов. Чего нихватишься – все оказывалось отдано строительству, сколько ни покупалось».

Валентина Николаевна Дмитриева вспоминает, как по выхлопотанной специальной накладной получала на ТЭЦ-2 осо-

бенного свойства кирпичи для фундамента и привозила на машине-газике, нагруженной так, что рессоры, не выдерживая тяжести, почти выпрямлялись.

В то время многие перебирались если не в Уймон, то куда-нибудь поближе к нему. Надежда Борисовна вспоминала не без эмоций: «Собирали в коробки и упаковывали детей и книги». Уймон оказался краем довольно суровым, своеобразным климатически, возможно, из-за близости Белухи. И краем старообрядцев. Она часто имела дело с тогда еще живыми родственниками семьи Атамановых и хорошо знала ее историю. Сам Атаманов был из ссыльных, его дочери стали помощницами в доме Рерихов. Одна из жительниц Уймона, память которой хранила встречи с семьей Рерихов, баба Фекла, была очень суровой, набожной, вела дом по всем строгим «чистым» правилам. В ней чувствовался сильный дух подлинно религиозного человека.

Надежда Борисовна, одной из самых первых оказавшись в Уймоне, включилась сразу и «повела» финансовые дела, улаживая всякий раз время от времени возникающие финансовые кризисы. Эта сторона дела была, конечно же, очень существенной и ответственной и тоже требовала напряжения исключительного, так что когда срочно требовалось очередное «вливание», то как бы спрашивалось с Надежды Борисовны. И она, несмотря ни на какие лимиты, на собственные средства отправлялась по инстанциям, в том числе и в Москву. Ей пришлось встретиться с космонавтом Севастьяновым, у которого день был расписан так, что пришлось вклиниваться, что называется, с большим треском, в перерыв между его заседаниями и излагать суть дела прямо в машине, в которой он ее подвозил в гостиницу, «слушая дело». Памятным стал и случай денежного пожертвования на строительство из огромной по тем временам суммы, выплаченной за выигранную кем-то из семьи Надежды Борисовны в лотерею «Волгу» (кажется, одна треть стоимости машины).

В Уймоне собирались вслед за Смирновыми обосноваться и новосибирцы Гаевы. Юрий Гаев был тогда артистом новосибирского ТЮЗа – молодым, восторженным и безоглядно влюбленным в Алтай. Среди прочих университетов жизни и испытаний –

участия в работе научных экспедиций под началом А. Н. Дмитриева и практики Агни Йоги, ему предстояла деятельность в секторе культуры райкома Усть-Коксы, опыт партийной работы, учеба на юрфаке, личная трагедия, а позже – поприще юриста, удачливого адвоката, выигравшего в свое время очень крупное разбирательство. На Алтае вообще многие пережили истории, по напряжению не уступающие любому античному мифу.

Лилия Гербертовна Гаева, его первая жена, в то время молоденькая учительница немецкого, еще по снегу приехала на строительство с мужем и маленькими детьми, большими чемоданами и большими глазами – от всех волнений и всего увиденного. Все это были люди, имевшие прямое отношение к А. Н. Дмитриеву, его группа. Интересно, что дети, выроставшие возле строительства, получали как бы своего рода крещение и свое оригинальное посвящение в мистиков. Фотографии хранят, например, отроческий облик Лени Победина той поры, сына Аллы Побединой, хрупкой на вид интеллектуалки, часами вдохновенно проводившей в Уймонне на кухне у большого костра с огромными чанами борщей, каш и компотов в самый разгар строительства (плит никаких не было, то есть плит, способных выдержать тяжесть огромных кастрюль).

Быт строителей легко представить по фотографиям, запечатлевшим эпизоды и хранящим «веселье» приметы той поры: Сергей Смирнов со сломанной рукой в гипсе, подобно раненому великому полководцу, полулежит на поле трудовой брани или, вернее, нивы, на фоне надутых, как паруса уходящего вдаль брига, развешанных выстиранных одежд или простыней; на фоне уймонских пейзажей в ветровках и кедах стоят, на все времена составив группу для фото, деловитые энтузиасты.

По свидетельству той же Надежды Борисовны Судаковой, все приезжающие на строительство были заняты в какой-то степени на разных условиях; существовали скромный бюджет и скромная смета, строжайшая экономия, вообще разные сложности с оплатой. У тех, кто, вопреки ожиданиям, ничего не получал, порой возникало недоверие: думали, что заплатят позже других, так как сама идея бескорыстных усилий в голове у многих укладывалась не вполне; на каком-то этапе именно на этом

«сыграли» «недовольные» рериховцы, дойдя до прямых обвинений – писем в инстанции с требованием проверок положения дел на строительстве «купеческого» (или «кулацкого») особняка по подозрению в злоупотреблениях.

Строители же более, чем отсутствия денег, боялись собственного неумения, отсутствия на первых порах чертежей и расчетов, которые должны были быть сделаны кем-то опять-таки бескорыстно, ибо в смету оплата их не входила, или входила по низшему разряду. Инженерную часть (расчеты и чертежи) выполнил архитектор (и завязанный альпинист) Владислав Семешин из Академгородка. Позже нашли и мастера, готового взяться за дело. Но у него, пока добывались деньги, поменялись обстоятельства, и мастер отказался от своих строительных планов. Узнав об этом, Надежда Борисовна, с трудом его нашедшая и на него понадевшаяся, не то что заплакала, а зарыдала в голос – таковы были напряжение и тяжесть взятой ответственности. О том, как силен был эмоциональный план вообще – эмоциональных затрат и издержек, говорить не приходится. Каждый по опыту всегда хоть сколько-нибудь знает, как сильно он неминуемо присутствует в любом предприятии, тем более там, где увязано много людей и существует зависимость друг от друга. В любом деле присутствует капризность обстоятельств, мистически выражающая план бушевания самых разных стихий и многих пространственных токов. Запускаются невидимые оккультные рычаги как результат совокупной деятельности в духе, в огромной степени влияющей на исход дела и предрешающей сами обстоятельства и ситуации: «Если примете все предуказания Наши и вам покажется, что нечто указанное или не исполнилось, или претворилось помимо ожидания вашего, то немедленно сделайте исследование самого Указа, прилагая слова в обычном человеческом понимании. Затем припомните все случившиеся обстоятельства и сообразите все помыслы, ваши собственные огорчения, раздражения и все прочие случайности и оплошности. Очень значительно наблюдать, какие события имеют значения для космических волн... Таким путем можете наблюдать, насколько сфера психическая имеет свои законы, не касаясь наших трех измерений» («Иерархия», 67).

Сверхсмысл музея с такой историей, какой она сложилась, – еще и идея непобедимости человеческого устремления в условиях внешней незащищенности от всех ветров, непогоды в прямом и переносном смысле.

Чтобы полнее дать представление о том, что приводило энтузиастов в Уймони что именно было ими вообще пережито после всех кризисов и запрещений, всю силу сердечного настроения и реализованных и нереализованных человеческих надежд и связей, стоит привести лирическое стихотворение Юрия Ключникова, много лет спустя написанное по случаю наступившего новогоднего праздника и посвященное Евгению Киселеву, непосредственному партнеру Ю. М. по заготовке леса в годы строительства. Оно, как одна из множества искорок духа, вспыхнувших на огненной волне кастальского ключа Уймона, прекрасно своей интонацией высокого стоицизма, чуть заметной самоиронии, горечи – при полном отсутствии сусальности и бравады:

Над севшею за стол страной Курантов перезвон несется.
Наш тост за солнце под луной и за луну – подругу солнца.
Итак, дружище, с Новым счастьем! Мы ждем его среди зимы.
Оно наступит в одночасье, коль станем новыми и мы,
Покинув, верится, – навеки – трусцу по замкнутому кругу.
Так пожелаем же друг другу спирали пламенной наверх.
Гудит на улице пурга, а в нашем доме дачном – печка.
Мы тост подъемлем – богу свечка, а, может, – черту кочерга!
Нет, не спеши, мой милый друг, улыбкой встретить эти строки.
Крутить не просто жизни круг, но и сойти с него – не проще.
Мы выбрали высокий путь и, как нам кажется, ступили,
И обещали не свернуть, и за решимость нашу пили.
Но вспомни – рыцарей с коней на землю стаскивали смерды.
Крючок простой бывал сильней кирас и лат высокомерных.
И все же тост второй – за бой, с победою неразделенный,
Как этот спирт неразведенный с алтайской мускусно й струей.
И третий тост, как и второй, с боями и победой связан –
За черный хлеб, за редьку с квасом, за вечный зов земли родной...

* * *

Так каждый дух приносит народу свои накопления и действия. Так каждый дух напрягает свои сознательные импульсы. Народная карма может приблизиться к восхождению, когда каждый дух поймет свою ответственность.

«Иерархия», 259.

Еще одно свидетельство из архива музея (записи А. Шитова, Горно-Алтайск):

«Очень много больших и малых трудностей возникало. Строители зачастую впервые виделись на стройке, и надо было «притираться» друг к другу – в атмосфере реального дела и жизни... Каждый вечер устраивались совместные чтения книг Учения, и в создавшейся высокой температуре плавилась характеры и отсеивалось все наносное... Много интересных ситуаций было при строительстве. По существу, шла кропотливая методичная внутренняя работа каждого с самим собой, окружением и природой – основные грани работы Общины. Строилось здание, а по существу шло построение характеров, а самое главное – напитывание идеями Учения пространства Уймонской долины. Конечно, не все выдерживали внутренние экзамены, но все равно – строительство шло. Весть о новом деле пошла по Союзу, стали приезжать издалека, кто с честным желанием помочь, кто поглазеть, кто «покурить». Один из приехавших советовал строителям не размахивать топорами, чтоб не поранить ауру, другой вырыл за музеем яму, чтоб не смущать местных жителей, и сел медитировать. Кто-то возмутился, что не обеспечили соответствующих его персоне условий...»

Одни приезжали искать себя при помощи строительства, другие утверждали себя по отношению к официозу, как имеющие собственное Я и свою религию, третьи – просто искали интересного общения, мистических переживаний, четвертые – делу строительства подчинили всю жизнь, находя в том свою радостную и добровольную жертву, всей жизнью своею подтверждая в дальнейшем правильность и неслучайность выбора.

Об Уймоне приходилось спрашивать не раз, тоже спустя двадцать лет после завершения строительства, и Валерия Ива-

новича Липенкова, одного из авторов «деревянных» резных работ в Уймонском музее. Увидела человека с острохарактерным лицом и внешностью старорусского мастера: глаза голубые, взгляд пронзительный, усы, борода и длинные, как у Бальмонта, волосы. Замкнут и одновременно открыт. К этому времени он объездил полсвета, побывав и в Индии, – как рериховец, музыкант, мастер и автор оригинальной идеи Музея Солнца – собрания ручных изделий, вариаций на тему солнца, коллекции разных (в основном деревянных) солнц. Спрашивала, как и когда стал рериховцем? Он рассказывал неторопливо о том, что знание началось для него с поисков путей к здоровью (были сбои в дыхании), с практики низших йог – хатха и т.д. Спрашивала, было ли это увлечением на гребне всеобщего усилившегося в 70-х годах интереса к Индии, ее эпосу и философии? (Эта тема звучит, например, в поэзии у молодого Вознесенского). Отвечал, что не замечал никакой особенной волны, знание черпал из появившихся к тому времени важных книг; сильно увлекшись резьбой по дереву и мотивами солнца, много работал, не будучи профессионалом и числясь штатным сотрудником Института ядерной физики. Сам уклад – тот, прежний, социалистический, был, как теперь ощущается, довольно пластичным, не жестким; так что сам он в своем устремлении к мастерству со стороны администрации запретов на «совместительство» не встречал, наоборот, встречал понимание и сочувствие; когда возникла возможность поехать ради собирания художественного опыта в Париж – сумел поехать (отпустили), и во время работы в Музее тоже всегда отпускали. Отпускали с большим пониманием по мере необходимости на разное время, в общей сложности чуть не на год. То есть преследований никаких не встречал сам, и считает, что если когда-нибудь кто-то и пострадал в связи с накалившейся в Уймоне ситуацией, так только партийные, занятые на строительстве, люди.

Про группу Дмитриева впервые от кого-то услышал как о группе в какой-то мере закрытой; т.е. познакомиться и войти в нее было не так уж просто; но его качества мастера вскоре сделали его необходимым строительству. К тому времени он уже

давно читал Агни Йогу; имя Рериха было священно, а строительство мемориала воспринималось как строительство Храма Сердца, как он его называл, и такое к нему отношение определило всю его деятельность.

Но в целом всю историю, сам ее стержень, оценивал достаточно критически, усматривая в деятельности А. Н. Дмитриева, по его мнению, много противоречащего духу Учения и формулируя, фактически, все существующие главные и принципиальные моменты критики в адрес А. Н.: «Агни Йога – это осознание своей космичности и ответственности за судьбу Земли. Она утверждает мыслетворчество главным устоем эволюции. Творить мыслью, устремившись к красоте. «Устремитесь к красоте», – повторял Валерий Иванович слова Святослава Рериха как бы всем своим существом, зачарованно, – Агни Йога утверждает Иерархию. Самое чистое знание дано было через Блаватскую и Рерихов.

Агни Йога должна была явиться самым чистым магнитом, заложённым под строительство, самым чистым источником... Дмитриев – знающий большой ступени; при строительстве преследовал свои задачи и привнес мешанину из Агни Йоги и системы Гурджиева. Он виноват в разъединении рядов. Тяжелая судьба строительства была predeterminedена во многом его негибкостью...»

С точки зрения В. Липенкова, необоснованным было решение Сергея Смирнова отказаться, например, от точного следования проекту. В частности, отказ от сооружения крыльца обернулся разочарованием и даже обидой для его проектировщика, который отнесся к просьбе строителей очень ответственно. На строительстве нельзя было допускать любую негибкость по отношению к людям, приехавшим строить «всем сердцем»...

Тем не менее позже, каким бы сложным ни оказалось отношение к прошлому в тонком его понимании, Валерий Иванович повторял не раз, что считает факт участия в деле строительства большим счастьем, счастьем возможности самовыражения по отношению к идеям и именам Рерихов и Братству.

(Сам Сергей Смирнов в связи с этим эпизодом и всеми подобными сказал при встрече, что существовало несколько проектов и планов, в том числе и крыльца. В любом случае неизбежно пришлось бы от чего-то отказываться и «допускать негибкость», решая на месте и исходя из существующих возмож-

ностей и обстоятельств, и сообразуясь с ними. Кроме того, всегда оставалась возможность доработки).

Владислав Семешин – некогда проектировщик здания, безвозмездно сделавший все необходимые расчеты, впоследствии оказался одним из самых «заряженных» обличителей. Сидя в своей большой respectable квартире (уже в 2000-м году) за чаем и произнося филиппики в адрес всех «темных», прикрывавшихся светлыми лозунгами, но самовольно изменивших проект, все-таки почти против воли то и дело вспоминал все, связанное со строительством, как нечто радостное, эксцентрическое, связанное с лучшими годами молодости. В ту пору хлебосольный Семешин с женой (Надей Семешиной) переехали в Барнаул и без конца широко принимали гостей – участников строительства, – которых у них в те времена (в их тогда еще однокомнатной квартире) ночевало иногда до восьми человек... И эта ожившая память сердца была убедительнее натужного разоблачительства, в котором упражнялись чаще всего люди, на строительстве надолго не задержавшиеся, но окружившие позднее все происходившее аурой подозрительности, недоверия и недовольства... Сказано: «Кому-то пребывание в Ашраме покажется темничным заточением, но при развитии духа оно будет самым целебным пребыванием. Знаете, как летит время, и в этом полете привыкаете к Беспредельности» («Мир Огненный», I, 304). Сказано также: «Преобразить сознание – значит войти в особый мир; значит приобрести особую оценку всего происходящего; значит идти вперед без оглядки; значит покинуть сетования и обрести доброжелательность» («Мир Огненный», I, 112).

* * *

Нужно оценить, как Учение углубляет сознание и действительно дает в жизни возможности, если они не отвергнуты...

«Сердце», 72.

В действительности строительство ни в коем случае не было мученичеством, а было общим, серьезным, радостным – несмотря ни на что – делом людей, устремленных к Свету, – дру-

зей человечества, признавших себя членами звездного братства. Они – молодые люди в штормовках и кедах – в то время стали как бы неотъемлемой частью самого пейзажа Алтая (южной его части). Вот как чувствовал и каким видел строительство Ю. Полумисков, его вполне типичный участник: («Наука в Сибири», октябрь 1979 г., «Лирический репортаж»):

«Яю», разбрызгивая лужи, рулит к калитке аэропорта. В Горно-Алтайске четыре градуса, дождь, ветер 7–8 метров в секунду... Мне лететь дальше, на юг, в Усть-Коксу. Под козырьком аэропорта мерзнут курильщики. Блестит одинокое такси.

– Рейс номер триста девяносто пять до Усть-Коксы откладывается до тринадцати часов по метеоусловиям...

Крепкий паренек с золотыми кудрями, в выгоревшей штормовке и домашних тапочках посмотрел на меня так, будто заверил сказанное диктором. Это метеоролог со станции Ак-Кем.

За багажными весами, в уголке желтого отполированного дивана устроилась старушка-алтайка со сморщенным лицом и густым неожиданным «табашным» басом. Через весь пассажирский зал вдруг прокричала, обращаясь к метеорологу:

– Плохо шаманил, Валерка, теперь только на третий день попадешь к себе на консервы!

Валерка, не огрызнувшись, вышел под козырек.

Внимание веселой старушки привлек мой штормовой костюм. Оглядела слезливыми глазами и сказала как бы про себя, но вслух: «Однако в Верхний Уймон строить поехал, что ли?..»

Удивительная прозорливость.

«Как знаешь?» – обратился я к старушке, но ответа не получил.

Она набивала трубку величиной с сосуд, из которого поят в самолете чаем. Капитан-пограничник с маленькой девочкой на руках рассмеялся и сказал, что на коксинский рейс норовят попасть только запоздавшие отпускники и энтузиасты – строители музея Н. К. Рериха в Верхнем Уймоне.

В 1926 году Николай Константинович говорил с жителями села и поднимался на вершины. Два поколения прошло на Земле с тех пор. Много всего было на спокойных улицах Уймона...

Катунь понесла нас в лодке к другому берегу. Струи сшибались табунными жеребцами, а мы скользили по белопенным

гривам, и все ближе нам был берег новый. Тот, кто правил, брал выше, и не жалел сил физических.

Приткнули острый нос к корням еловых великанов. Твердо пошли на крутой утес... И видна уже янтарная крыша дома. В Уймоне полдень. Над Уймоном дым, жгут на огородах ботву, во дворах и пригонах – мусор. Дым отдает лиственничной щепой и навозом. Трава проклевывается сквозь бурую листву неторопку, словно приглядываясь. Телята ловко выщипывают ее, прикусывая у самой земли. Земля еще холодна. По утрам туман прикрывает Терехтинский хребет. Стройка поднимается к небу. Ничто не заслоняет двухэтажного дома. Десять окон спокойно глядят на белые горы. Силы богатырские затрачены на строительство. Каждое бревно поворачивалось на земле до шестнадцати раз, пока не становилось стеновым брусом. Двенадцать и пять метров длина бревен. Топорами махали да тюкали с рассвета и до темна. Двести семнадцать человеко-дней на окантовку потрачено. Топор с односторонней заточкой к руке прирос. Даже для привычного человека это очень тяжелый труд физический. Сто шестьдесят семь лиственничных хлыстов в марте с горы привезено... Как строят... Неторопку, стараются... Значит, простоит храм муз долго, может, триста лет. История знает и более древние постройки из алтайской лиственницы. Георгий Васильевич Щенников подъехал на сереньком «Москвиче», остановился у штакетника, опустил стекло: «К председателю сельсовета вопросы есть?» – У нас всегда есть вопросы к председателю сельсовета. Как дела с транспортом? Когда распилит лес Мультигский леспромхоз? Нельзя ли взять пару верховых лошадей, чтобы подняться на гору Батун? – «Что на Батуне?» – Посмотреть восход солнца и сделать несколько цветных фотографий. – «Лошадь найдем, смотрите восход».

К вечеру закончились работы на кантовке, и каждый перешел к своим делам. Три Сергея, все строители. Вечерами каждый любимую работу творит. Оконные наличники из кедровой доски режут, электрической приладкой потолки полируют, розовый куст на подоконнике поливают и бензиновой пилой профилактику делают. О потолках в доме речь особая: после полировки их воском пчелиным натрут, и потолок всегда блестеть будет и пахнуть счастьем, летом и розами».

Рассказывает Ольга Савельева (2000 год):

«Мне было ровно 18. Выехали на Алтай. Подразумевалась такая задача – попасть в отряд Д. – рабочим, кухаркой... Вечером поздним как-то бросила в сумку вещи и рванула через долину. Как я по этой долине шла – непередаваемое ощущение было, одно из сильнейших в моей жизни. На самом закате нашла подкову – на всю жизнь память. Двигало мной чувство вдохновения, вела любовь – инстинкт страсти без взаимности. Шла без страха, знала, что ничего не случится, с чувством полной безопасности. Пришла в другой лагерь, когда стемнело окончательно. Уже в полной темноте села на лавочку. Киселев вошел и попросил вместе с предметом моей тайной любви принести бак с водой. Несли за две ручки. Мне казалось, что все не так делаю...

Два лагеря строителей перессорились, и на меня пало задание быть женой-мироносицей – снимать конфликты. Я ходила от этих к тем – и всех убеждала, что распрей не надо... Как бы то ни было, а дело шло. И много памятного осталось. Была в деревне каноническая личность – баба Фекла, которая видела еще Н. К. Рериха со товарищами. Так что для многих все, что она изрекала, было истиной в последней инстанции. У нее была красочная жизнь. После фольклорной экспедиции баба Фекла делала травянуху – настойку для здоровья, которая разбирала почище всякой бормотухи. (Дядя Коля был в детском восторге.) В середине беседы Фекла то и дело вскакивала и говорила, глядя в окно: «Это кого же там еще несет?» А на меня глядя все повторяла: «Ты, Оля, сама-то худая, а жопа-то толстая». А стройку одобряла, хвалила.

Вообще тогда много забавного было. Дядя Семешин веселый был. Как-то еще не доехав до Уймоны, захотел он лапши. Тут и сбили как раз как по заказу петуха ненароком. Пспрашивали у народа – никто не признал, чей. Забрали его, сварили, съели. Хозяином так никто и не вызвался. Видно, иностранный какой-то петух был.

Моя доля в строительстве состояла в законопачивании щелей в стене дома щепочкой. Так что пять венцов содержат войлок и мох, запиханный моею рукой. Я там, в Уймоне, между прочим, научилась и готовить на много человек сразу. По вечерам у костра сидели. Если бы не случившиеся разборки между мужика-

ми, все было бы просто чудесно. Липенков, когда приехал, стал печь лепешки пресные, а я развлекалась тем, что таскала эти лепешки так, чтобы никто не видал. А домик между тем все подрастал. Позже мы переехали в дом, где, по преданию, жили Рерихи, устроились там.

Вспоминается часто то житье: протока, где приходилось стирать, свежесваренный чай, который очень любил дядя Женя Киселев. Катунь, которую видела, когда ходили погулять с Алексеем Николаевичем. Деревню смотрели – с горы – она была прикрыта туманом. Память осталась как о некоем пиковом подъеме жизни.

Строительство имело суть как некоторое осмысленное действие. Главным из ощущений было особое ощущение собранности. Коллектив и работа не отнимали сил, а, наоборот, воодушевляли – царил настоящий неподдельный неукротимый энтузиазм.

Соображения возникали уже потом, а на месте было сильное эмоциональное восприятие.

Мне было потом не понятно, почему пошла какая-то грызня. Мне казались кощунственными все эти разборки, казалось, что дело должно было быть выше всего. Я бегала между всеми, стараясь, чтобы все было пронизано любовью к делу, любовь к другому – все были любимы... Очень больно было от разрушения такой общности...»

Значило бы погрешить против истины, не сказав, что все участники оценивают прошлые события неоднозначно. Руководители не избежали упреков в том, что основное ядро строителей-первопроходцев, очень хорошо проявившихся на самом первом, одном из труднейших, этапе, со временем перестало быть монолитным. Оценивая события по прошествии многих лет и вовсе не приписывая себе права последнего слова и заключения, все-таки подчеркну, что обстановка строительства, столь непростого уже по причине самой его отдаленности, имела очень сложный оккультный подтекст. События как таковые именно в этом аспекте не поддаются никакому окончательному определению. В любом случае – здание было возведено замечательное, а издержки и на строения нужно соизмерять в сравнении с самой вечностью, не забывая, что любая, даже негативная и приносящая страдание си-

туация, в чем-то всегда может быть оправдана и понята как ситуация в основе своей творческая, не поддающаяся учету земными скудными мерами: «У многих чувствознание вечности отсекается устремлением к саможалению. Но повгорено во всех Учениях о тяготе плоти, чтоб устремить внимание к преимуществу духа. Важно принять Учение как начало к истинным преимуществам, которые не могут быть отчуждены» («Сердце», 72).

Важно понять и то, что острые ситуации, если и возникали, то чаще не из-за недостатка горения, а именно, может быть, из-за слишком яркого пламени сердца. Пламя и обжигало...

Еще в одних из своих ранних алтайских записей Алексей Николаевич говорит: «...Что можно поведать о том несказанном? И все же слова, посланцы огня мыслей, ... пытаются воспарить, отобразив в своей вязи то, что за пределами банальных слов повседневности... Это захватывающее явление продолжения человеческого восприятия, мышления, слов за грань этой жизни очень трудоемко. Трудоемкость – в сфере материализации огненных бликов реальности мира в мире привычном... Ведь человек, продленный незримо за облака и синеву, когда тело, принимая лавину огня, становится прозрачным для самого себя, – так непонятен и даже не нужен в этом месиве вещей и обычного многословия... Зажечь огонь будущего – сверхзадача, невообразимо трудная для реализации. И тут подается и принимается помощь. И тот, кто примет ее, будет накален в горниле бедствий и противоречий до сияния реальной красоты...»

Не забудем слова Елены Ивановна: «...ярых Безупречных Духов нет. Иначе эволюция уже закончилась бы». Не забудем также и утверждение Великого Владыки о том, что в наши дни важнее всего развитие сердца как источника несломимого энтузиазма, как великого средоточия тайного, сокровенного: «Поистине, сокровенное есть соизмеримость, которая дает возможность подниматься без шатаний. ТАЙНОЙ МИР ДЕРЖИТСЯ».

А. Н. Дмитриев был и остается человеком, предьявляющим к себе требования гораздо более высокие, чем кто-либо. Это свойство существовать «на лезвии бритвы», качество человека, привыкшего взваливать на себя неизмеримо большую ношу, чем кто-либо – «ради ускорения следствий», на земном плане оборачивалось

порой против него: мощности, привычные для него, возможно, оказывались в чем-то непосильными для многих других. Но именно рядом с А. Н. – свидетельствую вовсе не в одиночестве – в повседневности, поверх всех случавшихся непониманий и неувязок земного самого жесткого плана, с особой силой можно ощущать звенящую музыку и чудо реальности Лучей Высших сфер.

В 1982 году все той же бабой Феклой, представительницей старообрядчества, в минуту расставания с Дмитриевым (как и со всеми уезжающими строителями) были сказаны слова напутствия, суровые и очень важные:

«...Храни вас Господи на нелегких путях ваших. Непонятны мне оне, но нужно, чтобы кто-то по краю досточки ходил. Тебе завсегда трезва голова нужна-то. Робить ты не умеешь, не жалешь себя-то, но людей учишь жалеть: слаб бывает человек, дак ты, Лексей Николаевич, не заносись-то. А то мало вить пройдет людей, куда ты-то идешь. А кто помет тебе – верен будет, правду тебе говорю. Но шибко тяжелу жизнь ведешь ты. Да Господу, видно, угодно-то: авось польза людям-то придет от твоего хождения по пропастям разным. Храни тя Господи. Дай переkreщу...»

Эта запись из дневника А. Н., датированная 21.10. 1982 года, свидетельствует, что люди из старожилов, старообрядцев, способны были понимать его гораздо лучше, чем многие ученые интеллигенты из Москвы.

В дневниках Алексея Николаевича 1982-го года, именно в момент неожиданного и, казалось бы, полного краха «музейного» предприятия, им самим был сделан убедительный итог всего пережитого: «Ничего, что изнуряющие напряжения не дали зримых результатов. Ведь валы незримого огня вздымаются над этой стоянкой форм и, как знать, может, эти напряжения вместе с их неумелостью тебе соткали пламенные одежды... Поиск успешен, ибо найден метод подвижности и устремления».

Действительно, истории строительства суждено было быть непростой. Но в разных откровениях строителей об этой поре, в том числе и в тяжелых, острых, – они, если и начинали «за упокой», то завершали непременно «за здравие», признавая дело настоящим и благословляя судьбу за эту выпавшую часть своего молодого деятельного прошлого. Именно благодаря факту уча-

ствия в строительстве годы молодости стали для многих временем высокого опыта, высокой пробы сил в неповторимом энергетическом пространстве.

Как ни парадоксально, но накопившиеся «разночтения» событий все-таки ценны, потому что в любом случае представляют собой кладезь противоречивой коллективной памяти о безвозвратно ушедшей эпохе, в которой были возможны ТАКИЕ намерения.

* * *

Множество уже близких возможностей разлагаются людскими жалобами, порожденными саможалением. Когда люди начинают взвешивать, сколько кто пожертвовал и сколь мало получил от Учения, смысл Учения пропадает.

«Сердце», 72.

С течением времени события стали все больше приобретать выражено драматический характер. Инициатива наказуема – эта истина нашла здесь свое ярчайшее выражение. Строителям, и в первую очередь Дмитриеву, уже в 1978 году были предъявлены «счета» – нашлись обвинители и на Алтае, и в Академгородке, и в столице. «Контора» писала, а строители спешили – строили. Одна из участниц – Алла Победина – рассказывала: «Мы устаем. Физический труд непривычен для интеллигенции. Поздно, темно, а мы читаем Учение: Майтрейя посылает нас на радостный труд...»

Дневниковые записи разных лет дают представление о положении дел на разных этапах – во время строительства и после (так как дела в Уймонском музее не сворачивались ни при каких обстоятельствах – вплоть до 1983 года, когда последовал все-таки вынужденный перерыв), и о всех ветрах и вихрях, нагнетаемых из столиц. Вот только малые отрывки записей той поры из дневника А. Н. Дмитриева:

9.10.82. ...Поехали в Верхний Уймон. Поехали много, людно, весело. Обговорили многие важные дела... День начался общим

подъемом и обычной для такого количества людей общей сумятицей. Но все улеглось. Пьем чай, подходит местная художница, полуалтайка. Она намерена 20 детей в старом доме обучать рисованию. Юра Гаев беседует с ней; длительная беседа свелась к уговорам не помещать такое количество детей в разрушающийся дом... Мы уже более резко возражаем ей и предлагаем новое здание. В ответ – радость и сомнение: «Кто разрешит?» Приходит Сергей, и в пять минут дело улажено. Направляемся к директору совхоза Золотареву и закрепляем соглашение. Наедине минут десять говорил с Юрием Ивановичем – утрясли деловые вопросы.

Перед обедом всем составом (плюс Максимка) (сын Гаевых – Юрия и Лилии. – *О.А.*) пошли наверх к знаку. Отстает Лиля, Женя С. сопровождает ее. Наконец все у знака. Радость и тишина произвели минуту торжественности. Внизу – деревня, долина, вверху – живописное полотно облаков. Все слушает и напитьсявается силой великого Знака Будущего. Читали главу из «Озарения», посидели чуть-чуть молча и направились вниз. Были Гаевы, Володя, Надежда Борисовна со своей знакомой. День прошел значительно и по делам, и по поступкам.

11.10. ...Напряжение дня нарастает. Появились люди – сначала Сергей Дейн, потом бывший кемеровчанин – поэт Александр Ибрагимов. Первое с ним знакомство: цепкий, словоохотливый, эрудированный. Чувствуется устойчивый интерес к теме НЛЮ. Знаком с Линником. Зондирует меня по доступному ему диапазону. Ввожу разговор в научное русло: он дал два интересных случая... Потом письма: Валя и Улянка окутали улыбчивой пеленой своего внимания. Прочитал письмо-информацию из Москвы: появился новый термин – «экстремальная дмитриевщина»; возня вокруг наследия Беликова; интеллигентная Москва не приемлет идею алтайского «Урусвати». Престольный град вулканирует словами и измельченными в ступе слабых программ чувствами...

Нуждающиеся в помощи люди – врачуют весь мир. «Врач, исцели самого себя», – рек Христос две тысячи лет назад. Воистину так. В. Сидоров наделал шороху, и масса мнений, порицаний и обессиленных принятых решений, наверное, немало развлекают «автора» «Брамы Лотоса»... Жаль мне вас, позванных к свету и перепугавшихся его выявляющей все природы...

Уже несказанными заревами горят небо и земля, а вы открыточками и вздохами в ароматах курительных свеч закрыли доступ свежему воздуху впечатлений от благодатных опасностей Моста Огненного. Ваши умиления – вид вашей гордыни, а ваша сердечная открытость – трусость и готовность идти вслед за любимым, перепугавшим вас... Взойдите на розовую искристость планетных вершин, испейте огненную росу «океана Учения» и воспламените сердца ваши торжеством простоты, красоты и бесстрашия. И помните, что «сталь слова звучит отгорнила правды»...

Моя экстремальщина – от огня, для огня и через огонь...

...Тяжело и отчужденно звучит Надежда Борисовна. Наблюдает, не соглашается, молчит и «терпит». Возле нее – кармическое ступение.

Вечером гуляли с Сергеем и Валей. О многом говорили, наблюдали вспышки. Ночные замеры. Сон. Славик, бурный, веселый и наблюдательный... Потом Ирина, настороженная, чуть приглашенная, с запятанной где-то радостью и силой.

21.10. День начался расчетами, погрузочно-разгрузочными делами. Снова музейные дела. Посетил Сергея Дейна. Он перенапряжен, рыщет по литературе, сталкивает Учение с другими профилями оккультных направлений. Не разобравшись досконально в одном, хватается за другое – создаются вихри, на которые накладываются «советы знающих людей». Есть тенденция к тезису: все одинаково виноваты за все. Я в ответ: ты не распоряжайся виной таким образом. Этот тезис укрывает виновных и налагает бремя на невиновных. Он снова ссылается на «сердечность». Наблюдательный, тревожный, но сомневающийся.

После обеда приехала директор музея из Горно-Алтайска. Поговорили о планах Уймонского музея, о делах экспозиций и в целом. Потом пошли к Фекле Семеновне: «Постарела я, да и ты не молодеешь, однако... Валя-то как добра, ты ее не забижай. Валентину поглядеть надо, да где уж мне... Господь приберет, значит. Да и на том спасибо. Пожила маненько, видела мно-о-го. Ты держи свою жизнь крепко, не верти ею: на тебе люди-то в ответе».

Среди строителей музея, попавших в поле моего зрения в 1999 г. и оказавшихся одним из тех, с кем удалось встретиться и поговорить, был и Евгений Смертин, один из энтузиастов из

Академгородка, по профессии математик, в пору участия в уймонском строительстве делавший в записи в дневнике, – в своеобразном ключе и стиле. Интересны они прежде всего обилием примет той жизни – времен строительства и вообще – сощбыта, о котором нынешние дети могут только что-то подозревать или читать в книгах – да и то совсем не так уж и многочисленных.

Дневник, несмотря на отрывочность записей и «телеграфный стиль», позволяет видеть круг тем и забот, внешних и внутренних, в которых жили строители, их работу – в широком смысле над обстоятельствами – и, наконец, саму «ткань» жизни тех дней: поездки за материалами, значительный физический труд, темы разговоров и устремлений, быт. Можно понять из чтения, чем было строительство в его физическом измерении, если учесть, что Е. Смертин, строитель далеко не из самых активных, был занят конкретно в основном вкапыванием опор для забора, посвятив этому в академическом измерении приблизительно полтора месяца. (Правда, занят он был и многим другим). (В сокращении – *О.А.*).

«29.10.

Из Горно-Алтайска ехал вместе с Сергеем Смирновым. Квартира знакомых в Бийске. Фактически доехали до Маймы в этот день.

Заправка в Усть-Кане (машина экспедиционная)... Начиная с Катунского моста был разговор об НЛЮ, после которого стало очень спокойно. То есть так всегда – после упоминания об НЛЮ всегда наступает состояние спокойствия.

30.10.

Раннее пробуждение, чтение книги «Магнитные поля-труженики». Завтрак. Переезд вброд через Катунь за Гагаркой, к Усть-Коксе. Выезд на Гагарку из Верх-Уймона. Потеря ориентации, потеря направления и выход В. Липенкова по интуиции. Две картины Саши – копии Рерихов (художник Саша Диренчук).

Проволока и веревка, сидение боковое. Разгрузка лесов, конвейер. Американские идеи. Обед: пирог и бигус. Рассказ сна Коле и Сереже при второй поездке за досками.

У Федора. Маралий корень, Золотой и мумие. Пришла соседка. Сказала, будто я похож на тамошнего Сергея, Виктора из Абазы и т.д. Вечно я на кого-нибудь похож. 22-летие Сергея Ки-

селева. Мой сон утром: ракетный бой, ракетки наши и заграничные. Ракета, посланная из-за горы, и ее взрыв. Мы уцелели.

31.10.

Пробуждение. Пересказ Саше обоих снов, разговор с ним. (Разговор об ограде. Мнение директора и С. Смирнова об ее переносе. Поездка за толстыми досками. Прицеп.) Обед после разгрузки досок, поездка за брусьями. Прорезка леса и ремонт (колеса). Песни со школьницами. Разгрузка брусьев. Встреча с Женей Киселевым. Он приехал лодкой из Усть-Коксы. Ужин. Чтение «Магниторазведки». Чтение, запись в дневнике, работа в библиотеке над статьей.

2.11.

Раннее пробуждение. Завтрак, разметка ограды. В качестве работы мне было намечено вкапывать столбики. Делаю с двух сторон пазы, чтоб в пазы ставить жерди, чтобы сделать внешнюю ограду, границу для дома.

Богатыри – первые пограничники. Огненная граница очищения – психологическая. Установка лесов на второй этаж. Представитель из обкома. Участие Федора в установке лесов.

3.11.

Пробуждение и завтрак. Костерки для ям. Копка ям. Преодоление инерции своего организма. Ранний обед. Чтение. Обход вокруг строения после установки первого столба еще до обеда. Радость при осмотре. Помощь Саши при установке второго столба – физическая и глазомерная. Обрубка сучков столбов. Выкапывание столба прясла и вытаскивание его вместе со Смирновым. Обкапывание второго и третьего. Сегодня 45-летие Жени Киселева. Сбор ребят в Новосибирск. Разговор с ребятами о моем ритме труда и моей дисциплине – требование занятия в библиотеке убраться.

Разговор с Будюком. Поход к Ивану Ивановичу, трактористу – подъем бревна наверх, спуск трактора почти на трех колесах. Выкапывание столба, чистка пазов. Подъем еще пяти столбов. Костер для углового столба для ямы – после заявления Смирнова, что надо только копать ямы.

Разговор с Сашей (художником) о левитации, о Георгии Ивановиче, о Сергии, о Христе, о Рерихе, о Куинджи. После разго-

вора – копание. Обед. Чтение. Баба Фекла о жителях села Тихонького: вороватье. Выкапывание столба с дедушкой и установка углового с С. Киселевым.

8.11.

Раннее пробуждение. Разговор о Рерихе. В библиотеке мало литературы – их и о них. Разговор о роли женщин – ведущей, о равновесии. Коля и баян. Приход Федора. Поездка за сеном втроем. Отсутствие ключа для трактора. В памяти: благословенны препятствия... Ведение трактора Колей. Радость при метании сена. 4 часа работы с сеном. Приход ребят, праздничный ужин, тост за единую семью – космическую – по приходе Саши.

Луна в трех радугах. Разговор о Репине и его магичности и об Илье Глазунове. На первом курсе вокруг его (Репина) картин было много разговоров. Все люди, с которых Репин писал картины, погибали. Сон.

12.11.

Установка домкрата на угол и подъем угла амбара. Ивановы указания. Мне неприятно, что он часто присматривается, хотя иногда говорит дельно.

Работа с домкратом, приход бабы Феклы. Годовщина смерти Атаманова. Он встал, поклонился на Восток и умер. Ребяга закончили потолок. Была луна в радуге. Допоздна читал. Сон: магазины, золото, но я поклоняюсь только лишь Господу Богу моему. Аурум – все золото мира.

16.11.

С утра сипение – простыл. Обработка бревна, столбика и одновременное копание. Вкапывание двух столбиков до обеда, Сашино участие и копка им ям. Обстругивание третьего бревна. Обед. Чтение Махабхараты. Наметка еще столбиков. Уход Надежды Борисовны в гости, остальных – на Катунь. Работа над копией, нивелировка выражений лиц в «Звенигороде».

Мысли о шите города Знания. Чтение письма Елены Ивановны. Мой рассказ о «золотом сне» и его последствиях. Разговор с Иваном о городе Знания и отрицание его Иваном – по политическим мотивам.

23.11.

Выкапывание ямы для столбика свыше 4 часов. Установка столбика 23. Ужин. Размышление днем. Медитация: подъем со-

кровищ на небеса, иначе приходят в мир пустыми и уходят тоже пустыми. Спокойствие. Радость. Запись в дневнике. Пластинка «Ты, только ты». Уханье ребят стало привычкой – дразнят. Выстукивание паза и опоздание на обед в связи с этим.

28.11.

Пробуждение. Рассказ и толкование снов. Киселев рассказывает сон: в Новосибирске видел горящую горстку машин, искры от нее обожгли крыши семи домов. Заборы отставили подальше, чтобы от заборов, если загорятся, не загорелись дома. Ссора с Иваном и его требование уехать – мне. Установка еще столбика. Теперь их 25. Можно и уезжать. Встреча с директором Золотаревым. Осмотр дома. Решение о фундаменте я поддержал – делать лиственничным, живым...»

Дневник этот – лишь малая зафиксированная толика тем, ощущений, мыслей, сопутствовавших всему происходящему в те дни, небольшой график «движения» личности в координатах строительства, где геометрически пересеклись множество человеческих жизней. В те дни в ежедневных коллизиях будней человеческая природа совершенствовалась в благороднейших принципах Агни Йоги: Труд, Творчество, Любовь.

В общем поступательном движении вперед судьба строительства вообще складывалась из множества персональных судеб в их неожиданных переплетениях – и драматических, и трагических, и комедийных, и даже с элементами фарса, как в истории N., женатого человека, новая романтическая влюбленность которого повлекла вмешательство в дела строительные всех сил – земных и небесных. Затевая «бракоразводный процесс», разъяренные высокопоставленные родственники «пострадавшей» жены «сбившегося с пути» энтузиаста поднялись на защиту фамильной чести, заручившись помощью – ни много, ни мало – работника службы КГБ, посланного под личиной энтузиаста собирать компромат. Агент был внедрен на строительство и проделал большую «исследовательскую» работу, прежде чем был разоблачен.

Практикуя интеллектуальную честность, избежать конфликтов на строительстве было нельзя в принципе, как и везде. После четырех лет их всеобщих усилий над головами строителей

сгустились тучи, и последовали события, в значительной степени спровоцированные, но в конце концов поставленные Дмитриеву в вину как аурически снижавшие светлый замысел. На каком-то этапе все происходившее «около» оттеснило на второй план саму суть совершающегося дела.

Эпизод строительства едва ли не потерялся среди пристрастной памяти академгородковцев о «бракоразводных процессах» (выражение из «вопросов» к Дмитриеву), превратных толках о характере работы группы практикующих и проявившемся самомнении, самонадеянности, гордыне старшего группы. С тех пор рядом с именем Дмитриева истинно «продвинутое» сознание, что называется, «без завихрений», надолго закрепили негатив, перекрывший «для широкого общественного мнения» высокий смысл происходивших событий и создавший русло для потока домыслов и обвинений, до предела осложнивших судьбу уймонского начинания.

Тень легла на все строительство и на всю последующую жизнь Алексея Николаевича, с которого в конечном счете все и спрашивалось как с главного зачинщика общей крамолы – будь то бракоразводный процесс, чьи-то неразрешенные личные психологические проблемы, многочисленные комиссии с проверками дел на строительстве «в силу каких-то появившихся идеологических неувязок» или письмо в новосибирский обком КПСС с предложением проекта создания в Сибири Культурного Рериховского Центра. И спрашивалось в смысле самом прямом. Уцелели так называемые «Вопросы к Дмитриеву» в 1979 г. одного из сотрудников Института геологии и геофизики, безнадежно предвзятого, то есть идеологически «чистого» и не запятнанного вынашиванием лукавых замыслов «по вымогательству народных денег под благовидным предлогом», – по поводу заявленного в обком проекта. «Вопросы» содержали целый реестр обвинений и по тону своему – полуобличительному-полуугрожающему – удивительно напоминали письма европейца Хьюма к «туземцу» Кут Хуми, о которых Махатма сказал: «Они лежат передо мною, как само зеркало духа века сего, против которого мы боремся всю жизнь. В лучшем случае это безуспешная попытка ума, натренированного в приемах экзотерического мира, дать суждение об образе жизни и мышлении тех, кто для него неизвестен».

Архив строительства вообще хранит уникальные документы: от писем-проектов обращений в Москву в Президиум АН СССР (через М. А. Лаврентьева), к Президенту Индии Индире Ганди и Святославу Рериху – с целью подробного изложения всех имеющихся у энтузиастов планов на будущее по созданию музея в Уймоне как начала научного комплекса Новосибирск–Кулу, а позже, в момент возникшего на строительстве кризиса, – в Новосибирский обком с предложением о разворачивании работы музея им. Н. К. Рериха по многим направлениям и преобразовании его в крупный Культурный Центр до – в конце концов – многочисленных объяснительных в дирекцию институтов, и, в частности, Института геологии и геофизики – в авторстве Дмитриева, тогда – завлаба суперперспективного направления – логико-математической обработки геологической информации и дважды кандидата: физико-математических наук и геолого-минералогических (впоследствии – доктора) по поводу обстоятельств деятельности инициативной научной группы, строительства и отправленного в ситуации спровоцированного кризиса в Новосибирский обком письма за подписью шести человек (участников строительства) с проектом создания в Сибири Культурного Рериховского Центра.

Не амбиции, не собственно желание как можно достойнее выйти из положения кризиса стояли за действиями авторов письма и даже не порыв праведников. Время, выверяя все сделанное, показывает, что оно было результатом осознания (как следствие преданности Учению) важности момента и все еще существовавших тогда в социалистической стране возможностей и перспектив развития на базе ЭТИКИ, а не ПРИБЫЛИ. Планы и Проекты, приводимые в письме к власть имущим в 1979 году, были синтетическим обращением в прошлое и будущее страны.

В одной из многочисленных объяснительных Дмитриева, написанной по требованию, в частности, администрации Института геологии и геофизики (начало 1979 года), говорилось:

«Широкий поиск ответа на вопросы эволюции жизни и психологии привели меня к изучению обширного материала за пределами специальности. Работы Бехтерева, Вернадского, Павлова, Ухтомского, Чижевского, Циолковского, заложившие основу

моего общественно-научного образования, убеждают в строгом эволюционном согласовании психического и физиологического в человеке. Дальнейший поиск научных разработок привел меня к изучению трудов Рерихов. Исследования ряда вопросов психоэнергетики... связали меня с людьми тех же интересов. Так возникла инициативная группа изучения «Живой Этики», которая в течение десятилетия ведет работу. Подчеркну, что предметом нашего исследования является система, которая включает в себя аспекты науки, этики, космологии и философии. Основные усилия группы были нацелены на научные стороны системы, где и получен ряд позитивных результатов в области психоэнергетики и геоэкологии. Методология исследований по существу не отличается от общенаучной методологии, базирующейся на принципах диалектического материализма. Длительное и всестороннее рассмотрение деятельности инициативной группы, изучавшей учение «Живая Этика», со стороны партийных, государственных и общественных органов дало членам группы богатый материал к критическому анализу... В связи с целями и характером содержания данного материала считаю уместным дать краткую справку о системе «Живая Этика».

...Среди результатов деятельности инициативной группы важными считаю следующие:

1. Трудоемкая и длительная мобилизация информации по профилю Учения.
2. Работы по переводам ряда монографий, указанных Е. И. Рерих в качестве важных.
3. Постоянный поиск путей позитивного решения вопроса о наследстве Н. К. Рериха в Кулу (Институт Урусвати).
4. Изучение вопросов психоэнергетики в аспектах медицины и экологии.
5. Проектирование, строительство и оформление музея Н. К. Рериха в селе Верхний Уймон.

По мере инспектирования работы группы (только со мной было проведено 16 бесед общей длительностью в 47 часов) у меня возник и, надеюсь, созрел внешний взгляд на проблему».

На высокие дмитриевские «костры сжигания старого в себе ради перспективы реальной жизни, проецируемые в исполнимое бу-

дущее», конкретный перечень предложений и планов и даже сметы, последовали марксистские семинары, разъяснительные беседы – и знаменитые «Вопросы» искушенного марксиста из ИГиГ:

«Считает ли он (Дмитриев) себя хорошо подготовленным к решению научных проблем, о которых ведет речь, также и к решению социальных проблем, которые подразумеваются? Если нет, на чьи плечи он намерен взвалить дело организации Культурного центра? Кто должен пустить на ветер 200 млн. рублей?»

Где гарантия, что предлагаемый им Культурный центр не станет средоточием шарлатанства и людей, мягко говоря, с нарушенной психикой? Может быть, автор убедился в слабости человеческого духа, узнав об отречении от его философской платформы некоторых компаньонов? Апостол Павел трижды за ночь отрекался от Христа не потому ли, что недостаточными были сила учения и психогенные воздействия Учителя, кстати говоря, и предрекшего сей досадный для богословия факт?»

Марксист-консультант по духовным вопросам, ничтоже сумняшеся перепутав апостола Петра с апостолом Павлом, спрашивал далее Дмитриева, в частности (тут же разоблачая всех сразу, весь блистательный ряд «неугодных» личностей: Блаватскую, Рерихов, – неотъемлемым звеном и продолжением которого в этом почетном контексте стал Алексей Николаевич):

«Известно ли ему, что сам Н. К. Рерих не претендовал на то, чтобы в изоляции Сиккимского захолустья в Кулу разобраться в сложной обстановке «раздираемого противоречиями мира», не претендовал на признание своих глубококомысленных (а во многом попросту изящно-софистических) упражнений в качестве стройной философской концепции?.. Что беспокоит автора больше: социально-политические противоречия мира? невозможные исчерпания ресурсов Земли при бешеном темпе промышленного производства? возможность опережения «потусторонними» (из капиталистического общества) силами нас по части «психогенных воздействий»?»

Эклектизм учений (точнее – поучений) Рериха вряд ли способен что-либо добавить к тому, что давно известно из религиозно-философских концепций античности и средневековья и до сих пор не сумело исправить мир ни в целом, ни по частям...

Что вкладывает автор в понятие разумности солнечного луча? Разве Чижевский опускался до столь откровенной зауми (если не сказать глупости), выявляя связи между циклами солнечной активности и земными пертурбациями?

Неужели автор всерьез рекомендует изучать «труды» мадам Елены Блаватской? Как соотносить все это с изрядной долей реверансов материализму, коммунизму, ленинизму?.. Если автор уверен в силе психогенного воздействия, что мешало ему в продолжении 17 бесед с ним проявить свои способности и обратиться хотя бы одного оппонента (а среди них наверняка были и такие, которые хотели разобраться в вопросе) в свою веру?»

Заключение, опережающее какие-либо ответы и объяснения, было суровым:

«Использование имени Рериха – не более чем ширма. Аполонгетика знаменитостей, заумность суждений, бьющая на эффект благовидность целей и тому подобные приемы всегда настораживают, в данном случае они вполне очевидны. Периодически возникающие волны богоискательства и мистицизма опасны не ударной силой в лоб, а медленным просачиванием в слабо сцементированные основания. Подобные проекты граничат либо с полнейшим невежеством, либо с психическими аномалиями, когда прожектеры не отдают себе отчета в целесообразности и исполнимости предлагаемого, либо возникают на почве гипертрофированного самомнения, к чему приводит, как правило, чрезмерное внимание к таким лицам со стороны окружающих».

Мог ли знать здравомыслящий скептик о том, что говорить во множественном лице у него не было никаких оснований, потому что «подобных лиц» поблизости не было – трансмутировавших, перешедших черту, а было «лицо», «овладевшее сущностью самообладания», – уже из другой эпохи, из будущего.

Психическая аномалия действительно была – и самого высокого свойства: редчайший случай действий прирожденного философа и ученого из тех немногих, свидетельствующих свои доктрины кровью.

Зато «не аномальным» оказалось большинство рефлектирующих сограждан, что и подтвердила со временем трагическая судьба страны, утвердившей совсем другие проекты.

Трудно представить, каким запасом психических сил нужно было обладать, чтобы выдержать ужас всего того сокрушительного словесного камнепада. И не только словесного.

Несколькими годами позже Алексей Николаевич писал в дневнике (фрагменты из которого ныне изданы в его художественном сборнике) как необходимым атрибуте его психологических самоуглублений, имея в виду все многочисленные вопросы, которые задавала ему жизнь вообще:

«Качели в очередном периоде колебаний поставили меня в гущу «зачем»? Зачем этот маршрут, да и вся эта работа, которая не приносит «ощутимой пользы»? Зачем это упорство в теме, которая с натяжкой «считается научной»? Зачем рисковать собой и людьми в своем и чужом фантазерстве вместо «твердой реальности»? Зачем ты хочешь кому-то что-то доказать? Ведь эти кто-то в гробу видели тебя и твои результаты, «неприменимые на производстве». Зачем ты нагружаешь информацией Ученый совет и тратишь «народные деньги»?.. Да, в новые времена новые формы распятий, но иуды все те же, и фарисеи, и, конечно, книжники всех мастей».

Именно дневники, записи в которых неизменно носили исповедальный характер и обладали силой художественного и философского обобщения жизненных наблюдений, стали откровением и – открытой «объяснительной», самой исчерпывающей среди всех, когда-либо написанных Алексеем Николаевичем:

«Всем вам один ответ: дерзаю по праву эволюции, по праву человеческого достоинства, по праву приращения знания. Ведь осязательность пользы зависит от вашей системы ощущений, и жаль мне вас, если реальность, данная в ощущениях, сконденсировалась в сберегательную книжку... Страшно и то, что научность отождествилась с прибыльностью, проклятие «Капитала» ворвалось под видом всеобщего права на «высокий уровень жизни», наравне с «передовыми странами» – вот и все цели...

И овеществление «твердой реальности» ничего иного не означает, как раздавливание человеческих душ и трансформация их субстанции в костное вещество Земли. И тезис «все для производства» представляет всего лишь абсолютное оружие против

всех форм жизни на Земле. И «деньги народные» не у народа покоятся... Вот и все. А если ты думаешь, что это выдуманно мной, – заклянись в скальную щель в морозную ночь на высоте трех километров... Не приемлю кабинетного благоразумия и бездумной раскованности языка. Попробуй, а потом возражай. Хоть раз в жизни поставь себя на край. Хоть раз в жизни испытай угрозу иную, чем быть застуканным в чужой спальне...»

Трудно представить, как мог выстоять в такой ситуации человек даже такой степени выдержки, как Дмитриев. Остается только догадываться, что скрывалось за его непроницаемо спокойным, как свидетельствует его окружение, видом. Если это слово к нему вообще применительно, то драма Алексея Николаевича была извечной неминуемой драмой всех людей, опередивших время, людей уже иных возможностей сознания – как драма их невосприимчивости современниками. Гете в «Фаусте» говорил:

Что значит – знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...

Печально, но позднее критиками А. Н. Дмитриева сделались многие умные устремленные люди с богатым опытом, «вырастившие» свои возможности, несомненно, именно благодаря встрече с ним, – человеком, способным к самой высокой абстракции, практике и синтезу, и наделенным при этом качеством адекватного выражения. Отдалившись и за давностью лет утратив всякое представление о сути деятельности своего – некогда – наставника, они забыли, что дмитриевская практика – действительно во многом чрезвычайная – всегда предполагала жертвенное напряжение, которое удержало бы в какой-то момент сам рушащийся мир. Учась управлять собой и собственными обстоятельствами, человек получает способность сдерживать натиск мирового хаоса. Задать уровень напряжения не было для А. Н. Дмитриева самоцелью, как и дружно вменяемые ему в вину гурджиев-

ские система и методы. Никто не может быть в проигрыше в области духовной тренировки. Сознательное напряжение, труд и страдания ведут к открытию неисчерпаемой внутренней энергии. Они неминуемо необходимы для того, чтобы внутренний человек в каждом любом образом ожил, привлекая на Землю потоки энергий, необходимых для равновесия целой планеты. «Существует прямая связь между Агни-Йогом и мировыми событиями», – утверждает Владыка. Вся вменяемая Алексею Николаевичу вина была и есть вина максималиста и воина, предельно искреннего и последовательного в служении Высочайшему.

«Вера – величайшее и труднейшее из всех дел, – писал Кьеркегор. – Люди объезжают кругом весь свет, чтобы увидеть разные реки, горы, новые звезды, редких птиц, уродливых рыб, обрекают себя скотскому тарашению на Вселенную и воображают, что видели нечто особенное. Меня это не занимает. Зато знай я, где найти рыцаря веры, я бы пешком пошел за ним хоть на край света, такое чудо меня целиком занимает. Я бы уже ни на минуту не упустил бы его из виду, не отрываясь, наблюдал бы за его душевными переживаниями. Я бы счел себя обеспеченным на всю жизнь и только и делал бы, что с благоговением наблюдал этого рыцаря и подражал бы ему, упражняясь в тех же душевных переживаниях».

События, кажущиеся сложными и даже неприятными, вообще неизбежны при утверждении нового широкомасштабного мировоззрения. Но они дают возможность увидеть человеческие сущности другого порядка и ограниченность существующей парадигмы, подготавливая к необходимости ее смены, – очень важная и мощная по своему значению работа.

* * *

Приближение бесконечно, так же, как и поражение. Но не многие различат, где победа и где поражение. Нужно знать связь духовного роста с победой над тьмою. Тьма может давать Майю благополучия, когда Свет может утвердить потрясение. Каждый стремится по кратчайшему пути, но кто же умеет вообразить наилучшие достижения?

«Иерархия», 445.

Предпринятая попытка апелляции инициативной группы строителей к партийным верхам, ни с кем не согласованная, была чистым безумием и с точки зрения бдительных партийных идеологов, усмотревших в ней, как и во всякой инициативе, прежде всего крамолу, «нечто общее с умыслами Голанского и Даниэля», и с точки зрения большинства администраторов, позитивных ученых, презиравших Блаватскую и иже с ней, и с точки зрения «здравомыслящих» рериховцев, собственными руками создавших на строительстве обстановку кризиса, причиной и результатом которой и было письмо наверх, «через все головы» (официальных лиц Сибирского Рериховского общества) – как единственной оставшейся возможности спасти дело и не предавших его людей.

Эпизод с письмом, обернувшийся жесточайшим жизненным испытанием для всего актива участников строительства, не говоря уже о двух его главных авторах – А. Дмитриеве и Ю. Ключникове, – стал частным случаем тезиса Кьеркегора:

«Единица – та категория, через которую должны пройти в религиозном смысле наше время, история, род человеческий. Если бы мне предложили выбрать себе надпись на могиле, я бы не просил ни о какой другой, кроме – единица. Если эту категорию еще не поняли, то поймут со временем. Но категория единицы – не предмет преподавания, она – этическое средство, применение которого требует большого мастерства, связанного на практике с опасностью, а иногда даже грозящего жизни того, кто ее применяет».

Дневники Алексея Николаевича показывают всю меру проявленной ответственности:

«...Если ты решился идти напрямик к вершине, что тебе до замысловатых узоров троп. Привыкни к истине: каждая встреченная тропа лежит поперек твоего пути. И как мало троп, верных вершине, и как много троп ведет в обход. Хорошо, если уверен в знаках вершинных троп, но как узнаешь их, если идешь без проводника?! Зачем идти? Если услышишь зов вершин, не сможешь не пойти. Но знай, что особенно широкие и утоптаные тропы петляют между вершинами и незаметно снижают путника... Услышав зов своей вершины, иди напрямик, даже если ты без проводника, не бойся погибнуть, может статься, что тело (вещественная часть тебя) останется где-то там, располованное жреческим ножом скал, но пылающая верность вершине в непрерывном биении космического пульса радужным венцом осенит заветную цель – сердце твоего бессмертия!..

И вот сейчас, при загадочным звоне синевы неба Уймоны, просовываю всего три цветка в эту узкую щель. Шатается камень под ногами. Почему именно сюда, зачем эта бравада, спросишь? Именно сюда и отсюда, во все стороны – вверх и вниз – Красота положила печать своего совершенства. Да, здесь, где преданность Красоте плодоносит торжественностью Гармонии, стоят стражи Красоты. Здесь на грани срыва сознания и расплаво-экстаза царственно покоятся знаки Власти Красоты.

Но не ходи сюда, если ты не приносишь цветы – некупленные цветы в эти малодоступные места... Это ничего, что я худ и обветрен, оклеветан и голоден, кое-как одет и очень устал. Ведь из года в год, из боли в боль, из радости в радость, из напряжения в напряжение я переливаю себя в служение причинам Красоты. И учил я всего лишь Красоте, но они не поняли, высмеяли и отвернулись. А те, кто что-то понял, просто не выдержали, ибо не владели тайной некупленных цветов. Это ничего, что от холода цепенеют пальцы, и напряжение схватило болью виски. Я допишу сагу о цветах и не нарушу обет служения Реальной Красоте здесь, там и всюду...»

Запись датирована 1987 годом; к этому времени уже пять лет прошло со времени завершения строительства музея, надолго оказавшегося сиротой при живых родителях. В Академгородке, разумеется, помнили о нем.

Осенью 1986 года музей снова попал в поле зрения редакции газеты «Наука в Сибири». В большой обзорной статье говорилось:

«В 1981-82 гг. строительство завершилось: шло художественное оформление здания, тщательно выполнялись требования областного краеведческого музея – ставилась противопожарная сигнализация, металлические решетки, отделявшие помещение от основного хранения.

Но осенью 1982 г. здание по акту не приняли и музей не открыли, хотя он уже работал явочным порядком. Был составлен сценарий экспозиции и тематико-экспозиционный план.

Весной 1983 г. его утвердил ученый совет областного музея. Только за январь–август 1983 г. «Дом Рериха» посетили 830 человек. Его сотрудниками тогда же было прочитано 12 лекций, проведены 4 экскурсии, 4 тематических вечера. О доме-музее все чаще говорила печать, в том числе и центральная. В 1982 г. областной совет по туризму принимает решение открыть на Алтае автобусный маршрут 317 – «Рериховский».

1983 год стал для сотрудников музея самым насыщенным событиями. Областной краеведческий музей берет его наконец – филиал ведь! – на финансовый подотчет, начинает платить зарплату сотрудникам по своим ведомостям...

А в августе того же года Горно-Алтайский облисполком «вдруг» принимает решение: открыть в доме-музее филиал Усть-Коксинской централизованной библиотечной системы, а всю коллекцию (в том числе дары болгарского и нью-йоркского музеев, фотографии, литературу о Рерихах) передать в фонды областного краеведческого музея.

Буквально через день из Горно-Алтайска выезжает грузовик, на него укладывается вся коллекция, собранная в Уймоне – и передается в фонды областного музея, где по сю пору нет не только экспозиции, но и строчки о пребывании Рериха на Алтае (факты, верные на 1986 г.)

В Горно-Алтайске в областном музее объяснили это так, ссылаясь еще и на состояние противопожарной безопасности: «В Уймоне строители видоизменили местонахождение дома и планировку второго этажа, поэтому он перестал быть мемориальным. Не было ни одного подлинника, ни одной личной вещи Рерихов, – значит, не было и основания открывать там музей».

Передав музей библиотеке, спешить сразу перестали. Областному краеведческому музею понадобилось три года, чтобы составить новый темплан, теперь уже чисто краеведческого толка. Только в канун нынешнего года (1986-го. – *О.А.*), не вытеснив библиотеки, открылся филиал облмузея, но величина открывшейся экспозиции не так велика: немного вернулось из Горно-Алтайска – из драгоценного багажа того грузовика.

Теперь злосчастный музейный маршрут стараются изменить, провезти автобус, не заезжая в село. Стыдиться есть чего: неведомые вандалы сорвали со входа резного «коня счастья» и спилили с крыши шпиль со «Знаменем Мира»... Валентина Смирнова (к этому времени – уже бывший директор музея. – *О.А.*) с горечью обронила фразу: «С 1983 года не была там ни разу». (Журналист не стал спрашивать, почему. – *О.А.*)

В общем, итоги были печальны: «Закрыли, не открывая, фактически работающий мемориал Рериха, открыв в Верхнем Уймоне филиал областного краеведческого музея. Чтобы не нарушать буквы указаний свыше? Неужели только перестраховка стоит за решением облисполкома, предоставившего дом под библиотеку?» – задавался в статье многочисленными вопросами журналист.

Из дневника Сергея Смирнова:

«Стройка началась по эскизам Л. Цесюлевича. В августе произошло дальнейшее развитие идеи – мы отошли от эскизов, основываясь на следующем: зачем создавать музей с явным этнографическим уклоном, когда его можно строить не только выставочным, а «живым», стремящимся работать в духе деятельности семьи Рерихов? Практическим продолжением этого явился большой зал 2-го этажа, который мы долгое время называли «картинной галереей».

Таким образом шло строительство. Одни работали на музее, другие помогали материалами из Новосибирска. Заработки уходили в основном на питание и на нужды стройки (как редкий случай давали деньги на дорогу). Я, например, совсем отвык от денег. В основном все работы были сделаны собственноручно. Здесь стоит отметить местного плотника Будюка Алексея Михайловича, – нашего учителя в деле стройки. Во многом внешний вид здания обязан ему.

1 декабря 1979 г. приехали представители Оргкомитета, в том числе и Л. Цесюлевич. Основная цель приезда – рассмотреть вопрос о проекте музея. К этому времени была готова коробка музея и половина крыши. Общего решения принято не было. Но барнаульцы настаивали на прекращении стройки до тех пор, пока не будет сделан проект. Твердая позиция руководства райкома в этом вопросе – стройку продолжать. Это был очень важный момент – взятия ответственности и принятия решения. К концу года была окончена крыша здания. С июля 78 по январь 79 г. – работали постоянно 3-е мужчины (Смирнов, Калинин, Горлов), 2 женщины (Судакова Н. – внешнее общение и снабжение, Смирнова В.). С января 79 г. – в доме постоянно оставались двое (Судакова, Смирнов).

18 января – заседание Оргкомитета. Подача «Докладной записки» в крайком.

19 мая – началось строительство второй очереди здания. До этого шла подготовка материалов. К концу года здание приобрело окончательную форму. С 80 до 81 г. шли отделочные работы. С апреля 1980 года Сергей Смирнов – живет постоянно.

Стоит отметить, что в основном все вопросы, связанные со строительством, непосредственно решались в Уймоне. Художественное оформление – 6 человек. Наличники и ставни – В. Сокол, В. Липенков. Специалистов в основном не было, учились на месте. Основной контингент – интеллигенция. География довольно широкая: Таллин – 1 человек, Пенза – 1 человек, Барнаул – 4, Москва – 10, Ленинград – 2, Жданов – 5, Кишинев – 1, Кавказ – 1, Кемерово – 1, Иркутск – 3, Павлудар – 2, Горький – 1 человек.

Приезжали довольно часто совсем незнакомые люди, узнав о строительстве от друзей, из газет или от тех, кто строил. При отъезде по разным причинам одних участников на их место обычно приходили новые...

...Реальная стоимость здания музея – 46,5 тыс. Зарплата – 30 %. Длительность стройки – 4 года. Кроме этого был значительный вклад личных средств участниками, который вряд ли кто считал или записывал.

С 1981 г. музей приступил к сбору экспонатов. Внесли имеющиеся у нас, получили 2 коллекции из Новосибирска. Была по-

мощь из Москвы (ксерокопии), материалы из Ленинграда, Болгарии и репродукции из Нью-Йорка».

Готовое здание оценивалось в 250 тыс. Таков был вывод комиссии, созданной по требованию бдительных «доброжелателей» для расследования якобы имевших место на строительстве фактов денежных злоупотреблений. Строителей, в возникавших напряженных ситуациях каких-либо лимитов вкладывавших собственные деньги, заподозрили в намерении «пожизниться». Потому музей – это еще и памятник мужеству и твердой решимости довести дело до конца в условиях нарастающей критики, подлогов и даже брани как неизменной атрибутики каждого нестандартного дела.

Еще в 1979 году в Доме ученых в Академгородке состоялось торжество по случаю завершения строительства в связи с приездом в Россию директора Нью-Йоркского музея К. Кэмпбелл-Стиббе и приглашением ее в Академгородок (дневниковые записи Аллы Побединой):

«От имени строителей говорила Валя Новожилова – просто, с достоинством, очень лаконично и в то же время емко: «Никто из нас не профессиональный строитель. Музей строили энтузиасты. По профессии мы – геологи, физики, математики, филологи. В этом тоже – воплощение идеи Н. К. Рериха о синтезе».

Подробнее об этом событии: «23 июля 1979 г. Весть о приезде в Новосибирск Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, президента Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха и вице-президента Гизеллы Фриччи приходит примерно за 4 дня до их приезда. 23 июля в Новосибирской картинной галерее объявлена встреча.

Накануне – напряженная подготовка встречи, в том числе и подарков – альбома от строителей музея Н. К. Рериха в Уймоне, Знамени Мира (светлое дерево и яшма с высеченным на ней Знаменем Мира; звучание этого знака – торжественное, гармоничное. Радость от красоты и гармонии этого знака. Выполнил Валерий Липенков).

Вечером – встреча в Доме ученых. Вихри вокруг встречи. Говорят Наталья Дмитриевна Спирина, Л. Андросова, Р. Григорьева.

Гости очень заинтересованы в происходящем, более открыты, радостно-отзывчивы ко всем знакам внимания, ко всему

происходящему. Л. Андросова дарит им камень. Гости искренне тронуты, принимают подарок с радостью, в сердечном излучении, очарованные красотой камня. Позже, после встречи, ими сказано Андросовой и Григорьевой, что они давно мечтали иметь хоть кусочек такого прекрасного камня. Вручается альбом о горном восхождении в честь Н. К. Рериха. Ответное слово Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе. Ренита Андреевна, вручая Знамя Мира, говорит: «Вы для меня всегда были самым выразительным примером людей, в себе, в своей жизни воплотивших идеи Н. К. Рериха. Много важных событий в нашей стране сейчас – чтения, посвященные Шукшину, алтайскому писателю, рано ушедшему, юбилей Елены Ивановны Рерих, рериховские чтения, 600-летие со дня Куликовской битвы. И вот еще одно важное событие – передача в музей на Алтае Знамени Мира». Говорит тепло, живо. Оценка смысла и красоты Знамени Мира – очень высокая. Все принимается с поклоном.

Затем – показ слайдов. Евгений Маточкин исполняет на фортепьяно произведения Скрябина...

После – разговор о полученном Знамени Мира, о передаче экспонатов из Нью-Йоркского Музея в Уймон; хотя бы хранились в России».

О том, сколь значимым было это событие – вручение строителям Знамени Мира, сделанного по эскизу Николая Константиновича и привезенного из Америки в Сибирь, можно только имея в виду строки из письма Елены Ивановны Рерих, датированного 22 сентября 1950 года:

«Теперь о Катрин и Инге. Катрин улетела опять в Америку. Инге осталась в Швейцарии, сестра ее Дора чувствует себя не очень крепкой. Катрин вернется обратно к нам, ибо имеет особое поручение в связи с будущим построением научной станции. Когда это удастся, трудно сказать, судя по ближайшим обстоятельствам...»

Знамя Мира, привезенное из Америки Кэмпбелл-Стиббе энтузиастам в связи с завершением ими строительства здания, влиятельные столичные рериховцы в Уймонский музей самовольно не передали. Но не это ли Знамя «реет» теперь (как было с пафосом замечено на конференции 2001 года, посвященной

75-летию Транссибирской экспедиции и 25-летию Рериховских чтений), над головами участников конференций, куда не только не приглашают, но препятствуют входить уймонским строителям? Тем, кто в буквальном смысле поднял его на столь большую высоту.

* * *

Так же «по каким-то причинам» не открыли и сам выстроенный музей... В нем, как уже было сказано, устроили библиотеку, несмотря на все утвержденные планы работы музея. Не у дел оказались два главных деятеля мемориала – Смирнов Сергей, его Великий Прораб и Хранитель, и уже назначенный директор музея – Валентина Смирнова, ни при каких обстоятельствах – вольно или невольно – Уймон не оставившие.

Валентине Дмитриевне суждено было несколько лет работать секретарем директора совхоза, пока в 1986 г. не последовало предложение вернуться в музей. Кажущаяся случайность эта в оккультном смысле оборачивается глубокой закономерностью и помимо всех земных «человеческих» обстоятельств и чувствований ставит Смирновых на ступень совершенно особую.

В Усть-Коксинском районе хорошо известны их имена. Многие годы живут эти два человека в чистой среде Уймоны, хранящей вибрации и излучения великих сознаний. Именно они физически и морально продолжают идею существования на Алтае Рериховского центра. Именно благодаря ТАКОМУ присутствию стали очищенными многие деформированные ранее – в силу каких-то ошибок самих рериховцев и нелепых выходов самого разного туристического люда – представления о рериховских идеях у старожилов-алтайцев.

В алтайской жизни в горах мало идиллического: суровый быт, участь быть всегда на виду, на часто пристрастном суду и особая миссия – принимать жителей Алтая и туристов, как питающих подлинный интерес, так и праздно шатающихся, порой вымороченных людей. Неслучайно многие из рериховцев из осторожности откровенно отказались от поездок в эти края. Имя Рерихов имеет на Алтае для многих особую силу притягательности, несо-

менно, именно благодаря безупречности обликов хранителей мемориала, которых знают здесь без малого двадцать лет.

Причастность к такому месту и такому музею – само по себе явление высокой значимости: они живут в зоне высокого напряжения – из-за перипетий вокруг музея, пристрастного интереса к нему и его прошлому – от преодоления прямых психологических и физических трудностей до испытания суровостью быта, а позже – в каком-то смысле и одиночеством.

Жизнь вносит свои бесконечные поправки: закрытие аэропорта в Коксе, растущая дороговизна жизни, хронические неплатежи почти исключили для них сейчас сообщение с центром (или центрами).

Бывшие элитарные рафинированные новосибирские интеллигенты сумели придать своей жизни на Алтае новое измерение и уровень высоких частот. Итогом их целенаправленного пути, их движения и стал факт существования музея.

Смирновы побеждали все внешние обстоятельства одно за другим: освоились с огородом, коровой, пчелами, сенокосом, отсутствием близкой медпомощи, отсутствием какого-либо особенного комфорта – в общем, прошли все тесты на выживание в необычной алтайской глубинке, «широко известной в узких кругах». И все-таки в их жизни до сих пор, как и прежде, все по чеховскому принципу: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» – с точки зрения жесточайшей проверки на прочность буднями.

Это во многом их заслуга, что музей, открытый в прямом и переносном смысле уймонским ветрам и грозам, все-таки существует вопреки всем бесконечным усилиям многих «доброжелателей», надеющихся «исправить» ситуацию.

Такой музей, каким его выстроили, то есть хранящим следы необычайного сердечного тщания, свидетельствующим о нем каждой деталью, мог быть создан благодаря во многом исключительным личным качествам Смирнова, и именно всеми отмеченной его твердостью и высочайшей ответственности.

С. Смирнов был главной фигурой строительства – мастером, техническим директором, работодателем и распорядителем, так что в каком-то смысле – музей – его родное дитя, возвращенное со

всем тщанием и нервными перегрузками, итог всех устремлений, хорошо видимый на всех планах. Это признают сейчас «официальные» рериховцы в Москве; это они готовы были бы признать и в Сибири, если бы не неизменная приверженность Смирновых к имени и авторитету А. Н. Дмитриева.

Говорят, чтобы была жива традиция, достаточно и одного ученика. Великий индус рассказывал: «Тилопа не общался с массами. Он нашел одного ученика – Наропу – и сказал ему: «Благодаря тебе и твоей преданности, я скажу тебе то, что нельзя сказать». Многого зависит от учеников. От них зависит, сколько Учитель может принести на Землю, потому что это совершается через них».

Сейчас Валентина Смирнова – директор музея с небольшим штатом и со множеством разработанных перспективных краеведческих, культурных и научных планов. Отстранить ее поначалу удалось от обязанностей, но не от дел – кропотливой деятельности по изучению подробностей пребывания Рерихов в Уймоне, историко-краеведческой работы и, конечно, прямой практики Агни Йоги.

С моим появлением летом 1999 г. Сергей не испытал особенного восторга и не так уж и обрадовался идее написания истории музея: слишком много эмоций вокруг него. «Мы работаем над новой экспозицией. Музей построен. Никакой неопределенности нет» (в ответ на фразу из только что появившейся статьи о музее, за которой должно было бы последовать уточнение).

В Уймоне сама я впервые появилась в августе 1999 – 7 числа, как в свое время и Рерихи. Разумеется, я была очарована местом, хранящим обаяние достоверности их, в сущности, совсем еще недавнего действительного, непридуманного присутствия на земле. Вся поездка, может быть, и была (как, видимо, и для многих) попыткой как-то сообразовать себя с фактом и мощью их явления: пришлось-таки в жизни пройти той же улицей, испытывая невероятное, почти непереносимое счастье – найти и почувствовать в своих нынешних буднях их прежние будни во всех подробностях места, и причастность к одной грандиозной идее. Мы – соотечественники и почти современники. Я на опыте убедилась, как невероятно глубоко они могли «читать» место, и сколько им в нем открывалось.

Разумеется, волновалась при виде здания: аурически оно сильно звучало. Был хороший августовский день, с солнцем и синевой, и все дышало покоем, невозмутимостью и какой-то эмоциональной непроницаемостью. Я вошла в музей, поразившись сразу обилию света в доме, подлинной простоте и одновременной изысканности, искусности деревянной отделки и красоте самого тона дерева, какого-то по-японски благородно-приглушенного, уже лишённого кричащести новизны, красоте деревянной узорной резьбы, возводившей функциональные двери до значения великого символа. Тишина, покой, благодать и какая-то домашность, то есть ощущение себя дома, где ты принят и где тебе хорошо и просто. Наверху занималась делами Валентина за столом, заполненным папками и бумагами. День клонился к концу, внизу не было никого. И было чувство, что – вот-вот войдет прежний, то есть как бы без возраста Алексей Николаевич, о котором еще не знаешь почти ничего и все только предстоит узнать. То есть Алексей Николаевич вне всех минувших ужасов с разбирательствами в КГБ, парткомах, судах, всего недовольства, всего земного кошмара (воистину – особенное добро преследуется как бы особым злом), который сумел внутренне сильно поколебать, как я убедилась, даже многих некогда близких ему людей, и ожидание, что вот-вот наступит какая-то особенная реальность, где ты – не ты, а, как говорил Пьер Безухов, некто красивейший и умнейший, действующий без обычных ошибок, в такой реальности, когда ты дан всем в помощь, а не в испытание, и где нет примет и знаков беды.

Как бы то ни было, а музей красив поразительно – был и есть – идеей, замыслом, исполнением и всеми подробностями экспозиции сверху донизу – от картин, в том числе и подлинника, занавесок на окнах – до старых крестьянских костюмов и чучел алтайских животных.

Красота горного пейзажа за окнами и на картинах, почти ранящая красота выражения лиц Рерихов на фотографиях, ощущение разделенности впечатлений, как это бывает у всех «земляков», то есть людей, пересекшихся в каком-нибудь из пространств. И ощущение горечи от своего нынешнего опоздания и необходимость подчинения такому приказу и плану.

К вечеру начало хмуриться. С Валентиной закрывали музей, и мне велено было закрывать окна, и я закрывала. И лишь позже узнала, что открывать окна, правда, рядом, в доме Атамановых, любила Елена Ивановна.

Во время нашего (почти километрового) пути по геометрически незамысловатому Уймону к новому дому Смирновых – от музея в другой конец села – началась гроза. Валентина отказалась от предложенного ей места в легковой машине. Предлагал его Коля Ермаков, приехавший в очередной раз на Алтай – отношения с которым у Валентины оказались чем-то осложненными (как позже объяснила Валентина – неумеренным воздействием на глазах у деревенских жителей). Осложненными в какой-то степени они оказывались, видимо, со всеми прежними товарищами, как у людей, испытывающих серьезные трудности, которые те должны были бы разделять. Они выдерживали всю бесконечную перипетию вмешательства партийного, КГБ, потом приезды и частое присутствие йогов всех толков и рериховцев, и среди них – официальных лиц Сибирского Рериховского общества, всячески и старательно стремящихся обходить имя Дмитриева, по-прежнему широко задействованного на Алтае в самом разном качестве, и прежде всего как ученого.

Смирновы решили строить собственный дом, притом очень просторный, – как раз в период всех разразившихся кризисов и инфляций. Начались бесконечные вынужденные остановки. Жили в маленьком доме рядом с собственным долгостроем. Реально помогать им на новом строительстве уже мало кто мог, разумеется, по причинам вполне уважительным. Осенью 1999 г. к ним – и по делам, и в командировку, и в гости – приезжали один за другим сначала сам Алексей Николаевич, потом его племянник Володя, москвич, профессиональный строитель, человек несуетливый, основательный, знавший, что Смирновы нуждаются в помощи. Он приехал на месяц сам и привез с собой Валентину Николаевну Дмитриеву и друга Юрия, человека волейбольного роста и большого проворства. Почти целиком весь этот месяц они усиленно подгоняли, крепили и сваривали трубы – проводили отопление. Валентины обе варили, стирали, стряпали. Работали часами – раз

меренно, без устали. Опять собралась, или лучше сказать, продолжилась та же община – в лучших традициях «жанра»...

В тот день мы с Валентиной не миновали собирающейся грозы. В минуту были обвеяны ветром, обмолочены дождем, хлынувшим на мою хилую курточку, которой мы пытались укрыться.

Где-то совсем поблизости сверкал красными, колючими, короткими вспышками небесный огонь, электричество в домах при этом гасло, и что-то нагнеталось в воздухе и самом вечере, и подступающая темнота наливалась густым светопреставленным настроением.

Дома Смирновы – один сухой, другой мокрый – пытались затопить неразжигающуюся печку. Она дымила. Хозяева слегка нервничали и, как водится, не отождествлялись. Разожгли. Валентина уверенно двигалась по маленькому дому.

Я, разумеется, наблюдала: оба – в стиле северных образов Константина Васильева с их неотразимой нордической красотой. Валентина была Валькирией. Сергей – доблестным героем. Оба почти мифологической выразительности.

Вечером сидели при свече. Из темноты комнаты в глубоком спокойствии с фотографии на книжной полке из-под полуприкрытых век смотрела Елена Ивановна – в ее комнате тоже был как бы полусвет. Эффект присутствия был удивительным.

Очевидно внешнее сходство лиц Елены Ивановны и Валентины. Валентина, по натуре своей очень сдержанная, в минуты воодушевления становилась лиричной, голос – поющим, певучим, и лицо озарялось сияющими глазами. Все по Некрасову: лежит на ней цельности строгой и внутренней силы печать... Меня вообще всякий раз поражала степень знаковости. Говорящими в этой истории были фамилии, лица, даже у фигуры у всех, с кем приходилось встречаться. Почти до гротеска. Тем более что на Алтае способности восприятия удесятерились. Невозможно словесно передать и десятой доли того, что пришлось пережить, весь вообще эмоциональный тонус.

Сергей тоже обладал чертой внешности, характерной для Н. К. Рериха, – ярко-синим цветом глаз.

Электричества не было. Я была чем-то вроде живого письма, то есть озвученного выпуска новостей, потому что в последнее

время видела многих людей из их прежнего окружения времен строительства. Сергей заговорил про мою недавнюю статью о музее в газете «Знамя Мира». Услышала нотки неодобрения, когда речь зашла о той части, где говорилось о неопределенности будущего музея в Уймоне. Но статья появилась сокращенной. В первоначальном же варианте говорилось о неопределенности будущего самого Звенигорода, так как музей был его началом, но замысел не получил всей силы воплощения. Уточняли детали касательно вопроса установления авторства, и Сергей утверждал, что первым прямым заказчиком дома в действительности был А. Гарда. Могла ли я предполагать, что пункт этот – констатации авторства – окажется столь сложным: реакции были самыми разными, начиная от недовольства якобы неточностью многих утверждений и кончая сугубым одобрением или неодобрением самого «взгляда на вещи».

Но и акцент на установлении авторства идеи был в какой-то мере вынужденным и продиктованным необходимостью: за именами Смирновых, авторитет которых был признан все-таки в конце концов всеми, не хотели видеть неуютное многим имя Дмитриева как знаковое и связанное с погружением в такие «пучины» прошлого, на которое у многих по разным причинам не хватало мужества. Имя это, как якобы компрометирующее дело и все движение, удобнее и проще было вообще «вынести за скобки».

Письмо в обком – «через все головы», разбирательства, суды – все это ставили в вину и с мистическим ужасом припоминали «отщепенцу» Дмитриеву, которому с тех самых пор на все оставшиеся времена предстояло быть предметом многочисленных разбирательств, выдерживая трагизм всех тяжелых проекций чужих домыслов и подозрений. Поистине, психология героя остается неуловимой для нас. Язык логики нужно было бы поменять на язык энергетики. Загадки судьбы, облеченные в иероглифы обстоятельств в их кажущейся неразрешимости, которой чурались и с которой мирились другие, для самого А. Н. становились совершенно необходимыми ступенями и ситуациями практики для «вхождения в тренировку форм», закономерной на таинственных ступенях завершения цепи воплощений. Прозревая и разрешая

сверхтрудные обстоятельства – свои и чужие – с помощью опыта внутренней медитации, он утверждал новый тип поведения – как тип поведения «по праву Космическому, накопленному веками». Сказано: «Бесстрашие есть не только отсутствие страха. Бесстрашие – это полная работоспособность всего организма в минуту опасности... Великая мудрость – жизнь дает каждому человеку возможность созреть и крепнуть именно в тех обстоятельствах, которые необходимы ему одному...»

Противопоставить что-либо, по самому духу и заданным мощностям хотя бы отдаленно напоминающее созданное в Уймоне, никто не смог, потому что вес имеет не только здание, но и опыт общины, проявившейся в творческой деятельности с наибольшею полнотой в определенное и, несомненно, критическое время, хотя здание самоценно и само по себе. Неудивительно, что алтайским искусствоведам, «перестроившимся» на 180 градусов по отношению к музею и в 90-х признавшим его «родным», в конце концов пришла в голову «счастливая» идея сделать его подведомственным, подшефным музеям Горно-Алтайскому и Барнаульскому. Возможно, действительно лучше бы не возвращаться к прошлому, вполне порадоваться и согласиться со всеми, признавшими наконец создание музея в целом делом благим, не вынося из шкафа скелетов, не вороша старые обстоятельства, чтобы не усугублять и без того сложные нынешние. Старый музей попытались теперь слить с новым уймонским – нынешним – корпусом, свободным от «дмитриевщины» и всего тому сопутствующего. Строить на новый манер – значит, выхлостив идею и пойдя от противного, в духе времени, не надрываясь, нанять и профинансировать мастеров, тихо «перетянуть» у старого музея инвентарь и все возможные занятые и еще свободные площади... Строительство нового здания аргументировали необходимостью создания подлинно мемориального здания – на его подлинном историческом месте, не имея возможности сделать его мемориальным просто из-за отсутствия (не сохранились) подлинных материалов. Мне вспоминаются в этой связи слова Алексея Николаевича о том, что ему – во времена начала строительства – для того, чтобы определить

лучшее место и построить здание надежно и основательно – таким, каково оно есть, понадобились многие профессиональные умения геофизика-геодезиста и напряжение всей собственной психофизики (сверхчуткой, следует заметить). В августе же 1999 г. я застала эту самую вторую очередь музея в стадии готовых стен. К лету 2004 года строительство планировали закончить. Мне самой приходилось бывать на спиринских собраниях и слушать краткие и сделанные, как мне показалось, с некоторой запинкой, отчеты о положении дел на строительстве, уже никак не связанном с именем Дмитриева, обязательно требующем мужества погружения в прошлые времена, а тем самым, в сущности, и выверяющего нынешние.

Я же сама к тому времени прочитала множество документов «на тему» и выслушала весь набор отзывов и представлений о Дмитриеве А. Н. – от почти вынужденного признания заслуг и лучезарности самой личности – до откровенной враждебности и желания принизить, «пресечь».

Сидела не однажды и на разных «разбирательствах» уже позднейшей поры – и в университете, и в Институте геологии и геофизики (в связи с деятельностью псевдо-комиссии по лженауке и по поводу выходявших книг Дмитриева – «Космоземные связи и НЛО» – о драматической судьбе уфологии, «Об эфирной материальности» – о проблеме сближения миров – физического и Тонкого и т.д.) и слушала все научные и далеко не научные прения. И все вспоминала, как видела однажды ранней весной, в ослепительный день солнечного неистовства: в черном лыжном костюме, мерной походкой – с лыжами «после лыж» – в городок входил еще неведомый мне тогда Дмитриев. Шел незнакомый человек со взглядом, как бы превосходящим человеческий, с глазами, заряженными мириадами солнечных ватт, не то отражающими, не то конденсирующими солнце, впоследствии – «тот самый» автор «тех самых» нашумевших книг, в том числе и о самосветящихся и неопознанных летающих объектах – сам, в сущности, форменный неопознанный и самосветящийся объект. И мне было мучительно трудно решить – что или кто был источником такого непереносимо сильного сияния дня...

* * *

Можно ли во зле следовать Свету? Истинно, Свет обнаружит каждую крупинку зла.

«Сердце», 89.

Вряд ли действительно есть сейчас смысл возвращаться ко всем подробностям дела, превращая все в разбирательство. Важно понять одно: строительству, а потом и открытию Музея так или иначе мешали прежде всего «доброжелатели» – и сибирские, и из столицы. Как уже говорилось, в критический момент актив строительства решил ценой в какой-то мере рискованного предприятия спасти дело – и «через все головы» послал письмо не куда-нибудь, а в обком КПСС. Особая сложность дела заключалась именно в большой, слишком большой (с точки зрения официальных лиц всех инстанций) простоте намерений Дмитриева прежде всего не предать дело и людей, веривших в лучшие и большие перспективы и приехавших на Алтай, подчинив этому всю свою жизнь: «Я подумал, а что если государство удовлетворит наши запросы, каким качеством и объемом будет выполнена наша задача?» – фраза из (опять-таки) его бесконечных объяснительных... Озабоченность тогдашних идеологов можно понять: в письме на базе Живой Этики (то есть мистического Учения) была, по сути, сформулирована программа духовного обновления России. Сам А. Н. Дмитриев говорил позже: «Возможно, я ошибался, но я действовал и не предал ребят, поверивших мне...»

Даже если и принять критические доводы всех осторожных рериховцев «против» как заслуживающие внимания, все-таки благодаря самой безоглядой смелости поступка инициаторов и, как показало время, всей его именно тогда высокой целесообразности (как раз накануне начала эпидемии национальной духовной апатии), в истории движения существует факт, оправдывающий веру Махатм в «наступление времени, когда необходимость обеспечить моральные и социальные устои потребует, чтобы кто-нибудь... сказал бы правду, обрушья на него хоть Гималаи».

В сущности, и Юрий Николаевич в свое время был далек от какого-либо долгого обдумывания, когда принял решение сделать доверенным в очень важном деле передачи отцовских картин» одному из городов Сибири» неведомого молодого искусствоведа из Новосибирска П. Муратова. Решающими в таких слу-

чаях становится не длительное взвешивание доводов, а доверие самой возникшей ситуации, самой подсказывающей жизни.

В записке, поданной в обком летом 1979 года, все излагалось предельно взвешенно и скрупулезно, и, зная, что свои обязательства Дмитриев при всех обстоятельствах выдерживал, лично я потрясалась прежде всего самой степени вероятности «запускаемого» варианта реальности.

Символично, что решение Дмитриева вполне разделял и Юрий Михайлович Ключников, партийный человек, наделенный большой долей здравого смысла, оптимизма и опыта.

В письме вслед за изложением «Проблемной обстановки» шел раздел «Предложения»:

«Мы предлагаем создать в стране Культурно-научный центр им. Рерихов... из ряда институтов, лабораторий и культурных учреждений, ставящих во главу угла изучение человека, его места в природе и той энергии, которая связывает человека с природой планеты... Мы исходим из того, что достаточно многочисленные группы сотрудников, глубоко овладевших психической энергией, способны стабилизировать экологическую ситуацию на Земле...»

Не забудем, что в Сибири эта самая экологическая ситуация сейчас гораздо стабильней, чем где-либо...

Дальше шли параграфы с предложениями по строительству Центра, созданию и организации отделов, определению инициатив и планов. И сообщение о деятельности в Уймоне: «Мы, конечно, понимаем, что все вышеизложенное не укладывается в рамки привычных научных систем. Но точно также мы знаем, что великие идеи всегда приходили в парадоксальной форме. Мысли Ленина о возможности победы коммунизма в отсталой царской России вызывали в свое время не только ярость врагов, но и недоумение друзей... Деятельность КРЦ поможет экспериментально апробировать многие идеи «Живой Этики» и даст государству практические результаты в ближайшие годы. Это обеспечит подготовку для перехода ко второму этапу строительства, рассчитанному на 7–8 лет со сметной стоимостью 200 млн. рублей.

Великое начинается с малого. Ленинизм в России вырос из кружков. В ряде городов имеются группы «Живой Этики», также как и нацеленные на борьбу с ней антигруппы. Кому же, как не

нам, родине научного социализма, тысячу раз выслушавшей упрёки в утопичности своих планов и тысячу раз опровергавшей эти упрёки, взяться за выполнение грандиозной программы по оздоровлению жизни на Земле во имя Истины, Знания, Красоты?»

Символично, что в одном из номеров «Вопросов философии» за 1999 г. (№ 12, на рубеже веков!) философы-позитивисты предприняли первую попытку социологического анализа наследия Рерихов и обзор «состояния» движения, усмотрев, наконец, в движении этом знамение времени для страны, ищущей новые универсальные ценности. При всех издержках традиционного взгляда на нетрадиционные идеи, авторы признали интересную вещь:

«Бывшие советские люди, благодаря превратностям национальной истории, поставлены в дискомфортное положение: собственное прошлое... стало трудно любить, и почти невозможно связать с веяниями новой эпохи. Душа человеческая ищет путей восстановления распавшейся связи времен – постсоветских, советских (а хорошо бы еще и досоветских), но объективно это очень непросто сделать... В атмосфере религиозного броуновского движения, духовной атмосферы, господствующей ныне в России, возникло, тем не менее, одно идеологическое, а по сути религиозное, движение, сумевшее органично синтезировать основополагающие ценности советской идеологии, современную религиозную всеядность и дореволюционную культурную традицию... Своеобразная и даже в чем-то универсальная способность рериховцев синтезировать в единое учение ценности советского времени с дореволюционными и постсоветскими религиозными и духовными исканиями по сути predeterminedена историей возникновения этой идеологии в биографии ее создателей».

Авторы статьи, оказавшись не в состоянии понять принципиальной сути Учения, признали, однако, что за всем видимым хаосом отечественных будней присутствует некое новое мировоззрение как опора и как рациональное зерно, способное объединить и поднять общество, не подозревая, что их выводам в истории уже есть прямое подтверждение. Агни Йогу практиковали во внешнем мире – как раз накануне всех потрясений и сползания страны в пропасть.

Еще в 1979 году инициативная группа в составе А. Н. Дмитриева, Ю. М. Ключникова, Ю. Г. Марченко, В. И. Новожиловой,

П. П. Лабеецкого и И. А. Калинина открыто предложила властям новый краеугольный камень государственного фундамента – Живую Этику.

Авторы письма в своих заявлениях исходили не из чего-нибудь, а из основных принципов политики партии того времени, прямо ссылаясь, в частности, на слова Л. И. Брежнева, сказанные во время визита в Индию в 1973 г., – о том, что проблема укрепления прямого контакта науки и культуры СССР и Индии «приобретает сегодня первоочередное значение как с точки зрения интересов обеих стран, так и с точки зрения укрепления и оздоровления международной обстановки на всей нашей планете».

Интересно, что никому не пришло в голову обрушиться с критикой на В. Сидорова, который тоже – на свой лад, и тоже «через все головы» (имеются в виду рериховцев) и в России, и в Болгарии – при поддержке Людмилы Живковой – пытался действовать глобально – на уровне государства – с пропагандой рериховских идей, что тоже на определенном этапе в одном случае в конце концов привело к обострению. Никому не показались настораживающими его высказывания об уравнивании Учения Провозвестия Параклета (переданного через Марию Вадимовну Дорогова) и Учения Агни Йоги – «как наивысших достижений духа России отечественной и России зарубежной» (выражение В. Сидорова), как и его полемика с Е. П. Блаватской. Почитаемая Сидоровым Н. М. Костомарова, выведенная в книге «Знаки Христа» говорит, в частности, среди всего прочего: «Почему так важна деятельность Рериха? Да (только ?! – *О.А.*) потому, что она служила делу единения России и Индии, а это единение будет предшествовать эпохе Параклета и ознаменует собой начало новой эпохи». О грядущей новой эпохе, с точки зрения Сидорова и Костомаровой, полнее и глубже, чем кто-либо, своим учением оповещала мир Мария Вадимовна Дорогова, в психике которой окружающие в последние годы жизни замечали многие настораживающие проявления (проще говоря, – симптомы сумасшествия – неизбежная расплата за оккультные злоупотребления).

Сам А. Н. Дмитриев говорил позднее: «Надо отметить, что в современных версиях философов, именующих себя эзотериками, существует много ТЕОРЕТИЧЕСКИХ представлений обо всем и

вся, но нет ни сценариев, ни воздействующей информационной энергетики, ни предполагаемых результатов... Мы же говорим о конкретном наполнении Дня и Ночи в период Суда по выявлению качеств человека. Не «мыслительный эксперимент», а конкретное наполнение актами распознавания текущих моментов жизни: КТО Я? ГДЕ Я? ЗАЧЕМ? Это и есть элементарный акт самопреобразования, нравственного переживания истины себя...

В этом смысле спасение означает усиление и совершенствование распознающего сознания человека – и в зависимости от мощи этого распознавания каждому сознанию будет предоставлена соответствующая норма и форма – со стороны беспредельно совершенствующейся материи. В этом и усматривается великое равновесие Начал...»

О Москве говорить не приходится, но в Сибири, где положение дел и идеи строительства все-таки представляли гораздо лучше, никакой особенной гражданской поддержки вовремя оказано не было, даже и в Академгородке... Цепная реакция самосохранения, оглядки и настороженности в отношении вопросов духа и стала на каком-то этапе причиной заговора гражданского отращения. Факт неподчинения В. Сабина, алтайского партдеятеля, решениям и выводам многочисленных комиссий сверху, инспектировавших строительство, – убеждает в силе бесстрашия. Во многом благодаря его личной непоколебимой убежденности в чистоте замыслов группы, неизменной его поддержке и уверенной безоговорочной ее защите музей все-таки удалось достроить.

Участникам строительства и на Алтае, и в Академгородке пришлось стать заложниками всех бесконечно длящихся разбирательств, планомерных расследований, когда отводили душу те, кому музейная деятельность была не по вкусу как идеалистическое баловство.

Ситуация оказалась осложненной настолько, что на долгие годы жестко изменила жизнь многих людей, если не сказать – всех, связанных со строительством, даже если они прямого отношения к пунктам обвинения не имели. В Академгородке многим гуманитариям до сих пор памятли «изобличительные» партсобрания «за чистоту» рядов в Институте истории, филологии и философии. Обличали, например, Юрия Марченко, сотрудника института, кандидата исторических наук, – одного из

шести участников, подписавших письмо в обком. Обсуждение «линии поведения» Марченко на «ложных путях богоискательства» в те времена непременно образом обречено было перерасти в осуждение безыдейного члена партии. Но, как свидетельствуют те же участники собраний, никто из администрации института ни в коем случае не хотел «выносить сор из избы». Сам академик А. Окладников был одновременно и обвинителем, и защитником, справедливо ставя на вид собравшимся искренность в основании всех «заблуждений» этого человека. Дело кончилось тем, что Юрия Григорьевича, как водилось тогда, «предупредили», «поставили на вид» и выжили из института, отпустив на все четыре стороны. На дальнейшем этапе судьбы «вольноотпущенного» кандидата исторических наук Юрия Марченко ожидал высокий (в буквальном смысле слова) жребий рабочего-кровельщика; ведь Россия, как известно, страна, которую «аршином общим не измерить...»

Мне не удалось встретиться с Юрием Григорьевичем ни в веке нынешнем, ни в минувшем, но (в начале 2001-го года) на столе у собственного сына, студента-историка, я неожиданно нашла что-то вроде визитной карточки Ю. Г. – книжку под названием «Стратегия отрезвления», 1990-го года издания, в соавторстве еще с тремя лицами, в том числе с Н. Г. Загоруйко. В книге Марченко в первом разделе рассказывал «об антиалкогольной борьбе передовой русской интеллигенции в первом десятилетии XX века, о критике большевиками алкогольной политики царского правительства» и анализировал вместе с соавторами факторы общественного здоровья в зависимости от алкогольной ситуации. Старожилам Академгородка хорошо известно, что размах антиалкогольной компании в те годы не имел здесь аналогов, что, несомненно, сберегло множества здоровых и взрослых, и юношества. Значит, и Юрий Григорьевич продолжил свое строительство. Вскоре после «Стратегии...» мне довелось прочитать и другие книги Ю. Г. Марченко, ныне – профессора НГАЭиК. По тематике это книги – раздумья о Культуре и Будущем, о сложности поисков пути духа; они написаны человеком, которому в высшей степени есть что сказать и который это свое право говорить выстрадал, что само по себе бывает не так уж часто.

В 1979 году под удар так или иначе попали все участники строительства, но прежде всего, разумеется, состоявшие в партии, не говоря уже о судьбе самого Дмитриева и Смирновых, и всех оставшихся на Алтае в связи со строительством, живущих там – Гаевых, Надежды Борисовны Судаковой...

В таких обстоятельствах неминуемо должна была поменяться сама концепция дальнейшей деятельности и самого первоначального замысла.

Юрий Михайлович Ключников как один из инициаторов письма был уволен с редакторской работы в издательстве «Наука». Его дважды исключали из КПСС, но затем (в результате его упорных апелляций в Москву) восстанавливали в партии, ограничившись наконец строгим выговором от горкома КПСС «за отступление от Программы и Устава КПСС, выразившееся в увлечении идеалистической философией Н. К. Рериха», автоматически выключавшим его из круга привычной работы в гуманитарных заведениях. По тем временам установившегося почти безальтернативного устава и ранжира потерять работу значило социально потерять почти все. Чтобы прокормить семью, Юрию Михайловичу пришлось надолго устроиться грузчиком. Видимо, о той поре есть что рассказать и вспомнить и его домочадцам...

Беспартийному Дмитриеву тоже пришлось не только надолго стать заложником всех бесконечно длящихся разбирательств и – безо всякого преувеличения – пожертвовать вполне возможной для него – геолога, математика и геофизика, заведующего лабораторией оригинального профиля – уже открывающейся (в хорошем смысле) научной карьерой. От заведования лабораторией его отстранили, что было почти равносильно лишению воинских званий; единственное, что смог для него сделать неизменно симпатизировавший Дмитриеву великий Андрей Алексеевич Трофимук, в то время директор Института геологии и геофизики – предоставить право определить кандидатуру своего преемника – для заведования лабораторией. На поступившие «сверху» предложения «о принятии жестких мер» в отношении Дмитриева Трофимук ответил условием: «Сначала найдите вместо него кого-нибудь, кто сможет делать хоть десятую часть того, что делает Дмитриев».

Только фантастическая интеллектуальная мобильность позволила Алексею Николаевичу, во всех отношениях столь неудобно-му для администрации от корпоративной классической науки, не-пременной и вполне органической частью которой он, тем не менее, был, не только вынести все напряжения нравственной борьбы, всю убийственную силу выговоров и развенчаний, вдвойне оскорбительных в силу контраста высоты побуждений и заведомо издевательской интонации ничем не рискующих всезнающих критиков, но и стать доктором геолого-минералогических наук, заставив академический ученый совет признать и считаться с его нетрадиционным интеллектуальным маршрутом.

Можно сказать только, что А. Н. Дмитриев во всем остался верен себе, и что именно масштаб пережитых потрясений на всех уровнях, в том числе тех самых двух главных – «семьи и государства», обнаружил невероятную степень его внутренней стабильности или бесстрашия. В жизни Алексея Николаевича не было решений или поступков, не подчиненных Служению, включая и обстоятельства так называемой личной жизни.

* * *

Уничтожить путь невежества можно только лишь пробуждением творчества. Пусть формы его будут даже чудовищны, пусть на задворках из лучинок солнце делают. Но кипучий поток пробьется через стены материи.

«Озарение», VI, 1.

Свое строительство он продолжил. В 1990 году в газете «Советская Сибирь», а затем и в многотиражке «Западносибирский железнодорожник» была опубликована его беседа с журналистом А. В. Русановым «О варианте будущего», в которой Алексей Николаевич, хорошо зная реалии страны и края, опираясь на собственный уникальный опыт специалиста по глобальной экологии, исследователя аномальных геофизических явлений в период наступления небывалой Эпохи Огня, предлагает соотече-

ственным ПРОГРАММУ ПРИРОДОПАРИТЕТНОГО БУДУЩЕГО, не теоретизируя отстраненно, а имея в виду собственный живой опыт человека по вхождению в это самое огненное новое будущее на основе признания «правды себя», углубления в Знания, данные в Учении Агни Йога, и отказа от погони за так называемым «высоким уровнем жизни».

Его никогда не приводили в замешательство все вменяемые ему в вину негативные факты случившихся возле него «изломов» судьбы у его подопечных, не миновавшие и его самого. При множестве очень серьезных оппонентов и ментальных противодействий, как никто другой, Дмитриев всегда знал, что делал: в ситуациях пространства практики Учения, переносимых в большую жизнь, – часто наперекор общепринятым рамкам, при прояснении слоев внутренней жизни ломалось все ложное и вызревали зерна Космического Смысла и Права. Это и значило опускать небо на землю, переживать на земле Надземное, делая его достоянием земного плана. Это и были узловые моменты жизни, несущие наибольший кармический заряд и значение и требующие мужества исключительного. Сказано: «Там, где истина, всегда нужно мужество».

«Наши собственные представления о том, как выглядит святость, то есть что это нечто благочестивое, смиренное и пресное, могут не позволять нам распознать просветленный ум в его динамическом, а иногда и в блестящем игривом проявлении», – пишет тибетский мастер С. Римпоче Тругпа в книге «Практики умирания». С точки зрения буддизма «жизнь может быть полна боли, страдания и трудностей, но все это – возможность помощи в нашем продвижении к эмоциональному принятию смерти. Истинно воспринять сердцем преходящую природу всего сущего – это постепенно освободиться от самой идеи зацепиться за что-то нашего ущербного и разрушительного взгляда на неизменность, от ложной жажды безопасности, на которой мы все стоим... Недостаточно просто размышлять о преходящей природе всего. Нужно работать с этим в повседневной жизни, как при изучении медицины изучать теорию и проходить практику, в жизни практическое обучение происходит здесь и сейчас, в лаборатории перемен».

Посвященным известно об особой природе вопросов этики, психологии и важности каждого извлеченного в пространстве духовной практики опыта, отличного от общепринятых канонов поведения, «основанных на эмоциях и на обычном их проявлении». «Так называемые правила хорошего тона являются порождением нереальной жизни и не продиктованы истиной», – утверждает Е. П. Блаватская,

Духовный путь предполагает особые жесткие законы. Мировосприятие и логика у людей, достигших уровня особой, редкой чистоты вибраций, – совершенно особые, а способность чувствовать далеко превосходит эмоциональность обычного человека.

Духовность нельзя понимать только как сосредоточенность на высших вопросах. Это особое качество существования, когда психическое существо раскрыто и покидает физический уровень. Логика обыденная уступает место логике чувствования. Это и есть суть эволюции, ее острие. Истинно духовный человек ошибается реже, чем кто-либо, потому что живет из глубины сознания, из опыта психики, хорошо осознавшей саму себя. Тогда становится возможно понимать суть других людей, «считывая» их энергетически, вибрационно.

Возможность такой встречи и практики для ищущего человека есть величайшая из удач: «Президент США не может вас ознакомить с природой вашего ума, не может этого сделать и ваш отец или мать. Не имеет значения, насколько могущественным может быть кто-то или насколько он вас любит. Ознакомить вас может только тот, кто сам это полностью испытал...» – утверждает С. Римпоче Трунгпа.

Самим фактом встречи в определенный момент с Учителем человек мистически обозначается как призванный, получивший возможность «пройти», разрешая задачу и переживая при этом ситуацию, несущую наиболее сильный кармический заряд и значение, шанс и возможность прямого переживания истины как возобладания над самим собой и обстоятельствами. Но произойдет это, если ученик окажется подлинно восприимчивым. «Состояния, хорошие или плохие, могут оказаться полезными вехами на пути, но могут оказаться и ловушками, если не ведут дальше, к наиболее сильному и глубокому осознанию», – говорит тибетский Мастер.

Ауробиндо тоже писал о недопустимости остановки как замешательства или какой-либо отрицательности: «Необходимо быть абсолютно искренним. Имеется в виду не обычная ментальная истина, а нечто более глубокое, некий импульс, который толкает нас вперед и не дает остановиться, прежде чем истина, полная истина не будет обретаена».

Совсем не случайно и Махатмы не спешили выдавать знание даже достаточно искренне его ищущим, так как истина «приходит» всегда закономерно, но оккультные законы (на которых жестко настаивает Дмитриев) чаще всего воспринимаются на земле как «холодные, эгоистические и бездушные».

Боль, возникающая в ходе духовного эксперимента, связана с необходимостью пересечь барьеры привычного, воспринять новые начала и новые энергии, способные создать волну новых вибраций в мире. «Старыми путями не пройти», – утверждает Учение. Идея высокой сознательной жертвы – главная в доктрине Учителей. Для мистиков это не только нормальный, но и единственно возможный путь. Разрушающая энергия лежит в основе единого процесса созидания. Судьбы всех высоких мистиков в чем-то трагичны. Выражение «лютая борьба с самим собой» является ключевым и изумительным по красоте тезису Елены Ивановны Рерих о принципиальной важности работы над собой как важнейшем из всех видов творческого труда:

«Современному Цицерону, восклицаящему: – О, Катилина, когда ты кончишь нас преследовать? – могу ответить – надеюсь, что никогда, ибо конец преследования означал бы начало разложения. Существует земной закон, по которому с того момента, как прекращается всякое преследование и достигается всеобщее признание, начинается и разложение. Борьба есть основа существования и продвижения, и потому человек без борьбы обращается в ничтожество и произвол. Борьба в наши дни, конечно, усилилась и расширилась, ибо сейчас нельзя назвать ни одной отрасли жизни, где бы не происходило столкновение различных начал. Потому Учение говорит – полюбите борьбу. Но борьбу эту мы должны перенести на более высокий план, и для этого необходимо выработать и утвердить свою внутреннюю правду при посредстве углубления в Учение и самоуглубления и

лютой борьбы с самим собой. Этим мы поднимем себя и всех приходящих в соприкосновение с нами. Итак, мы снова вернулись к великому понятию воспитания и самовоспитания».

* * *

Продвинуть сознание так же трудно, как сдвинуть гору. Самые неподвижные сознания – именно старые и окостеневшие. Это относится ко всем тем, кто идет, оглядываясь назад и кто не взирает на будущее. Утверждаю – окостеневшие сознания требуют мощных мер, также как и те, не выросшие за пределы детского возраста, ибо соизмеримость нужна при оценке событий. Окостенение и отсталость могут разрушить самые огромные возможности. Потому самое важное при построении помнить о том, что время требует огненных мер.

«Мир огненный», III, 370.

Лилия Гербертовна Гаева летом 1999 г. рассказывала о собственной судьбе и судьбе своего мужа, бывшего актера ГЮЗа, окончившего уже на Алтае юридический факультет, после всего пережитого в связи с обвинениями строителей в «злоупотреблениях».

«К Юре относились сдержанно – не дружили, но в открытую и не враждовали; но Юре доставалось от них. Работал в отделе культуры, потом возглавил его, потом работал в колхозе. Ушел, когда начал учиться (его взяли по договору). Читал объявления и вычитал наконец где-то, что строительному институту какому-то требовался юрист. Закончил институт по направлению, пошел в совхоз юрисконсультom. По самой специфике деятельности – был на виду, широкий, активный (не забудем, что прирожденный артист. – О.А.). Когда узнали об этой стороне – «об идеологических неувязках» на строительстве – партийцы начали его заслушивать, жалобы и письма писать до бесконечности, предупреждать его, пока не дали наконец партвыговор. Он на-

писал письмо в Республику (правительство) о неблагоприятных делах местных властей и правления, но парткружки были единым кланом, порука была круговая.

Сумела как-то повлиять Галина Ядревская. К ней прислушивались и с ней считались. Председателем был тогда Ковалев – уже вскоре после тех событий он умер – темный был слишком, больной – выступал открыто против музея. Почему? Такой человек был. Сейчас вспоминать и легко, и трудно: в 78-м году все было под запретом, все глухо. И смело заявить об учении, о Живой Этике было непросто. Все, кто решались это сделать, получали удары и разговоры за спиной. Это Юра, Сережа Смирнов. Я – за мужа. Он – за всех в отделе, он много оставил и сил, и здоровья, да и вообще... Во всех делах был на высоте, угодничества никогда не было. Когда уже стали закрывать музей, тот же самый Ковалев заявил: убрать отсюда Гаевых. Ему говорят: вот-вот и родители их должны приехать. Ковалев на это: ничего, что-нибудь придумаем, чтобы выжить...

Маме в городе говорили: дочь-то ваша такая баптистка... Я из района ушла – пришла в школу, там говорят: это вам не район. Я только недавно как-то вдруг поняла, что в своем коллективе независима, а то ведь была как будто под колпаком.

Позже пришло следующее поколение – мои бывшие ученики. Изменилось отношение. Бывшие противники мои меня многому научили – и за это благодарна я им бесконечно».

Следующее поколение пришло и в Академгородке, поколение людей, знавших о музее и понимавших, что музей нужно отстаивать. Что касается «инстанций» на Алтае, то там людей понимающих было всегда вполне достаточно, в силу чего мемориал и существует теперь. Журналисты приводили высказывание секретаря Горно-Алтайского обкома КПСС: «Нельзя бросать тень на имя великого человека, на имя Рериха. И замыслы энтузиастов тоже нельзя очернить». Секретарь Усть-Коксинского райкома партии А. Подкорытов заметил: «Энтузиазм строителей был очень большим. И пусть потом кто-то спекулировал на имени Рериха – для меня его авторитет как мыслителя и исследователя несомненен. Мы согласны с тем, чтобы расширить рериховскую экспозицию музея».

Цитата из статьи в «Науке в Сибири» той поры о музее: «Над многими кабинетами все еще витает страх перед «чем-то таким», что может крыться за рериховским мемориалом. Развенчивать его нужно тактично и компетентно. С той же настойчивостью, с какой одни люди строили музей, другие могут и должны его отстоять».

В 1987 г. одна за другой появились две публикации – в «Советской культуре» и в «Науке в Сибири» по результатам апелляций редакций в Министерство культуры и его положительного ответа на вопрос: быть ли музею историко-краеведческим?

В редакции «Науки в Сибири» и в администрациях в Академгородке в конце концов «разлюбили» тему музея. Но и для самих некоторых «убоявшихся» рериховцев тема эта оказалась камнем преткновения.

Многие из них увидели в Дмитриеве человека зарвавшегося, то есть нарушившего принцип Иерархии и компрометирующего все движение приверженностью к системе Гурджиева, ничего общего, по их мнению, с пафосом Учения Агни Йоги не имеющей, по типу деятельности – темного мага и «вахмистра». Мнение это культивировали и тиражировали именно влиятельные представители официальных структур рериховского движения (всем хорошо известно, что в атеистических партийных структурах подобная терминология – «темный маг» – хождения не имеет), не подтверждая ничем другим, кроме расплывчатых фактов личных обид и памятью о всяческих нанесенных «опасным психологическим экспериментаторством» душевных ранах. Недоверие и предвзятость распространились и на всех сибиряков и москвичей, лояльно настроенных по отношению к Дмитриеву и так или иначе сотрудничавших с ним в период строительства музея в Уймоне.

Завязался чудовищный узел противоречий. В столичных кругах стали даже культивировать мнение, что Павел Федорович Беликов умер, энергетически пожертвовав собой в тяжелой миссии защиты чести движения (заболев вскоре после пережитой эмоциональной вспышки в связи с фактом подачи в инстанции знаменитого Письма с проектом Культурного Центра). Так представляют себе это в Петербурге сейчас те, кто свою «за-

главность» видят в преимуществе существовавших прямых связей с Рерихами: в столицах образовался некий самодостаточный внутренне защищенный круг рериховцев, имеющих прерогативы доверенных лиц, хранителей чистоты линии. Этот круг «особо посвященных», который, кстати сказать, сам по себе тоже расколот, – своего рода «наследственная теократия» (а такой статус решительно ниспровергает Учение «Живая Этика»). Столичные рериховцы только издали – из уюта столичных квартир – могли следить за всеми мрачными, по их мнению, событиями в «алтайских каменоломнях», где «залег» темный маг Дмитриев. И этими боязливими слухами полнилась земля...

В «Письмах Махатм» сказано: «С нашей точки зрения, высочайшие стремления к общему благу ... окрашиваются себялюбием, если в уме филантропа скрывается тень желания выгоды для себя или склонность к несправедливости, даже если такая вещь существует в нем бессознательно».

Темная магия начинается вовсе не обязательно там, где присутствует прямой злой умысел. Для человека, длительное время аккумулировавшего мысль, то есть энергетическую силу, достаточно и тени себялюбия или поспешного отказа в доверии кому-то при росте собственных духовных амбиций, чтобы быть способным сильно вредить. Парадокс. Кто же, в таком случае, оказывается темным магом в действительности?

Но было время, когда тот же П. Ф. Беликов, первый биограф Николая Константиновича и секретарь (во время приездов в Россию) Святослава Николаевича Рериха долгое время «курировал» сибирский эгрегор и был тесно связан с его представителями: А. Окладниковым, Н. Спириной, Е. Магочкиным, А. Дмитриевым, В. Липенковым и т.д.

Есть большой архив на эту тему, которым, к сожалению, можно было воспользоваться лишь ограниченно. В 2000-м году Петром Петровичем Лабецким мне была предоставлена копия письма к нему Павла Беликова (лишь одного из многих в архиве П. Лабецкого. – *О.А.*), которое я привожу дословно, потому что оно очень «говорящее» вообще – то есть передает сам стиль отношений и дает представление о происходящем тогда вокруг музея:

Дорогой Петр Петрович!

Всегда с удовольствием вспоминаю проведенное с Вами в Новосибирске время и очень рад был повидаться с Вами в Москве. К сожалению, когда Вы пришли к Святославу Николаевичу, то не было фотографа и не удалось сфотографировать вас в группе с ним. Полагаю, что несколько других фотографий Святослава Николаевича, сделанных в этот приезд, все-таки будут напоминать Вам о встрече.

Вас и Алексея Николаевича, безусловно, интересует положение с «Урусвати». Святослав Николаевич привез вполне конкретные предложения и имел беседу с А. П. Александровым. Реакция была благоприятной, но решение вопроса требует еще дополнительных уточнений и согласований по разным инстанциям. Будем надеяться на позитивный исход. Если Академия наук СССР заключит соглашение и «откроет семафор», то дело отдельных институтов подготовить исследовательские группы для работы в «Урусвати».

Дабы у Вас и у Алексея Николаевича была ясная картина, прилагаю краткий «свод» выдвинутых предложений. Понятно, что работу в «Урусвати» Святослав Николаевич на первых этапах совершенно не связывает с работой над другими архивами. По поводу последних у него свои планы, согласованные в свое время с отцом и матерью. Эта работа – вопрос будущего, но будем надеяться, что не так далекого.

Между прочим, Болгарская Академия наук в принципе согласилась на участие в реконсервации «Урусвати» и, независимо от нашего решения, собирается в самом скором времени послать в Кулу представителей для изучения обстановки на месте.

При случае, прошу передать от меня большой привет Алексею Павловичу Окладникову. Наилучшие пожелания от меня передайте также Алексею Николаевичу и всем вашим друзьям.

Искренне Ваш – Беликов П.
28 июня 1978 года.

Это письмо свидетельствует о планах единомышленников и единой устремленности, которым суждено было в конце концов поколебаться. Мне ставили на вид и всячески подчеркивали, что

в письме имелись в виду исследовательские не группа, а группы. Признаться, до сих пор не могу взять в толк, что это меняет. То есть появляется основание опять-таки лишней раз отдать должное Дмитриеву, который в конечном счете всегда готов был принять всю тяжесть предприятия на собственные плечи, в очередной раз четко сработав как человек и как ученый, с которым всегда считались. Его пространная «Записка», поданная Г. И. Марчуку и очень серьезно Марчуком проработанная, свидетельствует, что дело «Урусвати» на каком-то этапе именно благодаря усилиям Дмитриева было родным сибирским «домашним» делом, не требующим каких-то долговременных увязываний и согласований. Где и как в атеистической стране Беликовым, уповавшим на могущество официальных инстанций, предполагалось быстро найти группы ученых, способных работать в темах Агни Йоги, то есть за пределами господствующих научных парадигм, да еще и во множестве? Мистерий, в которых героев пришлось бы разыскивать, не существует.

Ко времени приезда в Москву Святослава Николаевича у него его окружением было сформировано «дежурное» предвзятое представление об А. Н. Дмитриеве как о человеке психически очень сильном и способном силой злоупотреблять.

Можно понять возникшую настороженность Святослава Николаевича с его задачей высокого ружья за безупречность всего происходящего вокруг Агни Йоги. Но Дмитриев, как явление чрезвычайное, во всеоружии ученого-энциклопедиста, стоика, воспитанного всем суровым военным и послевоенным бытом в осиротевшей семье, йога-спортсмена, высокого философа и пассионария во всей неугасимости зажженных огней, был востребован чрезвычайным временем в чрезвычайном месте необходимостью чрезвычайных действий: «Сказание о Гиганте, держащем Землю, не есть суеверие, но память о Едином, принявшем ответственность за Землю. Так в каждом действии есть единый, принявший на плечи ответственность». Столичные рериховцы, дошедшие в своих подозрениях до обвинения в денежных подлогах и энергетическом вампиризме, оказались под гипнозом собственного страха перед его полной бескомпро-

миссностью и до предела заостренной волей: вибрации такой силы и уровня отнюдь не для всех оказывались «удобными».

Остается фактом и то, что во время приезда Святослава и Девикой Рерихов Дмитриев встречался с ними обоими, и Святослав Николаевич лично с Алексеем Николаевичем говорил долго и доверительно. Алексей Николаевич до сих пор хранит подаренную Девикой Рерих гвоздику – по восточным обычаям – знак уважения и симпатии.

Опять-таки существуют какие-то устные утверждения о факте какой-то прямой лжи из уст А. Н. Дмитриева со ссылкой на кого-то, кто, якобы, не может утверждать ложное. Почему нельзя с такой же убежденностью допустить, что и А. Н. Дмитриев лгать не способен? Почему нельзя, наконец, хотя бы и с двадцатилетним опозданием в честном поиске «справедливого мышления, очищенного от догм», перевернуть утвердившийся (к счастью, далеко не для всех) стереотип, в котором упорствуют даже многие умные люди: Дмитриев – знающий большой ступени, но он негибок. Гораздо разумнее было бы рассуждать: Дмитриев негибок, но это знающий большой ступени... – во всепроникающем свете прошедшего времени. Не забудем, что ментальные атаки на человека космической степени чуткости небезобидны и для самих атакующих.

Разве не являются предупреждающими убийственные ошибки в оценке личности Ленина и та пропасть, которая простирается между земным видением и остротой зрения «сверхчеловеческих очей»? И разве не кроется порой за нагромождениями астрала, внешне вполне убедительными, тот самый эффект малой правды, «которая хуже всякой лжи»?

Воспоминания «Чем дарила нас русская жизнь» современницы Ленина, русской демократки и близкой подруги Крупской Ариадны Владимировны Тьрковой-Вильямс написаны, по ее собственному признанию, из побуждения «удержать память о нашей эпохе, завершившей определенный период русской жизни», о событиях, над которыми, как она пророчески писала, предстоит ломать голову историкам: «Все с большим удивлением я замечаю, что европейские потрясения и обвалы, среди которых приходится жить и сейчас, преемственно связаны с тем, что думали и делали мы, русские». Невозможно не процитиро-

вать отрывок за его исключительной выразительностью и уместностью. Речь ведь идет тоже об экстремисте: «Я раньше Ленина не встречала и не читала. Меня он интересовал прежде всего как Надин муж. Невысокий, кажется, ниже ее, приземистый, широкое скуластое лицо, глубоко запрятанные небольшие глаза. Невзрачный человек. Только лоб софратовский, высокий. Не наружностью он ее пленил. А пленил крепко. Я сразу почувствовала, что там, за дверью, из-за которой изредка доносился бумажный шорох, сидит хозяин, что вокруг него вращается жизнь и дочери, и матери. Когда он вышел к обеду, некрасивое лицо Нади просияло. Девической, застенчивой влюбленностью засветились ее большие голубые глаза. Она была им поглощена, утопала, растворялась в нем, хотя у нее был свой очень определенный характер, своя личность, несходная с ним. Ленин не подавил ее, он вобрал ее в себя. Надя с ее мягким любящим сердцем оставалась сама собой. Но в муже она нашла воплощение своей мечты. Не она ли первая признала в нем вождя? Признала, и с тех пор стала неутомимой, преданной сотрудницей.

В 1904 году, когда я встретила Ленина в Женеве, кто мог предугадать в нем будущего железного диктатора? Это был просто один из эмигрантских журналистов, которому удалось, вопреки центральному комитету своей партии, захватить партийную газету «Искра». Уже тогда в революционных кругах знали, что Ленин властолюбив и в средствах не разборчив. Но особенного интереса ни он, ни его партия не возбуждали...

Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуску, тем более что мои слова его задевали, злили. Его улыбка – он улыбался, не разжимая губ, становилась все язвительнее, в глазах замелькало острое, недоброе выражение. Я вспомнила, как мой брат, вернувшись из Сибири, рассказывал, что в Минусинске ссыльный Ленин держал себя совсем не по-товарищески. Он грубо подчеркивал, что прежние ссыльные – народовольцы – это никому не нужное старье. – Злой человек этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые. Воспоминание о рассказе брата подстрекнуло меня, и я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа, не подозревая в нем будущего самодержца всея Руси. А он, неожиданно дернув головой и глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал: «Вот погодите, таких, как вы, мы будем на

фонарях вешать». Могла ли я предполагать, что этот доктринер, последователь не им выдуманной безобразной теории, одержимый бесом властолюбия, а может быть, и многими другими бедами, уже носил в своей холодной душе страшные замыслы».

Симптоматично, что «Воспоминания» Тырковой были впервые изданы в России в «демократический» период в переплете потрясающей красоты, достойной священного талмуда, потому что в наши дни востребованной оказалась предвзятость и внутренняя слепота очевидца событий, как непреременные оборотные стороны той самой «маленькой правды».

Карл Юнг в свое время писал: «Будда, по сути, не создал новой философии. Он бросил человечеству вызов! Но разве это составляет суть философии? Как всякая наука, она требует широкой сферы деятельности для интеллекта, не стесняя себя человеческими и моральными условностями. Мало того, люди, слабые и несовершенные, должны пройти свой путь познания, не стремясь до времени проникнуть в тайны, для разгадки которых у них еще нет ни сил, ни возможностей. В конечном итоге именно этот путь оказывается истинным, хотя и самым длинным путем. Божественное нетерпение гения может испугать малых сих и даже лишить их равновесия. Лишь через несколько поколений они смогут вернуть утраченную душевную гармонию. Но и такой путь может быть истинным».

* * *

Явлению любви люди приписывают такие странные обстоятельства, что кажется, что их любовь живет на монетном дворе. Между тем нужна любовь для пути в Беспредельность.

«Сердце», 72.

Возвращаясь к событиям в Сибири, скажем, что поступок Дмитриева – во спасение дела строительства – Сибирское Рериховское общество расценило как величайшее преступление против человечества, бросающее тень на все движение. Зато никому

из РО не показался бросающим тень на все движение факт посылки известными рериховцами в пылу борьбы во все возможные инстанции «сигналов» о том, что строители восстанавливают дом кулака Атаманова и наживаются на этом – то есть факт прямого очернительства. Нет никакого особенного умысла и желания извлекать эти вещи на свет божий, но ведь и двадцать лет спустя и в Москве, и в Сибири кто-то сопротивляется правде фактов и упорствует в домыслах.

Между тем есть люди, годы спустя не только далекие от какого-либо раскаяния, но буквально благословляющие эпизод с письмом в обком. Очень интересны в этой связи слова Ю. Ключникова, человека, не только не сожалеющего о своем поступке, но через десятилетия после событий назвавшего его «важнейшим в жизни моментом, благодаря которому он состоялся как личность».

Имя Юрия Михайловича Ключникова широко известно в стране как путешественника, культуролога и поэта, обладающего собственной неповторимой интонацией прирожденного философа. История его жизни и воззрения во многом отражены в вышедшей в Москве в 2000-м году его книге «Белый остров» и чрезвычайно содержательны. В каком-то смысле это нетипичная – в смысле неординарности, яркости – личность даже для уймонского строительства: закончил филологическое отделение Томского университета, учительствовал, работал журналистом, учился в Высшей партийной школе в Москве, работал гидом-переводником с французского, редактором радио, кинохроники, выпускал восточную литературу в новосибирском издательстве «Наука»... В предисловии к одной из его книг о событиях двадцатилетней давности говорится: «Его вера ему показалась столь практической, что вместе с группой единомышленников он подал в Новосибирский обком КПСС письмо с предложением обновить омертвелую идеологию идеями Учения Агни Йоги.

После нескольких десятков жутких идеологических проработок, продолжавшихся на протяжении трех лет, угроза палаты № 6 отпала, да и из партии все же не исключили, ограничившись тем, что гуманно «перекрыли кислород», выжив с редакторской работы и лишив возможности трудиться по специальности...»

В одной из статей о Ю. М. Ключникове говорится также: «...одна половина жизни, а затем – резкая граница (нетрудно до-

гадаться – после музейных репрессий), перелом. Он идет грузчиком на хлебозавод. Тот период, когда, чтобы прокормить семью, приходилось за смену (а смены были ночные) перебрасывать десятки тонн хлебных лотков с конвейера в хлеборазвозку, а если собригадники в запое, то множь цифру вдвое-втрое. Время это сам поэт благословляет, ибо истинную духовную и физическую закалку он получил именно тогда.

Важно отметить, что это произошло после безуспешных попыток новосибирских и всесоюзных властей заставить его отречься от своих убеждений и покаяться. Но он ни от чего не отрекся, ни в чем не покался... Однако Ключников не пошел по легкому пути обиженного диссидента, ибо слишком любил Россию. В своем родном Новосибирске он более десяти лет являлся председателем Духовного центра. В последнее время с женой, интересной художницей, организовал Русский клуб, занимающийся культурно-просветительской деятельностью).

Вот что рассказал о своем «музейном» прошлом сам Юрий Михайлович в 2000-м году (вначале – реплика лично для меня): «Вы ведь бываете в университете, – передайте привет В. П. Фофанову, (доктор философских наук, завкафедрой философии НГУ, в 80-е годы – секретарь парткома университета). Это очень интересный человек. В свое время он был членом партийной комиссии, которая хотела меня вразумить, когда я пытался к засохшему дереву догматической идеологии привить такую живую ветвь. (Смеется.) В комиссию входили В. Ларичев, В. Целищев (известные ученые-гуманитарии из Академгородка), но занимали они при этом, надо признать, довольно умеренную позицию...

(В институтах полным ходом шли планомерные «проработки» «зарвавшихся» неформалов – Ю. Марченко, И. Калинина, А. Дмитриева. – *О.А.*).

Вопрос: Насколько значимым был в вашей жизни факт строительства?

– Значимым очень было и строительство, и все, что было вокруг музея, потому что касалось каждого из нас и явилось жесткой проверкой на прочность. Для меня как для партийного человека это стало серьезной возможностью узнать, как партия смотрит на эти вещи (Учение вообще и действие на основе него в ре-

альной жизни). И в целом история записок (письмо в обком) – сыграла определенную роль, привлекла внимание очень многих людей к этой проблеме. Мы дали ксерокопию документов в обком партии, дали Учение и целый ряд статей. Люди пристально изучали этот вопрос. Выплыл неожиданно целый ряд имен. Когда в обкоме крепко взяли за горло, меня неожиданно поддержал академик Трофимук, первый заместитель Лаврентьева, и академик Яншин, очень интересный человек. Оба беседовали со мной, часа, наверное, по полтора, при мне звонили Окладникову, говорили: «Это интересные проблемы, займись музеем». Но Окладников в какой-то мере был человек осторожный (сам отсидел в свое время лет пять), и это наложило на него отпечаток, хотя сам по себе он очень многое знал и понимал.

В целом с интересом отнеслись и партийные работники, хотя меня исключили из партии, и я писал апелляцию в ЦК, в разные органы с целью заинтересовать людей. Для меня не восстановление было главным. Одно из моих писем пришло с визой зам. секретаря Зимянина. Много переполоху было. Заговорили, мол, может, надо было к нему больше прислушаться – он дело говорил. Но партия не могла согласиться с идеализмом: это (несоглашение) было основополагающим программным положением. В конце концов в партии меня оставили, но строгача дали. Работу пришлось поменять.

Хорошие были годы. Музей дали достроить, причем сильно схлестнулись разные интересы. Например, партиец, секретарь Усть-Коксинского района Сабин нас откровенно защищал. Ему посылали из обкома комиссию за комиссией, а он отмахивался, говорил: заняты люди – пусть работают, дайте им такую возможность. Его уважали, прислушивались. Хорошее было время. Строительство, как любое дело, спланивало людей.

Вопрос: Справедливо ли сказать, что дело, начатое в свое время Цесюлевичем, застопорилось?

– Да, именно так. Цесюлевич не строил, а вот комиссию за комиссией организовывал – проверки по статье «денежных злоупотреблений». Были и другие помехи со стороны своих – Р. Григорьева на каком-то этапе не только не посодействовала с денежной помощью в министерстве, а «зарубила» такую возможность, перенеся

на музей, на дело свою личную настороженность в отношении к Алексею Николаевичу. Алексей Николаевич человек своеобразный, но наши разногласия обозначились позже. Он взял на вооружение кроме Учения еще и систему Гурджиева, я же считал, что Агни Йога самодостаточна. Как бы то ни было, это здравый человек, очень много сделавший для Учения в научной среде...

В Уймоне мы вынуждены были делать множество собственных вкладов. Мы работали, не проводя никакой миссионерской работы, – это не было заповедано Учением. Были нормальные взаимоотношения: жили, помогали, где могли, крестьянам – косили, привозили кое-что ребятишкам, поясняли что-то о положении в мире. Они с уважением к нам относились. Было очень хорошее время. Потом, позже – появились другие люди, рериховцы, которые стали пропагандировать вегетарианство, играли на скрипке, т.е. поступали в хороших целях, несли культуру, но не соизмеряли никак свой культурный уровень с уровнем крестьянским, восстанавливая невольно тем самым народ. Они-то и породили волну отторжения рериховцев, так что сейчас эти настроения очень сильны. Один товарищ мой побывал в тех краях – остановился в одном доме – так его посадили за стол, подали мясо и стали смотреть, что будет. Увидели – ест человек мясо. Успокоились, говорят – хорошо, значит нормальный, не морковник. К сожалению, многие демонстрировали свою «святость», а на Алтае люди привыкли пить. Я туда перестал ездить, просто чтобы не добавлять жару, не подогревать никого. Мы стали ездить с южной стороны. Помогаю Музею книгами, – посылал в Коксу книги – целую библиотечку, имею представление о положении дел.

Надеюсь, что еще придет время, когда музей превратится в научный институт, как и задумывалось. Мы ведь и строили музей как исследовательскую базу биосферного института. Не получилось тогда. Но вся история, факт ее как-то будил общественное мнение, мысль, привлекал внимание к Учению – ведь Агни Йога была под запретом. Люди ехали издалека.

Сына (известный московский психолог и писатель Сергей Юрьевич Ключников. – *О.А.*) допустили в партийные архивы. Оказывается, все наше дело было под прицелом даже ЦК.

Виза Зимянина была неслучайна, но он не был членом политбюро, был просто секретарем. Важную роль сыграл высокопостав-

ленный А. Н. Яковлев, тот самый «архитектор перестройки», – он отнесся к Агни Йоге резко отрицательно и ее идеи назвал вредными и отвлекающими, ненужными... А так как по рангу был выше Зимянина, то дело и решилось соответствующим образом.

Я встречался в Москве с некоторыми лидерами рериховского движения, даже с правительственными чиновниками. Правительство было осведомлено, были люди знающие, может быть, даже связанные с Гималаями. Еще в 20-е годы при Дзержинском его заместителем Бокием готовилась экспедиция в Шамбалу. Экспедицию потом раздавили...

Но музей построили. Были противники, но была и помощь. Имя Рериха очень почитаемо в среде космонавтов, начиная с Гагарина. Помогал делу космонавт Севастьянов, к которому мы обращались, специально приехав в Москву. А были ситуации, когда противниками оказывались люди из рериховцев, потому что не всегда побеждали в себе амбиции, не учились смирению – та же Ренита Григорьева...

В строительстве приняла участие почти вся семья – сын и жена.

К разговору присоединяется Лилия Ивановна Ключникова: «Да, мы строили все. Помню, я тоже красила что-то, но большей частью приходилось готовить. Людей было много, приходилось много варить – работали от зари до зари, что называется, не разгибаясь. Не просто нудно работали, а с вдохновением, священнодействовали. Это было Служением».

Юрий Михайлович советует встретиться с Евгением Киселевым: «Мы начинали вместе, и лес для музея заготовили мы с ним. Он валил лес бензопилой, а я был на подхвате, тралевал, обвязывал канатом, вытаскивал лесины. Трактор нам давали. Интересное было время. Не было тогда этих противоречий, хотя уже тогда они начинались. Были трения с СибРО. Со Спириной у А. Н. Дмитриева были тогда уже очень напряженные отношения. И сохраняются. Но Алексей Николаевич здравый человек. Он очень много сделал в научной среде».

* * *

Памятный разговор о музее, частично записанный, состоялся как-то летним вечером 1998 года в Академгородке. Приехавший в Новосибирск из Самары с выставкой копий картин Н. К. Рериха Александр Витальевич Шадрин (кстати сказать, приглашенный в Новосибирск Ю. М. Ключниковым) интересовался общинами, говорил о них и расспрашивал на этот счет новосибирцев. В конце концов зашла речь об алтайском музее, его строительстве и извлеченном опыте той поры.

О многом принципиально важно рассказал тогда собравшимся Алексей Николаевич; есть возможность привести разговор в некоторых его частях почти дословно. Возвращаясь к событиям двадцатилетней давности, он сказал, в частности, следующее:

«Была угроза распространения на Алтае Учения только во внешнем плане и фактической подмены его так называемым Провозвестием Параклета. В Москве в этой связи формировался центр по созданию Храма Параклета. Вся эта линия вела глубоко в иудаизм... Под видом интереса к Агни Йоге, под видом ее якобы продолжения идет борьба с Учением.

Агни Йога – цельное Учение, оно дано не на века, оно дано на тысячелетия. И когда я слышу, что Агни Йога устарела, меня шок берет...

И поэтому я не угоден и перечеркнут стал. До сих пор. Я когда-то приходил к Н. Д. Спириной, говорил с ней. Она просила дать основные мистические точки Алтая для Нью-Йоркского музея: «Дайте характеристику того и этого, дайте то, дайте это. Я слушал, слушал и говорю: только тогда, когда получу от Нью-Йоркского музея характеристики мистических точек Запада, Калифорнийских структур свечения и т.д. С этого началось расхождение со Спириной...

В результате начались комиссии... Подозревали, что мы наживаемся на строительстве, когда мы свои зарплаты вкладывали. Говорят, вы, наверное, 250 тысяч вложили. Нет, мы затратили 30 тысяч... Потому мне влетело на всю катушку, что я не продал и не расшифровал ребят. Они читали Агни Йогу, они строили. И нигде, ни в чем не стали уступать... Сколько машин мусора нам пришлось вывезти... Нужно было все кострами прожечь...

Возникает глубинный вопрос об Агни Йоге в Сибири...

А. В. Шадрин: Но борьба приносит вред. Почему вы не признаете Абрамова? Очень многое объясняют статьи Шапошниковой.

А. Н. Дмитриев: Ничего они не объясняют. Я читал, анализировал, исследовал, наводил справки...

А. В. Шадрин: Нас должна объединять реальная работа.

А. Ф. Победина (открывает книгу писем Елены Ивановны и цитирует): «Возможно ли в настоящее время объединение всех оккультных организаций? – Нужно не внешнее объединение, а гармонизация сознаний, которая не может осуществиться в одночасье. Такое объединение требует общую основу высокой нравственности и полное признание единства иерархического начала, следовательно и преданность, которая учит нас прежде всего распознаванию ликов. Но хаотическое смешение самых разнообразных элементов только потому, что они наклеили себе ярлык Агни Йоги, недопустимо. Нужно и должно терпимо относиться к редким доброкачественным группировкам, но незачем непременно садиться за один стол. Зачем устраивать искусственные взрывы, комбинируя несочетающиеся элементы? Нельзя объединять овец с тиграми, нельзя всех собирать в одну кучу. Неужели бесформенное объединение есть цель даваемого Учения? Природа – наш лучший учитель, и потому надо лучше присматриваться, как, вмещая все, она в то же время гармонично и целесообразно подбирает свое соседство во всех царствах своих. Есть растения, которые никогда не будут расти вместе и в то же время каждое из них полезно на своей почве. Но будучи насильственно посажены в таком соседстве, они утрачивают свою полезность и вырождаются. Следует оберечься от вырождения через недопущение ядовитых соседей».

А. Н. Дмитриев: В старших книгах Агни Йоги везде подчеркивается трудность этого направления. Сейчас есть некоторые версии, чтобы облегчить. Но облегчить – значит выхолостить реальное отношение к самому Учению, и к самому себе, движущемуся в этом Учении. Все хотяг свечки, торшера зеленого и комфорта. Учение, говорится, не орешки в сахаре. Как только человек немного знакомится с Живой Этикой глубже, начинает подогре-

ваться. В то же время он автоматически сознательно или бессознательно называет себя агни йогом. Он остается в группе и вместо того, чтобы дальше проходить в центр Учения вплоть до процесса трансмутации, до физиологического и психофизического результата, начинает на группу смотреть: а кто как выглядит. И тогда начинается экстерризация внутренних проблем. Начинается межгрупповое биение. Это прекрасно знают темные, это очень хорошо организованная сознательная группа, и она очень хорошо эксплуатирует это свойство. Совсем немного надо, чтобы, как мы говорим, поссорить эти группы. Спасибо Спириной, она мне, моллоду, подсветила содержание «Аркан Скул»...

А. В. Шадрин: Кто родоначальник направления?

А. Н. Дмитриев: Это фонология, это большие Арканы Таро, это каббала.

А. В. Шадрин: Но ведь это тоже тайное знание, еврейское.

А. Н. Дмитриев: Нет, никакое оно не еврейское. На самом деле халдейское, вавилонское и т.д. Но оно на самом деле тайное, а не то знание, которое публикуется сейчас в 20 тысячах экземпляров.

А. В. Шадрин (перебивает): Карты, которые издают...

А. Н. Дмитриев: Те, кто издают, перебивают внимание людей, которые занимаются арканологией. Поймите, что сейчас эта психологическая карусель закручена очень сильно несознательными людьми, для того, чтобы извлекать пользу из той или другой категории увлекающихся людей.

На самом деле и таким образом тоже идет борьба с Учением. И в Учении говорится, что темные облики явно и тайно сопротивляются. Мы имеем одни образцы сражения, а тайные сражения чаще всего разворачиваются в структурах внутри Агни Йоги. Говорят, что не так страшны те враги, которые создают помехи внешние, как те, кто идет под нашими молитвами, прикрываясь Учением. А Агни Йогу, получается, вроде бы и не обязательно читать.

В. Н. Дмитриева: То говорят, что она устарела, то – очень сложная, еще рано читать...

А. Н. Дмитриев: Утверждение, что Агни Йога – не самый большой свод мудрости, я услышал еще от Надежды Михайлов-

ны, описанной Сидоровым в 1971 году... Мы говорим и ведем беседу в более общем контексте – о том, какие тенденции глобальные, тотальные внутри Агни Йоги. Она является сейчас на смену религиям всему человечеству, поэтому все структуры, в которых магниты заложены – и религиозные, и социальные – активизировались...»

По иронии судьбы именно В. Сидоров в «Знаках Христа» в главе, посвященной Алтаю и поездке туда со своими наставницами, заявлял: «Алтай предназначен для будущего, но так как об этом знаем не только мы, но и темные, то они делают все, чтобы уничтожить базу для будущего. Поэтому как бы предопределено, что главный накал битвы света будет здесь – на Алтае. Поэтому мы обязаны быть особенно бдительны ко всему, что происходит на берегах Катуня, ибо все, что здесь происходит, решительным образом скажется на равновесии Земли».

Интересно, как складывались и переплетались судьбы представителей эгрегора и, в частности, людей из ближайшего окружения Сидорова: А. Л. Никитин пишет в «Мистиках...»: «О судьбе Белюстина, попавшего под трибунал и приговоренного к 10 годам лагерей, ничего не известно. Дорогову, пережившую два ареста, одну из немногих миновала трагическая судьба репрессированных: она пережила два ареста, в 33-м и 35-м году, причем оба раза содержалась во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. В последний раз она была приговорена к ссылке в Мордовию, после которой ее неминуемо ожидали московские лагеря, но уже с этапа была возвращена с «зачетом срока» и с тех пор до самой смерти вела мистические кружки по оккультизму».

Никитин «подает» факт бесстрастно, как факт вообще. Но, имея в виду и раздумывая над «замечательным» признанием М. В. о свойственной ей личной неуязвимости в острых ситуациях и об обилии вокруг нее жертв, можно утвердиться в большой значимости признания, т.е. в его буквальности и трагическом подтексте.

По-видимому, удачливость и неуязвимость были тем даром, которые незаконно давались какими-то силами в дар их заложнице.

Характерно и то, что жизненный путь почти всех других членов этого эгрегора был не свободен от странных и насторажи-

вающих обстоятельств. О факторе опасности, о необходимости настороженности А. Н. Дмитриев предупреждал Валентина Митрофановича Сидорова, не воспринявшего совет. В разное время обстоятельства, сопутствующие деятельности кружка Дороговой, образовали целый трагический ряд: при загадочных обстоятельствах в расцвете сил умерла в Болгарии Людмила Живкова; рано суждено было умереть и самому Сидорову, практиковавшему открытие центров по «технологиям» Марии Вадимовны. Ясновидящая Ванга, узнав о смерти Л. Живковой, в растерянности повторяла: «Она не должна была умереть...» Сама же Мария Вадимовна на закате дней «тяжело заболела», как осторожно писал об этом Сидоров, и не в силах была кого-либо видеть. В действительности это была болезнь сознания – сумасшествие – результат «опасной игры» как классический и непременный эффект и следствие нарушения священных оккультных табу.

Из опыта многих сибиряков, в том числе из рассказов самого А. Н. Дмитриева известно множество очень серьезных свидетельств «опасной игры», опасных действий Марии Вадимовны и ее окружения, до прямой жесткой агрессии при прямом нарушении заповеди невмешательства в чужую карму...

Дорогова считала, в частности, что Дмитриеву нужно было подняться из низших сфер Белого потока, то есть выйти из пределов давления на дух тела, природы. Эта, казалось бы, узкая сторона ее воззрений на деятельность Алексея Николаевича носила в действительности характер разногласий глобальных.

Сам он рассматривал природное начало как божественное: природа, т.е. такая же данность на Земле, как и дух, – была подчинена на Земле интеллекту, подавляема. Отсюда пошло разрушение планеты, повлекшее столь тяжелые результаты.

Смысл рассказа и упоминаний об этом сводится, в общем, к тому, что события, связанные со строительством, имеют подтекст, убеждая в огромности тайных и явных противодействий и огромной оккультной сложности происходящего вокруг строительства как части деятельности Алексея Николаевича и его единомышленников по привлечению на Землю новых энергий – через ее разгерметизацию – для создания новых возможностей, новых сценариев жизни.

Неудивительно поэтому, что и Академгородок, и Уймон привлекали множество лиц, в том числе очень известных, например, художника Б. А. Смирнова-Русецкого, представителя группы «Амаравелла», о приезде которого и отношении к происходящему тоже существуют интересные записи.

В то время, когда Марии Вадимовне мерещился среди Алтайских гор храм, «напоминающий очертаниями православный собор, в котором соединятся все духовные течения», Алексей Николаевич видел Храм Сердца, отданного космическому знанию, очищенному от догм. В 90-х годах XX века в известной публикации «О варианте будущего» он предупреждал: «Жизненно необходимо обратиться к Провозвестию XX века – Учению Агни Йога. Учение это является качественно новым знанием, а значит, и мышлением и чувствованием, которое предназначено для выживания в экстремальных условиях». Имелись в виду надвинувшиеся глобальные перемены на Земле, обусловленные сменой господствующих стихий: была ЭПОХА ВОДЫ, наступает ЭПОХА ОГНЯ.

Через деятельность Дмитриева и всех людей, оказавшихся на строительстве и так или иначе способствовавших ему, и благодаря ей, в 70-е годы у всей страны была последняя уникальная возможность плавного вхождения в новый виток и уровень бытия, шанс принятия Высочайшей Помощи, проводниками которой, несомненно, были и уймонские строители. Помощи, в очередной раз не принятой.

В 90-х годах, уже в кризисной стране и во время кризиса А. Н. Дмитриев предлагал «скорректированный» временем и всем происшедшим «вариант будущего», настаивая на интенсивном и честном поиске паритета с природой с учетом ее возможностей и требований, общечеловеческой мобилизации знаний и деятельности по выживанию в экстремальных условиях; глубоком синтезе «отсталых» и передовых идей с целью организации нового вида знания и деятельности.

При всех неизбежных «снижающих» подробностях земного воплощения, которые усмотрели некоторые зоркие наблюдатели, есть вещи ключевые для характеристики и понимания работы и жизни А. Н. Дмитриева: обращение к Агни Йоге как к ве-

личайшему из Учений при умении синтезировать все найденное и выстраданное людьми, рассказавшими о четвертом пути, решимость встать на этот путь и идти твердо, не останавливаясь, доверяя ему и на нем обозначенным вехам. Говорить о практике Дмитриева – значит говорить о практике сознательного продолжателя гурджиевской традиции с его идеей прямого вертикального пути как жесткого, но и эффективнейшего, быстрее, предполагающего кратчайший способ познания жизненных связей. Именно использование гурджиевских принципов ставят ему так или иначе в вину как неоправданно жестких. Пусть так, но кто и что смог противопоставить этой «неоправданной» жесткости, о чем говорит и как судит сама наша история? Кого следует упрекать в том, что Россия захлестнута бедами? И если есть основания упрекать, то упрекать нужно людей, способных к ответственности, то есть людей духа. И не в излишнем ли в их деятельности самоощущении? В Живой Этике сказано категорически: «Без особых мер твердь не выдержит». Гурджиевские принципы – это прежде всего принципы высокого героизма, и в этом смысле они смыкаются с принципами Агни Йоги.

«Как ответственнее нести синтез в сравнении со специальностью! Утвержденный водитель знает все радости, все вмещения синтеза, но в то же время он знает ношу всех проявленных и непроявленных огней. Эти вековые наслоения отлагаются в чаше как огненные наслоения, потому несущие огонь синтеза уявляются как несущие бремя веков. Ибо специалист, имея постоянный канал для отвода своих энергий, редко обременен, но несущий огонь синтеза есть бушующий океан энергий» («Мир Огненный», III, 74).

Существует красота бесстрашия, красота достижения. Именно Агни Йога говорит об исключительной трудности пути человека, несущего огонь синтеза. Личности, способные к действию, способные «свидетельствовать кровью», чаще всего попадают под удар как якобы компрометирующие сами устои Учения.

Кто-то из великих индусов говорил также: «Каждая духовная традиция, путь имеет собственный центр притяжения. Ни одна из духовных традиций не представляет всех воплощений Бесконечности. Одно проявляет себя во многих истинах, соответст-

венно различным временам и потребностям. Так же как язык, обладая гениальной степенью коммуникации, достигает наивысшей силы, если приводит к безмолвию. Практика духовного пути, как и его теория, может осветиться светом, идущим от другой традиции. Самое главное в религиозной практике – находиться в состоянии духовного поиска, движения. Сказано также: «Не может человек ничего принимать на себя, если не дано ему с неба».

Если человек отказывается от всех своих поверхностных личин ради служения Сути, он устанавливает мост отсюда Туда. Хотя путь не есть цель, человек может легко и слишком крепко привязаться к определенному пути или учителю. Особенно, если он активно не приемлет других учителей, он совершает грех по отношению к Святому Духу... Таким образом люди все равно практикуют идолопоклонство».

* * *

Полагают, что около хороших дел всегда возникают трудности. Что же это доказывает? Не доказывает ли слабость Света и силу тьмы? Но будем помнить, что при развитом зрении видятся многие вещи. Так же и изощренный дух постигает многое, недоступное притупленным ощущениям.

«Иерархия», 202.

Если подытожить и оценить многочисленные высказывания нынешних лет участников строительства, обнаружится, что они почти всегда выдают отсутствие закрепившегося и скольконибудь оформившегося полного представления об истинном масштабе происходившего. Все оценки всякий раз оказываются суждениями эмоциональными на уровне – хорошо или плохо. Задетыми в первую очередь оказались те, кто участвовал в разработке проекта, изменившегося в ходе работы.

Весь набор обвинений имел бы, возможно, смысл, если бы речь шла об обычном строительстве и о простой чистой специализации. Но пространство строительства именно тем интересно, что не стало «большой дорогой, на которой ... мистики толкают друг друга локтями». Оно было встречей «на тех Адамантовых скалах, которыми наши оккультные законы нас окружают», где «пестрой толпы кандидатов» быть не могло. Строительство как заповеданная попытка деятельного моделирования лучшего будущего было и условной площадкой разоблачений мистиков «на лезвии бритвы», где ничего случайного происходить не могло. Пространство строительства было особым, как и само миропонимание и мотивации людей, понимающих особую важность духовного плана. Чистотой и качеством их действий и устремлений складывалось будущее Звенигорода – столицы Нового человечества, ставшее сегодня его настоящим.

Психологический накал только свидетельствует, какие мощности были заданы, проясняя также, каковы были масштабы работы сознаний и сила их устремления.

Нисколько не стремясь упростить ситуацию и не принимая позу верховного судьи, я искренне и простодушно признаюсь в испытанном откровенном восхищении от всего узнанного, увиденного и пережитого, после всех, в общем, многих встреч и расспросов – от всей поразительной яркости и драматизма этого всеобщего «былого и дум». Мне и самой задавали вопросы, и в том числе – кто уполномочил меня спрашивать? В глубине души вопрос показался смешным: все равно, как если бы я спросила – кто их уполномочил в свое время строить или не строить музей? Мне тоже пришлось в связи со всем этим пережить нечто очень серьезное, прежде чем сделать свои заключения, но говорить об этом я не намерена, заранее попадая в положение птицы с подрезанными крыльями или человека, имеющего ключи, но не имеющего возможности дать их в пользование всем другим. Скажу только: появившаяся книга появляется, когда не появиться не может.

* * *

Психодуховность на земном плане может быть выявлена огнем, как проявление высшей сферы. Агни Йог является связью между планетой и высшими мирами. Приношение на земле назначенных энергий поручается только духу, умеющему проявить высшие огни.

«Беспредельность», I, 238.

Мой «выход» на музей тоже был довольно символическим. Появившись на одном из собраний людей из окружения А. Н. Дмитриева, увлеченных философией как особой сферой интеллектуальной и психической деятельности, стремящихся проникнуть «по ту сторону завесы материи в мир первопричин», я увидела человека, стоящего в характерной классической позе спокойного и как бы совершающегося, дующего раздумья. Водрузив одну ногу на табурет и опершись локтем на согнутое колено, он рассказывал о произошедших новых «музейных» подвижках.

Шел, кажется, 1991 год. Все жили напряженным предощущением перемен. Сам воздух нес в себе грозную экспрессию, и будни были похожи своей эмоциональностью на какие-то роковые праздники. Кажется, именно этим летом в городке разразилась гроза чудовищной силы, как некое абстрактное предупреждение, когда с грохотом и треском десятками падали вырванные с корнем деревья и Академгородок был похож на восставший Париж времен баррикад очередной революции.

Начались перемены и на Алтае. Дела в уже выстроенном к 80-му году и вдруг неожиданно «свернутом», «запрещенном» музее к концу десятилетия сдвинулись с мертвой точки. А. Н. Дмитриев не спеша рассказывал хозяйке дома Алле Побединой, что только что из городка уехал в Уймон неведомый мне Сергей Смирнов после каких-то важных переговоров, а она восприняла это с необыкновенным волнением. Я отметила только, что А. Н. Дмитриев оказался вовсе не похожим на завязанного сноба-интеллектуала, какие в обилии насаждали тогда Академгородок и в каком-то смысле были даже его знаком. Меня поразили сразу уже сама его манера держаться и сами его интонации какой-то организующей все пространство вокруг твердости и спокойствия. Аллерт-

ность в невероятной степени – при полном отсутствии суетливости – вообще была, может быть, самым поразительным его свойством, в чем я могла убедиться сразу же. И еще я отметила, конечно же, раннюю седину и богатую львиную шевелюру. Тогда это показалось мне не более, чем чертой внешности. Но портретная эта черта, тоже, в сущности, имела силу символа – мудрости, бегущего времени, силы.

Это был Дмитриев, притча во языцех Академгородка и мистической России, доктор геолого-минералогических наук, кандидат физико-математических и мистик в одной ипостаси, при всем том – выраженно пассионарная личность, со всем прилагающимся к этому неперемennem реестром занятости, усложненности обстоятельств личного и общественного плана (граница стиралась). К тому времени он стал куратором только что образованного им нового научного семинара студентов и молодых ученых, работающих в темах Агни Йоги, – «Пuls будущего». Это было его новым (собственно, справедливо ли было называть его новым?), во всяком случае, магистральным направлением. Он сам стремительно набирал высоту мысли, то есть, вернее было бы говорить, полета. Одна за другой выходили статьи, книги, созданные на основе десятилетий упорной практической и фундаментальной работы по изучению свойств эфира, без знания которых наука, как предвидел Кут Хуми, «не двинется с места».

За плечами было множество экспедиций – «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей», от Урала и до Камчатки, так что он отлично знал бытность и реалии огромного края, строительство музея Рериха с его созидательным, горьким и радостным опытом попытки построения общины и поиска формулы будущего.

В прямом и переносном смысле, мне предстояло позже погрузиться во многие обстоятельства фангастической жизни и работы, – и я, как и многие, была поражена мощью этой открывшейся мне реальности «таинственно лучезарного сердца»...

Нельзя сказать, что он – ученый с авангардной темой исследований, вызвавший в научном мире целую систему «планомерных» проверок и откровенных преследований – в другой своей ипостаси был мистиком. Его бытие было монолитным; для на-

шего времени случай редчайший – он был сознательным ученым-мистиком, что вызывало буквально бессильную ярость у академиков-позитивистов, которые, признавая в его работе таинственный гуманитарный аспект (никто не отваживался говорить – духовный), откровенно беспомощно нуждались в консультантах-общественниках.

Неудивительно: он не вписывался ни в один существующий стандарт и реестры: общинник, еще в советское время отказавшийся стать членом КПСС (потому что понял: Маркса из партии не исключить, но именно Маркс и есть главный антикоммунист), академический ученый, материалами уникальных многочисленных опытов ниспровергающий главную догму фундаментальной физики, отрицающей феномен эфира; практик, работающий над вроде бы отвлеченной и лишь с натяжкой существующей для позитивистского научного мира (как и мистика) темой НЛЮ и делающий геополитически острые выводы об НЛЮ как «об одном из видов разблокировки умно построенной и злонамеренной блок-схемы космофобов Земли»; рационалист, по степени четкости организации деятельности называемый недругами «вахмистром», и самый высокий и пламенный романтик в произведениях художественных – в минуты творчества и откровений, «не схваченных дисциплиной чувств», не признающий никаких условностей и ограничений.

Его деятельность была (и остается) в основном, несомненно, феноменологической и феноменальной, включая «поведение» и «показания» его собственного сердца, которые он всегда регистрировал как важнейшие показания самостоятельного уникального лабораторного «прибора», например, при появлении летающих неопознанных объектов (Тонкое в Тонком). Его работа на Алтае насчитывает одиннадцать аспектов, почти каждый из которых сам по себе исключительно сложен и имеет мало аналогов в практиках мировых.

Такая человеческая реальность в академическом заведении была все-таки как бы избыточна. Ее предпочли бы «убрать» и «закрыть», что и происходило и делалось, и возымело бы результат, если бы не последовавшая вдруг в самый острый момент «прививка» на «международный иммунитет», т.е. офици-

ально заявленный интерес ученых Америки к российским исследованиям аномалий климата и необъяснимой высокой стабильности климатической зоны Сибири.

К званию геофизика нужно было бы прибавить еще и постаси йога высокой ступени и глубокого знатока индуизма. Случай, в сущности, аналогов не имеющий: выросший в голодном краю рахитичный подросток, «задетый» всеми возможными бедствиями и сложностями военной и послевоенной Сибири, «образовавший» и «сделавший» сам себя ученый-глобалист, философ, нетрадиционный проповедник и духовный учитель в стране, почти лишенной религиозных традиций, теоретик, практикующий свою философию через реальное ее проживание. Наконец, человек на виду, не отшельник или монах, сознательно не избегающий острых углов, отстаивающий право быть самим собой и несущий двойную тяжесть ответственности за ошибки собственные и подопечных.

Степень напряжения и верность поиску он свидетельствовал не только своей собственной жизнью, но и жизнью самых близких ему людей, о чем другим страшно было бы даже помыслить, и поступал в этом смысле смелее, чем Сеченов, глотавший холерные вибрионы для проверки действенности изобретенной вакцины.

Многие его решения – как решения сердца – вступали, конечно, в конфликт со средой, где почиталось узкорациональное.

Дальше, подобно Будде, остается сказать: «Все, что я узнал(а) и поведал(а) вам, гораздо меньше того, что я узнал(а)».

Лучше всего о реалиях такой жизни рассказывают его дневники. Но существуют еще и неизданные сохранившиеся записи «лабораторных» работ его группы, свидетельствующие о заданном напряжении мысли людей, уверовавших в неограниченные возможности духа, и об огромной степени их преданности Учению – как «фундаментального настроения философствования»...

Для меня эти записи, как и для многих, были живой водой, золотым мостом – радугой, по которой уходят в другую реальность, чтобы вернуться в прежнюю отдохнувшим и обновленным. Не въехав в историю на белом коне, после всех своих собственных совершенных – увы – многочисленных ошибок – я смягчаюсь сама к себе просто потому, что волею обстоятельств

такие записи попали мне в руки (один из рабочих моментов, «лабораторной работы» группы; рукопись «Сибирские беседы», 1986 год). Вопросы Дмитриеву задают члены группы.

Вопрос: По поводу тайны сердца. Не значит ли, что в сердце заключена тайна каждого воплощения? Не однозначно ли это?

Ответ: Не однозначно. Каждое воплощение – это эпизод нашей жизни. Любой человек, у которого хорошо развита энергия муладхары, может прочитать историю или судьбу своих предыдущих воплощений. Даже сейчас есть живущие, которые знают по 16–18 своих воплощений. В прошлом их знали по 100–200. Это карма. Мы же сейчас боремся против кармы, выполняем ее каким-то более-менее скоростным образом. Подчиняясь импульсу Учителя, мы пытаемся бороться с судьбой. Для этого человек и предназначен. Ему дается избыток энергии, который нужен для этого... А тайна эта – монадная тайна. Это тайна вхождения в тренировку форм. И тайна, как правило, андрогинная. На монадном уровне.

Вопрос: Что такое открытое сердце? Физиологический аспект и психологический аспект или и то и другое? Может ли человек иметь открытое сердце, не занимаясь работой? Или это – результат тренировки и участия в работе?

Ответ: Открытым сердцем не может быть вне работы. Человек, который сейчас не работает, работал в предыдущем воплощении и прошел школу. Открытым сердцем не может быть вне школы или вне специального воплощения. Допустим, жертвенное воплощение. Тут может быть две школы воплощений: когда человек в этой жизни находится с открытым сердцем, но не в школе, значит, он этим занимался в прошлом, либо это жертвенное воплощение, потому что открытое сердце – это приятие всех бед мира в сердце, переживание за другого. Например, на Рамакришне, когда били кого-то, появлялись полосы от ударов. Это пример и физиологического, и дхармического, и бхактического открытия сердца. Но в наших условиях открытое сердце в общем-то – редкость. В наших условиях и не рекомендуется иметь открытое сердце при в целом не развитых других центрах.

Наша задача другая – иметь во что бы то ни стало открытый центр, т.е. сердце, но при развитых трех синтетических центрах:

висудхи, анахаты и манипуры. Повторяю, что это не касается тех, кто идет как жертвенное воплощение.

Вопрос: Человек, имеющий открытое сердце, имеет какие-то отличные от других свойства?

Ответ: Безусловно, имеет. Если есть ясновидческий взор, можно видеть человека с открытым сердцем. Это сказывается и аурически, и физиологически. Оно проявляется очень просто. Если сердце не враждебно к этому открытому, то открытое сердце напитывается положительными вибрациями: можно выздороветь, можно понять что-то возле этого сердца, можно чувствовать себя радостно или в безопасности, вот как громадная опора такая. И можно быть кирпичом этому открытому сердцу, если есть исследование или недоверие, или попытка исследовать – открыто ли сердце или не открыто.

Человек с открытым сердцем будет страдать от этого, переживать, но в связи с открытостью трансмутировать в себе, если это жертвенный путь. Одна из функций жертвенных сердец состоит в том, чтобы принимать всех, кто верит и кто не верит. Это довольно трудный путь. Вот у Сусанны Петровны сердце открыто (Мещерякова С. П., москвичка, близко знакомая с А. Н. Дмитриевым и Н. М. Костомаровой, медиатор, автор записей Голоса Учителя. – О.А.) Но через своелюбие она вышла в такие этажи своего сознания, где ею воспользовались как раз те, кому она не могла отказать, и в результате она оказалась в таком содружестве, неблагоприятном по отношению и к Учению, и к Учителям.

Вопрос: Так и открытое сердце имеет свойства так себя проявлять?

Ответ: Так я говорю, что даже Архаты падают. С любой ступени посвящения, развития себя можно свалиться на самые низкие. Опасность везде есть. Вот почему, чтобы более-менее была гарантирована тропа восхождения, говорится: держите нить серебряную, т.е. чувство Иерархии, чувство Учителя и чувство синтеза, а синтез может осуществиться тогда, когда у нас будут сознательно функционировать три синтетических центра: манипура, анахата и висудха. Тогда мы будем интересны для Иерархии, для большой жизни и для великого Вселенского разума – Манум. Вот так, между прочим, собирается шестая раса – этими тремя центрами.

Вопрос: У Архатов, наверное, развиты эти три центра?

Ответ: Развиты три центра, но и Архаты падают, предупреждается. Более того, у Елены Ивановны и у Елены Петровны сказано, что перед определенными задачами останавливаются даже великие. Настолько сложна, настолько Вселенная напряжена и сложна... Но дело не в том, что падают Архаты или не падают, а в том, что мы являем своими сердцами. Оттого, что мы будем знать, какое открытое сердце, а какое закрытое, не интересуясь мощностью возможностей своего сердца, – это знание нам не даст пользы. Можно иметь знание такого рода и такого количества, что оно начнет слеживаться, как зерно в амбаре. Если его не лопатить, не съесть вовремя, оно начинает гореть. Поэтому наш пафос должен касаться больше того, что мы можем сделать к тому, чтобы наше сердце было более открытым, к тому, чтобы наше сердце было с большей производительностью, чтобы оно могло не только перерабатывать наше несовершенство ближайшей или даже далекой окрестности, чтобы оно имело мужество огня и полноту. Вопросы более уместные и более, так сказать, конструктивные коснулись бы того, что мы имеем уже сейчас в области сердца, что подлежит нам исполнить в области сердца, где я нахожусь в этой проблеме, именно я или вы. Умею ли я свое сознание хотя бы в течение пары часов локализовать в области сердца? Не скучно ли мне в моем сердце, или там пусто или холодно? Или оно меня обличает? Да ну его – захлопнул дверь, полез в голову – там все хорошо, там я и вы – кандидат или почти доктор или еще что-то такое. Вот такую вещь – попытку внутренней торговли – прекратить. Учитель говорит: «Дам вам силу бороться с торгующим миром».

Торговля происходит и психологическая внутри каждого из нас, потому что мы – малый мир. Учитель дает нам силу бороться с торгующим внутри нас. В конце концов у нас непрерывно стоят вопросы позитивных эмоций. В конце концов мы научились различать какие-то ряды отрицательных эмоций в себе, их энергетику, кое-кто уже может управлять чем-то, остановить какую-то реакцию, кто-то не управляет, а, наоборот, с отрицательностью гуляет по всем энергиям организма. Но задачи другие стоят – мы не сможем успешно работать с отрицательными эмо-

циями, если не начнем производить эмоциональные позитивы. А вот здесь уже и появится необходимость творческой энергии, необходимость в полноте звучания, энергетического звучания. По всему камертону синтетических центров. Имейте в виду, что в Учении не зря сказано, что если у вас будет сердце сохранено, то остальные, так сказать, чакры, можно восстановить. Свадхистхана сейчас поражается вдоль и поперек, но это наиболее подвижный центр – творческий, поэтому он всегда подчинится, энергия свадхистханы всегда подчинится сердцу. Если же сердце подчинится свадхистхане, то это значит – управление снизу – нарушение иерархии. А подчинение сердцу свадхистханы – это не что иное, как трансмутация энергии свадхистханы. Это отнюдь не значит, что человек не должен использовать себя внешним образом, но это значит одно – что сознательно должен. И даже физический контакт с женщиной мужчины – это двадцатая часть энергетического и содержательного смысла контакта. На самом деле, медитируя, допустим, с женщиной в большей близости находишься, чем даже в физическом акте, потому что физический акт – астральный контакт, а если медитационный контакт происходит, то он выше происходит, но если есть какие-то негативы внизу, то медитационный контакт не будет полным, либо для кого-то разрушительным, вредным. Вот понимаете, как все взаимосвязано, и как тонко все. Вот отсюда и есть так называемое <...> (неразборчиво. – О.А.) равновесие, почему в одном случае медитация может удалиться на одну тему с одним человеком, на другую – с другим, и эта же тема с третьим может дать взрыв. Вот почему не требуйте себе каждый того, что кто-то имеет, а вы не имеете, потому что учитывается структура сознания – это и есть школа, это и есть обучение. Учитывается тонкое чутье, сродство, кармическая, дхармическая подготовка. Когда кто-то читает что-то, а кто-то не читает – почему так? И данное кому-то не прочитывается, потому что мне, мол, не то дали, – тут уже внутренняя культура обучения. И это бескультурье, что накапливается империл в процессе обучения. Поэтому в нас нет радости, взаимной радости взаимного обучения, общения. Это часто бывает. Бывает угрюмость, бывает растерянность, бывает недовольство, слезливость, да мало ли что бывает. Думая, что он

чем-то обделен, кто-то упускает свои возможности, свою специфику, свой камертон, свою нить серебряную и в то же время в связи с тем, что мы, так сказать, идем под одним щитом, мы едины. Вот мы не можем сейчас объединиться – все сидящие здесь, потому что не едины в себе. Если мы объединимся, будет взрыв или какая-то мешанина – болото, а потом пойдешь разберись. Что сейчас и делается – хаотизм. И хаотизируется все – вот парадокс-то какой! И сексуальные энергии хаотизируются, и эмоциональные – нарушается алхимия физиологии. Единение единения произойдет только тогда, когда единящиеся едины внутри себя – индивидуально. Это не значит, что надо сейчас разойтись, и каждый в отдельной клетке будет добиваться собственного единства. Это идет параллельно – почему говорит учитель: «Вас веду!» – Идете вместе – укройтесь одним щитом, то есть как некоторую страховку нашего коллектива и нашего единения тогда, когда мы еще внутри не едины, надо иметь в виду индивидуальную нацеленность индивидуального труда. Максимально добивайтесь целостности себя. Чем целостнее я, чем меньше я для себя самого загадка, тем меньшей загадкой я буду являться и для других. И тем меньше я буду колоть сердце и глаза другому тогда, когда мы впадем в некие состояния, которые можно назвать единением. Причем это все сознательно должно быть. Нет насильственного единения. Когда насильственное единение, то это уже говорят – волевое сжатие, если оно происходит – все, тогда уже ничто не спасет, потому что это уже переплавка... Мы должны сознательно добиваться внутреннего единства и коллективного, а это единство легко задается Учением и всем спектром, всем веером идей, сил, смысл которых дается в Учении, причем в нас Учение ведь целостное. Мы гетерогенны – и Учение в нас... Заметьте, есть отдельно там женские коллективы и мужские, но дело в том, что в нас же есть и две системы. У нас женщины знакомятся с четвертым путем, мужчины знакомятся с Агни Йогой. Идет взаимное пересечение. Учение будущего дано по линии Гурджиева, как по правой стороне, так и по левой, как проводник, а Гурджиев как реализатор. Понимаете, мы двурукие, можем быть двурукими, т.е. левая и правая сторона взаимно дополняют. Это большой плюс. Но за это надо уметь платить...

Не забывайте вот этот факт. И поймите, что и Агни Йога, и четвертый путь находятся в двуединстве. И если мы будем правильно идти в этих осях, мы явемся нейтрализующей силой в центральной оси, что является нейтрализующей силой для этих двух направлений. Центральной осью будет наш эволюционный рост, наша пригодность к большой жизни, именно к большой жизни. Жизнь целого витка – шестой расы – вот что является третьей силой или в чем двуединство этого Учения, и в чем двуединство нашей гетерогенности, потому что есть и мужчины, и женщины. Так вот реальность и реализация этого двуединства и состоит в том, что каждый из нас впитывает в двуединстве это Учение, т.е. каждый из нас уже по существу андрогинно потенциален будет, если он правильно воспринимает это. А мы стремимся к тому, чтобы правильно воспринимать, а не к тому, чтобы удобно или весело было. Это совершенно не имеет отношения к счастью или к несчастью вашей жизни, она может быть какой угодно. Может быть зарплата в 1000 руб. или в 40 руб. И в то же время может идти мощная значительная жизнь. Жизнь, нужная Великим Учителям. Жизнь, нужная планете, Солнечной системе. Вот какие масштабы. «Поэтому, – говорит Учитель, – не заболейте карликовостью». Очень часто мы прячемся за мелкие дела, мелкие реакции... По поводу мелких дел. Вот иногда в апофеозе каком-то как дикари пляшем с кастрюлями там и с книгами и сжигаем большую энергию по пустому поводу. Это с нас и спросится уже по большему счету. Учитель говорит, что наши силы не должны литься напрасно... Не надо жечь энергию по мелочам. Не надо ставить под удар ближнего, да и дальнего, не надо ставить под вопрос, а нужен ли коллектив, или, может быть, я сам уеду снова в Семипалатинск, и свою лавочку займею.

Когда что-то делается с трудом индивидуально, когда несколько индивидуальностей стоят перед непроходимыми задачами внутреннего свойства, – тогда соборность ваша хотя бы кратковременная решит эти задачи. Ведь мы же вошли в борьбу с коллективной судьбой – так мы же к тому же суем нос даже вот в такие общепланетарные, так сказать, стратегии, ну, по крайней мере я, да и вы, я думаю, что и вы постепенно. Раз уж вы каким-то образом разделяете мои мнения насчет того, что грабить планету дальше нельзя. Нельзя взрывать себя. Нельзя

прибыль ставить во главу эволюции. Предупреждение идет, будут публикации на этот счет, будут утюги лететь, да и летают... Значит, здесь есть еще и другая сторона, чисто военная... При чем физические ножи – это бог с ними, но тут и астральные вещи. Мы становимся неудобными...

Конечно, будут и внешние, и внутренние провокации для того, чтобы реализовать этот идеал. Но учтите, все эти слова я говорю только для того, чтобы вы поняли, что, придя сюда сознательно, переживая что-то внутри и снаружи, надо все более и более в ток Учителя входить, в ток шестой расы, выходить из закона случая, выходить, пока есть силы, пока есть сознание, пока есть мощности, и физиологические, так сказать, и интеллектуальные, эмоциональные – использовать широко».

Здесь приведен лишь один большой фрагмент «Сибирских бесед», который, однако, многое проясняет и в событиях, связанных со строительством музея Н. К. Рериха в Уймоне, и в представлениях Алексея Николаевича Дмитриева о задачах жизни на Земле, и в мотивах тех, кому все это могло не понравиться. Самому же А. Н. не привыкать к сильным противникам. Но ведь не зря сказано: по величине противников узнается величина человека.

* * *

Понимать устремление общее – значит построить Храм Нового Мира. Устремиться, взаимно питая друг друга, будет уже пониманием Учения. Такое устремление ляжет, – как путь к Миру Огненному, но нужно иметь мужество взглянуть на Огонь, признавая его единственным питанием своим.

«Сердце», 165.

Двигаясь от частного к целому и призывая в свидетели самих участников недавних или теперь уже давних (?) событий строительства рериховского мемориала в Уймоне, можно прийти к важным заключениям.

Свидетельства их всей силой и остротой происходящей полемике убеждают в том, что эпизод этот, являясь мощным импульсом «ускорения» общественного сознания, был ничем иным, как действием из ряда событий, по утверждению Е. П. Блаватской, «обязательно происходящих в последней четверти каждого века и оказывающих на общество скрытое сильнейшее духовно, если угодно – мистическое влияние».

Практика строительства стала знаменательным фактом проявления рериховцев в «широкой» истории еще в 70-е годы, объединив людей, готовых к высокому творчеству или сочувствующих ему, в масштабах целого края, не являясь чем-то сугубо специфическим, сектантским и камерным. Строительство могло стать началом подлинно творческого пути для нации вообще как альтернатива диссидентству. Оно дает богатый материал для оценки эпохи сощбыта, в которой были диссиденты с их приговором социализму и Солженицын – огромное творчество со знаком минус, поднятое демократами как знамя со всей его могучей отрицательностью, как счет к оплате, предьявляемый режиму.

Дом на Алтае, каким он выстроен, уникален во всех отношениях. Ему сопутствует аура исполняющегося пророчества и красота ожившей легенды, все-таки начинавшей воплощаться. Он просвечен энергиями энтузиазма и бескорыстным намерением людей, деятельно стремившихся усовершенствовать мир. Он остается особым облагороженным пространством Памяти и Культуры, областью утверждения Беспредельности в обыденном: ведь в высшем смысле культура и есть способность в буднях в высоком сосредоточении воспринимать проявления Бесконечного.

История строительства оказалась сложной; но нельзя не признать абсолютных вещей: завершение здания музея и его функционирование после всех запрещений было фактом из ряда событий, подтверждающих во все тяжелые времена, и особенно во времена нынешнего разброда в стране, несокрушимость силы человеческого сознания и устремления как непобедимой тверди. В сущности, это и есть эффект Дмитриева. Можно спорить о нем самом и даже порицать его методы как методы максималиста, упрекать в ошибках и пр. Но разве не сказано Владыкой: мир разрушается от полумер и гибнет от попустительства? Важ-

но само присутствие такого сознания в стране, которая ищет вариант своего и мирового будущего, – сознания, воплощающего идею внутреннего неподчинения внешним обстоятельствам, мировоззренческим догмам и страху. Согласно индуистской концепции Вселенной, мир держится йогой и волей.

В обстоятельствах и людях, участвующих в событиях и им способствующих, проявился, безусловно, высокий тип национального поведения как тип деятельности людей, воспринявших основы Живой Этики и испытывающих чувство ответственности за судьбы Вселенной. Дмитриев, интеллектуал и мистик, достигший особого и очень редкого уровня вибраций, такой, каков он есть, был «задан» и востребован самой исключительной ментальной средой Академгородка (к ее чести сказать) и чистой средой Алтая – с которой неизменно связываются (Здесь и Там) надежды на мировое эволюционное будущее. В этом смысле все упомянутые непростые и для многих неоднозначные события, разворачиваясь как «нечто ценное, как нечто выше человеческого понимания», имели право на самих себя...

Ценность их в том «чудесном нагнетении энергии», которое не всегда безобидно и возможно только с присутствием проводника, ломающего и превосходящего привычные этические рамки и условности для того, чтобы стало возможным дальнейшее развитие, и в том, что все другие увидели, что есть люди стабильные и не подверженные влиянию извне.

Строительство музея было делом гораздо более «широким», чем только строительство здания и создание мемориала. Он был самой смелой и деятельной попыткой подступа к Новой эпохе, путь к которой лежит через «испытание восприятием Истины». События той поры происходили на грани Миров и, развиваясь в вещественном мире с грубыми свойствами, содержали возможность колоссальных тонких его изменений, то есть возможность участия в жизни поверх трех земных привычных ее измерений – во имя Всеобщего Блага.

Не забудем при этом слова Великого Владыки Шамбалы: «У Нас не было времени труднее, чем эта смена рас».

Сутью состава событий тех дней стала стихия ОГНЯ. И отсвет этого трансцендентного пламени неизменно присутствует

во всей дрящейся истории, сделавшись отличительной и отличающей приметой ее. Магнетическая для многих местность – Верхний Уймон – для участников всех событий стала Уймонской Касталией – областью вдохновенного творчества, высокой попыткой создания лучших форм и глубокого самовыражения.

Но именно благодаря присутствию и усилиям А. Н. Дмитриева практика Учения Живой Этики получила редкую глубину. Опыт Уймона по напряжению своему и богатству вряд ли имеет аналоги, и именно это обстоятельство в конце концов повернуло против него предвзятые рериховцы.

Но мистицизм в высшем своем проявлении как духотворчество, как труд лабораторный, научный и есть поиск точного полного знания о Вселенной и человеке, свободный от догм, то есть высочайшее Правдоискательство.

В тонком плане община все-таки состоялась – как неразрывное объединение людей, «понимающих важность духовного плана», на основе сильного чувства устремившихся к Знанию и усвоивших с разной степенью чистоты высокие принципы оккультной деятельности. Члены ее находятся в сложной тонкой взаимосвязи, потому что существует некий общий тонкий энергетический баланс и потенциал, обуславливая накали масштабы многих событий духовного плана в открытой системе, какой является космос. Но неизменно под прицел попадает сознание самое смелое, хотя известно, что сила мысли основана на силе сердечной энергии. Учителем сказано: «Нельзя жить там, где связана мысль. Суживание мысли есть грубое преступление». Но реальность очень сильного сердца трудно вообразить. Она просто не поддается никакому воображению. Потому часто ниспровергается то, о чем не существует верного представления. Для западного сознания Пушкин – русский национальный гений – навсегда останется не более чем литературным эпигонном и глубоко распушенным человеком девиантного поведения. Сложен путь ищущих свободу духа. Невообразимо сложен путь реализатора, ответственного за осуществление особо сложного тонкого построения. Там, где надо сопереживать или хотя бы пытаться сопереживать, часто начинается холод непонимания.

В августе 2001 года, т.е. спустя 75 лет после экспедиции Рерихов, в Сибири – а потом и на Алтае – побывал Хосе Аргуэльес, известный американский писатель, знаток ушедших древних цивилизаций, медиатор, энергетически «ощутивший» Дмитриева на другом континенте и назвавший его великим ученым, с которым он давно мечтал встретиться.

Символично, что с Дмитриевым он встретился под небом Уймона. Уймонский музей и его строительство, утвердившие Знак Владык как источник излучаемого благословения, – вот уже двадцать лет – неотъемлемый знак Алтая.

Возможно, надо смотреть с большей, чем наша, высоты кругозора и разделяющего пространства, чтобы увидеть, какая удивительная, загадочная и неоцененная страница нашей истории перевернута.

Послесловие редактора

Профессиональная задача любого редактора – остаться в книге незамеченным. Но в данном случае промолчать не смогу, поскольку, как говорится, нахожусь в теме, а тема, прямо скажем, горячая и требует отдельного разговора. В центре данного повествования так или иначе оказалась именно фигура А. Н. Дмитриева, с которым на протяжении последнего десятилетия меня связывает творческое сотрудничество, результатом чего и явились известные многим читателям книги «Неизбежность необычного» (1991 г.), «Сумерки людей» (1995 г.), «Про возвестия, пророчества, про гнозы» (1997 г.), «Космические танцы перемен» (1998 г.), «Крест бытия» (2000 г.).

Мы познакомились с А. Н. Дмитриевым в 1990 году в Новосибирском книжном издательстве, где он в ту пору опубликовал в сборнике «Дебют» несколько своих рассказов и безуспешно пытался издать (и доньше неизданную) рукопись книги «Необратимость – мера жизни». Алексея Николаевича попросили прочитать в издательстве лекцию об НЛО (а именно эта тема была со школьных лет предметом моих искренних интересов, меня всегда занимал вопрос, одиноки ли мы во Вселенной, – и встреча с Дмитриевым была, как я теперь понимаю, закономерным проявлением МАГНИТ А СУДЬБЫ).

К тому времени перипетии, связанные со строительством Музея в Уймоне, уже улеглись, и до меня дошли лишь далекие их отголоски... В тематику Живой Этики и рериховского движения я вошел

как человек совершенно новый... Но вскоре после газетных публикаций наших с А. Н. Дмитриевым бесед «О варианте будущего» и «Неизбежность необычного» и мне пришлось иметь дело с представителями Рериховского общества и выслушать их штемпелеванные мнения о том, каким стра-а-ашным и опа-а-асным человеком является этот Дмитриев (страшным и опасным можно представить любого человека, особенно ежели оперировать лишь бездоказательными «аргументами») и что работает он на о-о-очень высоком уровне. (Вижу, что не на низком, – думал я в ответ, – и если он «на высоком», то его противники-то на каком?..).

Много часов на протяжении десяти лет довелось мне провести в рабочем общении с А. Н. Дмитриевым – и я благодарен судьбе за встречу с ним. А что касается испытаний, которые мне выпали в эти годы, так, положи руку на сердце, и вы, читатели, честно скажите: разве можно пройти земной путь без трудностей, гонений, непонимания, тяжелых обстоятельств?.. «Сознательный труд и сознательное страдание – вот путь спасения и в наше тяжелейшее время», – это я вам по памяти цитирую мысль А. Н. Дмитриева, высказанную в одной из бесед (полистайте книгу «Крест бытия», эта фраза оттуда).

«Каждое возрастание духа нуждается в отягощении обстоятельствами. Существует старинное предание, что из страданий человеческих рождаются драгоценные камни», – сказано в «Живой Этике» («Иерархия», 38). Если человек пришел на Землю с целью развиваться, понять сущее и происходящее, если он с доверием и не раз прочел Живую Этику, то неизбежные на любом жизненном пути тяжелые обстоятельства он сможет воспринять именно в этом мужественном и развивающем ключе...

С жадным интересом я вчитывался в первые компьютерные распечатки будущей книги О. Е. Аникиной, встречая здесь знакомые по издательским делам имена Ю. Г. Марченко или Ю. М. Ключникова или знакомясь с другими участниками тех немаловажных событий... Но, как всякий редактор, я пытался промерить доступными мне средствами непредсказуемое русло читательского внимания к этой книге... И мне казалось, что какие-то вехи надр бы обозначить на этом ответственном пути – для новых сторонников Живой Этики, которые к ней еще только подойдут...

Собственно, к книге О. Е. Аникиной и к событиям, о которых она повествует, может быть, по-моему, два важнейших подхода – в зависимости от мировоззренческих представлений о мироздании и, что весьма немаловажно, – отношений к своим страданиям, к трудностям своей судьбы.. Об отягощении обстоятельствами как неизбежном условии духовного восхождения* мы уже вели речь. Плюс без минуса разрушит батарею, – так неужели кто-то надеется лишь по удовольствиям, как по камешкам, перейти жизнь?..

Теперь – что касается представлений о мироздании, о базовых мировоззренческих вопросах, и почему это важно... Что есть ЖИЗНЬ в феноменологии Космоса?.. Для чего человек на Земле живет?.. Что есть мысль человеческая как фактор мироздания?.. Самые непрактичные вопросы на самом деле являются самыми насущными. И в «Живой Этике» сказано: «Мы твердим неутомимо о необходимом обновлении жизни, но человечество глухо. У людей космогония подается или с супом, или на сладкое, но не как основание жизни» («Иерархия», 262). Ну, вдумаемся же!.. КОСМОГОНИЯ предлагается Высшей цивилизацией в качестве ОСНОВАНИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ. Да, собственно, так оно и есть и в нынешней обстановке, только сильные мира сего слабым мира сего космогонию в «научной» упаковке подали заведомо ЛОЖНУЮ: в мертвой Вселенной мертвая материя местами случайно развивается до обретения разума (ну с чего же это вдруг менее сложное, неживое и неразумное обретает свойства более сложного, живого и разумного?). Отсюда и шаткие, хаотичные (а теперь уже и катастрофические) у нас, вселенских сирот, основания жизни (то мировые войны, то дефолт, то супернаводнения, то коровы взбесятся, то якобы непредвиденное глобальное потепление). И в самом деле... Спросите первого встречного, например, в каком созвездии мы живем?.. Какой у нас космический адрес?.. И почти со стопроцентной уверенностью можно сказать, что первый встречный нам на этот вопрос не ответит, хотя курс доллара знает почти наверняка**... У землян отбили интерес к мирозданию, а вот к доллару, к

---

* У суфиев есть и такое парадоксальное выражение: «Ты плохо воспитал ученика, если он не сделал тебя своей мишенью». Не являются ли, сами того не сознавая, просто учениками Дмитриева те, кто постоянно целится в него?..

** Попутно окажем гуманитарную помощь и сообщим-таки тем, кто не знает, что Солнечная система в своем движении по галактике Млечный Путь

пресловутой прибыли (к этому абсолютному оружию по уничтожению живого) привязать внимание постарались...

Но вот иная точка зрения: вся Вселенная является ЖИВОЙ (что касается меня, то я, позавчерашний комсомолец, со стандартным дорожным набором тогдашних мировоззренческих понятий, со всей горячностью живого интереса воспринял эти представления именно от А. Н. Дмитриева). Живо всё, от атома до Вселенной. И разумно все. В разной степени. «Живое рождает живое, разумное рождает разумное». Логично, не так ли?.. И всякие там случайности как якобы движущие силы самозарождения жизни и ее эволюции здесь отходят на десятый план. Живые и разумные – планеты, звезды, камни*, металлы, атомы... И в этом плане земная жизнь, развившаяся на живой планете Земля в живой Солнечной системе, не является чем-то противоречащим окружающему мирозданию, чем-то исключительным или случайным. Все планеты населены. И на Солнце живут превосходящие нас разумом люди, а нам светит их СОВЕСТЬ, это (этика!) и есть источник света каждой (!!) звезды. СВЕТ есть ПРИЗНАК РАЗУМА, так в каких же потемках наша фундаментальная наука ищет брагьев по разуму?.. Если темно в лаборатории, пусть бедный поисковик выйдет на свет божий, живое солнышко его приласкает, а ночью выйдет в чисто поле – ой, сколько звезд СВЕТИТ на небе, кто их сосчитал, эти триллионы триллионов цивилизаций?.. Существует вселенская ИЕРАРХИЯ СОЗНАНИЙ**, в которой

стремится к созвездию Геркулеса, это созвездие и есть наш космический адрес... И подвиги Геракла нам написаны на роду: и Авгиевы конюшни чистить, и гидру побеждать...

* Недавно в издательстве «Сфера» вышла книга «Агни Йога: Высокий путь», в которой собраны не вошедшие в Живую Этику – как бы подготовительные – беседы Е. И. Рерих с Учителями. Вот один из фрагментов этой книги:

«Видела ВНУТРЕНнюю ЖИЗнь КАМНЯ, в общих чертах похоже на ткань солнечного сплетения, но менее сложна, и тусклая, и пульсация слабая», – отмечает Елсна Ивановна.

«Урусвати видела теперь ТРУД НЕРВОВ КАМНЯ. Можешь теперь понять, как мала разница между крайними организациями в основной работе. Урусвати может видеть очень тайные проявления Космоса», – комментирует Учитель («В.П.», 478).

** Мы сейчас оставляем вне рассмотрения религиозный взгляд на мироздание, христианский аспект, изначально, еще на Вселенских соборах в первые

сознание людей Земли отнюдь не является чем-то исключительным или преобладающим... Бесконечность реализуется и в данном аспекте, подчеркивает А. Н. Дмитриев.

И именно Интеллектуальные Структуры Солнечной системы, предвидя трудности землян в надвигающихся глобальных переменах (на планете стихия ВОДЫ сейчас уступает господствующее положение стихии ОГНЯ), со своих ментальных высот спроецировали на Землю Живую Этику. И избранная и охраненная ими земная женщина, представительница русской цивилизации Елена Ивановна Рерих смогла воспринять Живую Этику и осуществить мыслероды, дать Учению земную форму, она стала Матерью Агни Йоги.

Да простят мне читатели, что принялся читать им столь упрощенную лекцию, но, повторяюсь, делаю это, предвидя самый разнообразный спектр читательских восприятий (школьник книгу в руки возьмет или физик-ядерщик снизойдет, вот уж потешится*), так что хотелось бы объяснить...

века существования христианства подвергнутый кровавой антигностической редакции («ХРИСТИАНСТВО НЕКОСМОЛОГИЧНО», почему-то едва ли не с гордостью признают сами теологи, и тем лишают нашу жизнь именно ОСНОВАНИЯ). И хотя в богословии утверждается существование иерархий ангелов (высокоразумных и дееспособных), но попытка осмысления высших ангельских миров как реальных и деятельных закончилась для Джордано Бруно – по приговору церковных властей – жестокой смертью в огне, а усилия семьи Рерихов по выводу землян из искусственно созданной изоляции от других миров были уже в наши дни увенчаны терновым венцом церковной анафемы.

* В мае 2002 года в Москве прошел семинар «Смягчение отрицательных последствий изменения климата в России и странах СНГ», в котором приняли участие специалисты многих министерств, академических и общественных организаций. Как писала газета «Известия» (24 мая 2002 г.), на этом семинаре **«академики Юрий Израэль и Георгий Голицын были вынуждены признать растерянность науки – столь многофакторную задачу перед ней природа еще не ставила. Как невесело пошутит один из ученых, задача заранее подготовиться к глобальным климатическим изменениям напоминает старую загадку: поди туда, не знаю куда, приспособься к тому, не знаю к чему».**

Многозначительное признание, не так ли?.. Вот вам и НАУЧНАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ как результат ЛОЖНОГО МИРООПИСАНИЯ.

Пусть об этой ситуации вспомнят, когда будут искать определение ЛЖЕНАУКЕ (если, конечно, уполномоченные затруднят себя предварительным поиском смыслового наполнения столь многозначительного понятия).

А теперь – в зависимости от предложенных ракурсов – взгляните на описанные в данной книге события, связанные со строительством музея Н. К. Рериха в Уймоне и интеллектуальными, социальными, мировоззренческими инициативами участников этого строительства, осуществившимися в форме обращения к властям, с судьбами этих людей, да и вообще с судьбой рериховского движения, его «номенклатурных» или неформальных лидеров...

Если жизнь на Земле и в космосе явление уникальное, то предпринятая семьей Рерихов попытка принести миру новое Учение и в самом деле смотрится как некая экзотическая мировоззренческая самодеятельность, достойная, конечно, некоторого периферийного академического внимания, изучения и последующего увековечивания в форме достойных музейных экспозиций (личные вещи, карты маршрутов, воспоминания современников) и регулярных учтивых и благообразных интеллектуальных обсуждений...

А события, связанные со строительством Музея в Уймоне, вполне могут «тянуть» на интеллигентскую инициативу, тоже (вполне в духе времени) подпадающую под разряд социальной самодеятельности (в этом же ряду и самодеятельные экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита, и клубы самодеятельной песни, чем опять же славился вольнолюбивый Академгородок).

Но если Шамбала и в самом деле существует (а она существует), если Махатмы (люди Солнца^{*}) и в самом деле являются на Земле представителями Правительства Солнечной системы (а истинные последователи «Живой Этики» уверены, что это именно так!), если на Землю и в самом деле надвигаются небывалые пере-

---

* Термоядерную модель Солнца придется списать как устаревшую и не отвечающую реальности. Еще в конце XIX века Махатма Кут Хуми утверждал, что «Солнце не есть нечто «твердое» или «жидкое», ни даже раскаленные газы, но гигантский шар электромагнитных Сил, запас мировой жизни и движения, который пульсирует во всех направлениях, напитывая мельчайший атом также, как и величайшего гения, тем же самым веществом до конца Маха Юги» («Письма Махатм», 92-е письмо Кут Хуми).

Внутри видимого нами плазменного шара Солнца находится твердое холодное ядро – центральная планета. По такой же модели все более насыщаемый огнем (плазмой) Юпитер эволюционирует сейчас как будущая звезда (плазменный шар формируется по орбите Ио, спутника Юпитера).

мены (а, по профессиональной оценке геофизика, доктора геолого-минералогических наук, специалиста по глобальной экологии А. Н. Дмитриева, огненные перемены нарастают и уже ощущаются в планетарных климатических, биосферных и солнечносистемных событиях), то и «Живая Этика», и миссия Рерихов, и уймонский Музей (как пока еще не проявившаяся планетарная лаборатория) приобретают совершенно иной космоземной статус!..

В форме «Живой Этики» посредством высокой жертвенной миссии Елены Ивановны Рерих, несмотря на изощренное противодействие многочисленных противников, наиболее подготовленные земляне и в самом деле установили КОНТАКТ С ВЫСШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ (высшее доступно высшим, утонченное – утонченным). И это судьбоносное для человечества событие осуществлено в преддверии драматических земных перемен, причем межмировая связь установлена нетривиальным путем – и на хорошем русском языке, с учетом эволюционной перспективы народа, прошедшего неимоверные исторические (и очищающие) страдания («благополучие есть кладбище духа», – утверждается в Живой Этике, в России не было ТАКОГО КЛАДБИЩА)...

Объяснение ЖИЗНИ и СОЗНАНИЯ как космической случайности неизбежно порождает ПРОИЗВОЛ в человеческой деятельности (самодельные экономические или юридические законы и безудержные потребности людей – вот что якобы превыше всего). Причем этот произвол для своего жизнеподдержания неизбежно будет подпитывать идеологию ИНДИВИДУАЛИЗМА, реализуемую в соответствующем общественном формате.

Объяснение и осмысление ЖИЗНИ и РАЗУМА как вечных и всеобъемлющих атрибутов мироздания (а человек есть проекция Вселенной, он – микрокосм макрокосма) неизбежно породит ОТВЕТСТВЕННОЕ отношение к тем или иным человеческим потребностям или планам, к той или иной человеческой деятельности. Потребности придется поумерить, самодельные законы пересмотреть, планы проревизовать, а такого рода формы мирописания и человеческих отношений неизбежно будут порождать ОБЩИННУЮ идеологию, отношения взаимной ответственности и взаимной поддержки. Докажите мне, что это не так!..

Вот почему сторонникам АНТИПРИРОДНОГО ТЕХНО-ГЕННОГО БЕЗЗАКОНИЯ на планете крайне важно поддерживать и соответствующие представления о мироздании и протравливать сознание входящих в жизнь новых поколений соответствующей политизированной космогонией* (и именно физики-ядерщики – последний оплот механицистских описаний мироздания – будут здесь выступать неизменными законодателями и судьями): человечество, мол, сирота во Вселенной, иные миры не существуют, потому что мы не смогли воспроизвести их в лаборатории... Да, где-то в соседней галактике, возможно, и сидят вот так же взаперти случайно возникшие братья по разуму, но нам их не видать никогда, как своих ушей...

Из мироописания еще со времен Геттингенской школы (при одобрительном попустительстве современного «мягкого» инквизитора – Нобелевского комитета) убрали СОЗНАНИЕ (информацию) и изучали только материю и энергию. Эта нехитрая процедура механически повысила интеллектуальный рейтинг физиков-ядерщиков как наивысшего достижения эволюционирующей мертвой материи. Вот почему на Земле нет физики ПРИРОДЫ, а есть только ТЕХНИЧЕСКАЯ физика и лживая по сущности лабораторная картина мира**. Ну, а ежели кому-то захочется религиозности, – пожалуйста, сколько угодно, ее понаделали, как вареной картонной колбасы для населения, здесь сторонникам беззакония и омертвления Вселенной бояться не-

---

* В Живой Этике говорится «Но человек не помышляет о своей ответственности перед Вселенной. Не учат в школах о непрерывности жизни. Нет такого школьного предмета, который бы помог уявить величие жизни человека» («Надземное», I, 295).

Не странно ли, что господствующие мировые идеологии (наверное, они одной крови) страдают одними и теми же наследственными космогоническими болезнями?.. Мир для них – мертвый, а люди – вселенские сироты... При такой парадигме на земные власти и суда нет...

** В Академгородке поставили красноречивый памятник академику В. А. Коптюгу: бывший глава Сибирского отделения Академии наук стоит в согбенной позе – и не то молится на Институт ядерной физики, не то кается перед этим «всевышним».

чего, они давным-давно подстраховались: христианство НЕКОСМОЛОГИЧНО* (мы об этом уже говорили).

А что же делать сторонникам антиприродного беззакония с Живой Этикой?.. Игнорировать, не замечать (как раньше) или все же принять к сведению?.. Вроде и назвать Рерихов авантюристами (как называют Е. П. Блаватскую) неудобно: они – выдающиеся художники, ученые, мыслители, деятели культуры, не отмахнешься. Но если ЧЕСТНО к Живой Этике относиться, тогда следует признавать Махатм как представителей Правительства Солнечной Системы, признавать Высшие цивилизации и многонаселенность Солнечной системы (Елена Ивановна Рерих не раз говорит, например, о высокоразумных обитателях Венеры, где даже птицы понимают человеческую речь). Так что же делать сильным мира сего с этим реальным контактом с высшей внеземной цивилизацией, с таким наследием, получение которого землянами эти сильные мира сего в XX веке прохлопали... Вот они и нашли выход: сдать это наследие в МУЗЕЙ – как диковинный экспонат, не достойный иного применения экзотический результат человеческой деятельности (философы Рерихи, что с них взять, вот, видите, мол, что измыслили)... Сделают опись, прикинут стоимость, бирку навесят, и – дело с концом!.. Можно потом изучать, глянецовые альбомы издавать, конференции проводить, время от времени стряхивая пыль с такого ценного наследия...

---

* «Человек должен быть защищен от засилья космических законов», – провозглашает программный тезис современный комиссар в кожаной рясе дьякон Андрей Кураев. Уж не во времена ли непримиримой борьбы с язычеством христианство подцепило у иудаизма этот антиприродный вирус?.. Что у сильных мира сего на уме, то у Кураева на языке. (См.: *Дьякон Андрей Кураев. Может ли православный быть эволюционистом? // «Той повеле и создашася». Современные ученые о сотворении мира.* – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999. – С. 82–113.)

А. Н. Дмитриев и говорит, что на Земле действует мощнейшая программа изоляции землян от живого космоса. И в этом плане религия и атеизм являются просто двумя сторонами одной затертой медальки. Но всякая заизолировавшая себя система – в соответствии со вторым законом термодинамики – УМИРАЕТ. Таков результат второзакония, к которому нас склоняют... Как видим, некоторые изоляционисты – такие, как штатный гонитель Живой Этики дьякон Кураев, – даже и выбалтывают свои намерения...

А Дмитриев как-то признался, что он и посидел раньше времени, когда со всей очевидностью осознал по научным отчетам, какой ВАЛ ОГНЯ (сильно намагниченной плазмы), все мощнее нагребаемый Солнечной системой, надвигается из нового неизведанного пролетаемого нами сейчас галактического пространства. В книгах и в лекциях он непрестанно утверждает: ОГОНЬ идет на Землю, наступает небывалая эпоха, и Живая Этика дана заторможенным и запуганным обрезанными религиями и науками землянам как своевременная и экстренная помощь в начавшихся глобальных переменах!.. И не к повышению уровня жизни надо стремиться сейчас, а к повышению уровня нравственности! Если хотите минимум катастроф, проявляйте к природе максимум доброжелательности! Живая Этика (Этика!!!) утверждает: земляне, вам вот в таком напряженном режиме уже давно пора мыслить, вот это вам уже давно пора осознать и вот так высоко и чисто надо чувствовать вам, земляне, поскольку ваши мысли и ваши чувства являются такими же реальными и влиятельными факторами мироздания, как электричество или магнетизм, как реален (и тоже сознателен, хоть и в иной, нечеловеческой мере) камень или океан... И если вы и дальше будете столь же безответственно и хаотично относиться к своему мышлению, чувствованию, к своей беззаконной антиприродной деятельности на планете Земля, то ВАМ НЕ ВЫЖИТЬ в ОГНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАДВИНУВШИХСЯ ПЕРЕМЕН.

И что же?.. А то, что крепкие ребята с полномочиями дежурных под белы ручки выводят (!!!) сторонников А. Н. Дмитриева с «Рериховских чтений»*, а самого Дмитриева не только не приглашают принять участие в таких конференциях, но даже и гардеробщиков предупреждают: у Дмитриева, если он и заглянет сюда, пальто не принимать!..

---

* Параллельно в научном мире создана дежурная комиссия по борьбе с «лженаукой», возглавить это инквизиторское формирование поручено (вы, наверно, уже догадались) именно сотруднику Института ядерной физики – академику Э. П. Круглякову.

Видимо, подспудной задачей таких мероприятий является прорвавшуюся на флангах и на периферии российскую науку опустить до «мирового уровня» (слишком уж много эта и без того загнанная в тяжелейшие обстоятельства наука стала понимать, слишком уж о многом стала догадываться)...

Так кого и куда не пускают, в таком случае?.. Кому и в чем отказывают?.. Дмитриева не пускают к сторонникам Живой Этики?.. (А ну как придет – и нечто высветит...) Или сторонников Живой Этики и таким образом лишают реального, инженерного, результативного, а не музейного осмысления спасительного значения этого Учения?..

У МУЗЕЯ как темы нынешнего разговора есть и такой потайной «пятый угол», и он обозначился в рериховском движении еще в те времена, когда бревна в Уймоне были еще не обтесаны...

Теперь – что касается краха так называемого коммунизма. По моим представлениям, крах потерпели действительно прогнившие строительные леса и партийные подпорки (опалубка) коммунизма, а идея ОБЩИННОСТИ и ОБЩЕГО БЛАГА жива и будет набирать силу без всякого принуждения, а, как говорил В. И. Ленин, в живом творчестве масс. Сейчас с особой силой и быстротой действует гигантский огненный сепаратор судеб, каждый человек делает выбор: налево или направо, к безудержному обогащению или к этике, к отжившим формам духопостижения или к новым огненным знаниям, к прошлому или к будущему, к развитию или к деградации, к истине или ко лжи... Кто не будет строить, тот станет строительным материалом (это не моя сентенция, Живая Этика так говорит)...

Дело Ленина живет и побеждает! В известном послании Шамбалы именно Ленин был назван Махатмой, а дело его – провозвестием Общины! (Устав Общины дан в «Живой Этике».) Социализм есть система общинного выживания в экстремальных, нероскошных (исконно российских) условиях. Было время, когда социализм, создавая экстремальные условия (то войну затеет, то коллективизацию, то кукурузу), сам провоцировал экстремальность как питательный бульон для своего жизнеподдержания. А поскольку по всей планете условия будут скоро именно экстремальными, выводы делайте сами...

Дело истинного (а не парткомовского) коммунизма, как всякое зерно, сейчас отринуту (отягощено обстоятельствами!), брошено в землю, зарыто и его поливают сами знаете чем... Вот именно поэтому зарытое и удобрённое зерно прорастет и даст небывалые

всходы. И могильщики коммунизма просто, сами того не подозревая, готовят почву для новых всходов и построений.

Огонь идет на Землю, он даст новую силу преследуемым и гонимым носителям высоких мыслей и высоких чувств! Огонь **ВЫСВЕТИТ ТЕМНЫЕ УГЛЫ!** Антиприродная цивилизация засорила стихии воздуха, воды и земли. И только огненная стихия, самая притесняемая во все века, по качеству своему всегда пребывает чистой и очищающей. В нашу жизнь пробивает и пробьет себе дорогу космическая Истина, люди, из тех, что готовы ее воспринять, наконец-то «инженерно» поймут, что они, как обитатели разумной Вселенной, должны строить свою жизнь не в изоляции от мироздания, а в ответственности перед ним, не эксплуатацией или обманом ближнего, а на основе космической Этики как средства (ведь **СОВЕСТЬ** – это же **СВЕТ!**) жизнеподдержания и развития вселенской Жизни. И мы пойдем к Дальним Мирам!..

Как это часто бывает в земном социальном, мировоззренческом или интеллектуальном строительстве, во главу угла придется поставить именно отринутое... Многое отринуто! Оно рядом, вот же оно!..

Ан. Русанов.

Приложение

Перепечатке не подлежит

Для служебного
пользования
№ 6

О ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ
КУЛЬТУРНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА
В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ
Н. К. и Е. И. РЕРИХ

Новосибирск, 1979

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Общепланетарная обстановка настоящего времени создается мощным процессом конфронтации двух мировых систем: социалистической, нацеленной в коммунистическое общество, и капиталистической, нацеленной в неконтролируемое потребительство. Возникновение полюсов человеческих формаций обостряется и ускоряется темпом и качеством классовых борьбы – борьбы непримиримой и повсеместной, пафосом которой является процесс мировой революции, актуализированный всесторонней деятельностью гения Ленина.

Мировая революция – главный процесс всех участников жизни нашей планеты. Этот процесс борьбы нового и старого мобилизовал невиданные по масштабу социальные силы и силы преобразования природы техногенными явлениями. Учтены и приведены в движение громадные энергетические и минеральные ресурсы планеты либо с целью обогащения, либо с задачей разрешения конфликтов военными способами. Планета оказалась под угрозой геологической дезорганизации. Темп изъятия ресурсов продолжает расти, возможно возникновение неконтролируемых процессов стихийного и геофизического порядка.

Вполне естественно, что тяжесть борьбы сказалась не только на среде обитания человека, но, в основном, и на самом человеке. Постоянно растущий физический и психологический стресс вызывает глобальную и массовую эрозию защитных механизмов человека, а также животных и растительных форм.

Силы вражды с прогрессивным социалистическим строем, наряду с политическими, экономическими и военными способами

давления, за последние десятилетия интенсивно переводят борьбу в область психологии. Переводом «горячей» войны в психосферу человечества обозначен качественно новый этап конфронтации, в котором каждый житель нашей страны атакуется психологическими средствами, развивающими алчность, сомнение, страх, подозрительность, взаимную вражду и другие отрицательные качества. Эти зерна психологической деформации производятся массовым порядком средствами субкультуры: порноискусством, «агрессией моды», «свободной» философией, изобретением средств, воздействующих с помощью электроники, наркотиками и пр.

1

Именно в связи с открытием нового фронта психологической борьбы, одновременно глобальной и тотальной, возникла острая необходимость победить врагов социализма мощностью позитивных психологических состояний, мощностью творческих процессов, мощностью сосредоточенной воли, устремленной к красоте и смыслу жизни, мощностью взаимно сгармонизированных сознаний в ключе сотрудничества с природой, мощностью моральных качеств Человека, достойного великой будущей социальной формации – коммунизма.

Именно социализм – мост в будущее, это понимают многие народы, об этом свидетельствуют новейшие политические и экономические события на нашей планете. Идеи и творчество Ленина светят человечеству не из прошлого, а из будущего, эти идеи поощряют широкий и дерзкий поиск новых побеждающих средств борьбы против тирании прибыли и распада, против мировой торговли общепланетным достоянием.

В качестве дополнительных и эффективных средств борьбы с неявными и явными психологическими силами эрозии наше государство может применить новейшие гносеологические, эмоциональные и волевые средства, предложенные нашей стране еще в 20–30-х гг. Н. К. и Е. И. Рерихами в виде учения, именуемого Учением Живой этики. Это учение по существу своему продлевает жизнь в еще более далекое будущее по великому пути Ленина.

Для раскрытия некоторых сторон и возможностей Учения Живой Этики в условиях нашей страны и взятия под контроль мировых тенденций применения и развития идей Учения Живой Этики и предлагается данная записка как первичный опыт, подлежащий серьёзной и вдумчивой, но безотлагательной проверке делом.

ПРОБЛЕМНАЯ ОБСТ АНОВКА

«... Сосияния и созвучия света в свободе познания усиливаются взаимно. Безмерна мощь объединенных благом мыслей. Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований, изучать все окружающее...»

Н. К. Рерих

1. Острота проблемы

Планета Земля, как носительница жизни в Солнечной системе, вступила в новую фазу своего развития. Эта фаза характеризуется резко возросшей активностью технического воздействия людей на планету в геологических и геофизических направлениях. Во всех сферах самой человеческой жизни: политической, экономической, научно-технической, культурной – эволюционные процессы все более ускоренно теряют изолированный «островной» характер и все менее являются внутренним делом отдельных государств. Поэтому сама логика организации жизни и ее эволюции делает эти процессы общепланетарными. Вместе с тем, как никогда, действуют силы разъединения, отчуждения и вражды. Гонка вооружений, неконтролируемая в планетарных масштабах эксплуатация природных ресурсов, загрязнение и истребление потока животных и растительных форм природы – все это сурово и реально ставит проблему: быть или не быть человечеству.

Сложившаяся ситуация беспрецедентна в обозримой истории Земли. В то же время мы знаем, что в кризисные моменты своего развития человечество всегда получало духовные импульсы, выводившие его из тупика. Таким могучим импульсом в 1917 году стал ленинизм. Гений Ленина поставил перед всеми и каждым проблему выбора: новое или старое. Победившее новое обозначило необратимый поворот эволюции планеты. Дерзость Ленина состояла в принятии на себя ответственности за постановку проблемы выбора, за непримиримую борьбу между новым и старым. Эта дерзость питалась мощными источниками материальной и духовной силы, которые покоятся в самих недрах жизни до ее формовывявления. Скажем по-иному: дерзающий во имя эволюции непобедим, ибо его питают самые мощные наземные и космические источники энергии Великой Жизни. Следовательно, идеи этического совершенствования человечества в целом и каждого человека в отдельности поистине стали неотлужными.

Да и можно ли допустить на последующих шагах строительства нового общества уменьшение потенциала дерзости? Конечно, нельзя, ибо замедление движения сокрушит всякого, кто откажется от красоты, точности и осознанности дальнейшего движения к совершенству форм и энергий жизни.

2. Новая перспектива жизни

В наше время человечеству дан новый духовный импульс – идеи Живой Этики, изложенные в книгах Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих.

Как и Ленинизм, идеи эти основаны на принципах признания материалистического монизма мира; поступательного спиралевидного развития природы, человеческого общества и сознания; принципиальной познаваемости мира; относительности и конкретности всякой истины. Те, кто внимательно изучил книги «Живой Этики», не найдут в них существенных расхождений с концепциями В. И. Ленина. Наоборот, они увидят их взаимосвязь, их взаимное обогащение.

Известно, какое значение В. И. Ленин придавал практике как критерию истины. Вся превосходящая обычные масштабы жизнь и творческая деятельность Н. К. и Е. И. Рерихов – прекрасное до-

казательство истинности их идеи. Николай Константинович – великий художник, написавший тысячи картин, ученый, исследовавший разные стороны человеческого знания и психики, путешественник, совершивший беспрецедентное путешествие по горам и плато Центральной Азии, наконец, страстный патриот и горячий пропагандист Советской России за рубежом. В самые трудные периоды молодого Советского государства не поколебалась вера Н. К. Рериха в историческую правоту и миссию Родины – общепланетарную и космическую. Не менее масштабно и глубоко представлены результаты подлинно дерзновенной и героической жизни Н. К. Рериха, принесшей человечеству новые потоки мыслей и психических энергий.

Идеи «Живой Этики» ставят целью создание нового человека посредством внутреннего и внешнего постижения им себя. Ключом такого постижения является овладение психической энергией. Психическая энергия является высшей и наименее изученной из всех известных человечеству видов энергии.

3. Психическая энергия

«Живая Этика» учит, что психическая энергия – материальная формопроявленная реальность и степени утончения ее беспредельны, что она вмещает, согласует и управляет собой все остальные виды энергии. Наука вплотную подошла к разгадке тайны психической энергии. Но овладение высшими формами ее (низшим психизмом и психопотенциалом владеет заурядный гипнотизёр) могут лишь люди высокой духовной и этической организации, и это закономерно: природа поставила барьер на пути овладения своими главными тайнами. Ведь нетрудно представить, сколько бед может наделать злонамеренный человек, получивший в распоряжение силы, в тысячу раз более могучие, чем ядерная энергия.

Таким образом, процессы овладения психической энергией и воспитания нового человека (последний процесс в общих чертах сформулирован «Моральным кодексом строителя коммунизма») – эти процессы двуедины в эволюционной реторте жизни на Земле и в Космосе. Вопросы космических форм жизни и жизненных процессов поднимали в своих работах наш современник В. И. Вернадский и отец космонавтики К. Э. Циолковский.

Мощным конденсатором и рефлектором психической энергии являются произведения искусства. Велико оздоравливающее значение творений Пушкина, Толстого, Шолохова, Мусоргского, Рериха. В то же время известны «творения» субкультуры, разрушительно действующие на психику человека, вызывающие в ней необратимые злокачественные изменения и нацеленные на глобальное уничтожение планеты доктринами алчности и неограниченных прибылей.

Наука может уже сегодня методами точнейшего анализа начать изучать, замерять и характеризовать виды психической энергии, заключенной в произведениях искусства, указать ее разрушительный (инволютивный) или созидательный (эволютивный) характер. Люди должны хорошо знать своих друзей и своих врагов и встать на защиту своего человеческого достоинства против психологического террора, идеологий гибели и распада.

Огромно значение психической энергии при лечении разного рода заболеваний. На роль психотерапии указывали еще врачи древности. Тибетская медицина с уверенностью утверждает, что некоторые виды рака – в первую очередь дело энергетической обесчещенности человека, а потом уже результат деятельности вирусов, и успешно лечит некоторые виды рака.

4. Космические истоки

Выше говорилось, что психическая энергия имеет космический характер и космические истоки. Ученые уже давно догадываются, что энергия солнечного луча по природе своей разумна. Уже не говоря о прямом влиянии солнца на биосферу Земли, установлена прямая связь солнечной активности со вспышками эпидемий, войнами, революциями и т.д. В систематизированном виде эти мысли были впервые изложены советским ученым Чижевским и вызвали большой интерес В. И. Ленина. Космические воздействия не ограничиваются только понятными и немного учтенными в жизни людей солнечными воздействиями. Установлено влияние лунных фаз на психику человека, влияние космической пыли и звездных излучений, планетных конфигураций. Существуют и другие, более тонкие, хотя и не столь очевидные слияния, носителями которых опять же являются космические истоки.

«Живая Этика» утверждает, что космос есть гигантская лаборатория взаимодействия материальных энергий, высшей из которых является всеначальная энергия Фохат. Эта энергия является основополагающей во всех эволюционных процессах жизни, это она выводит человека, по словам К. Э. Циолковского, к «человеку, состоящему из света».

Прекращение или затруднение прохождения вибраций Фохата в земную атмосферу чрезвычайно опасно для человечества. Именно в этом следует искать причину климатических сдвигов и экологической дисгармонии, наблюдающейся сегодня в мире. Плотные «одеяла» некачественных выбросов физического и психического порядка окутывают Землю. Создался порочный круг. Чем больше завеса на пути космических энергий, тем больше человеческого «мусора» уходит в атмосферу, увеличивая толщину завесы. Этот психологический «мусор» представляет собой всю сумму некачественных чувств, мыслей и поступков людей, живущих на Земле. Но люди, породившие кризисную ситуацию в развитии планеты, могут и справиться с этой ситуацией.

5. Созидающие усилия

Возможны целенаправленные усилия специально подготовленных и сгармонизированных сотрудников, способных пробить бреши в зловещих облаках, окутавших небо, особенно над большими городами. А это, в свою очередь, существенно улучшит психологический климат в этих городах.

Нужно серьезно и трезво оценить предлагаемые идеи. Речь идет не об очередном рецепте спасения человечества. Речь идет о делах насущных и реальных, для самой жизни на планете, а не обогащении людей вещами. Порукой реальности и истинности идей «Живой Этики» является в высшей степени высоконравственная и творчески этическая жизнь Н. К. и Е. И. Рерих. Но дело даже не в них. Н. К. и Е. И. Рерих никогда не претендовали на роль пророков и ясновидцев. Они всегда подчеркивали, что лишь синтезировали данное им древнее знание Востока с новейшим знанием. Во время своих гималайских и трансгималайских экспедиций супруги Рерих собрали уникальные книги и манускрипты Центральной Азии, этой поистине колыбели чело-

вечества и хранильницы знания. Они побывали в Общине гималайских Махатм и привезли в 1926 году послание гималайской общины лидерам Советского государства, где высоко оценивалось значение Октябрьской революции и протягивалась рука помощи в строительстве нового общества. (Отрывки из письма Махатм опубликованы в книге П. Беликова и В. Князевой о Н. К. Рерихе. Серия «Жизнь замечательных людей».)

Как известно, супруги Рерих были приняты А. В. Луначарским, Г. В. Чичериным и Н. К. Крупской.

Идеи «Живой Этики» были выслушаны с интересом и сочувствием, но практических выводов сделано не было. Утеряны громадные возможности и благоприятное время.

Сегодня идеи, адресованные народам Советского Союза, снова и снова настойчиво стучатся в дверь. Осуществление их становится делом неотложным. Нет другой страны, которая столь глубоко понимала бы и принимала идеи гуманизма и сотрудничества, которая была бы лишена национального эгоизма, которая понимала бы и принимала всю меру ответственности за судьбы планеты.

Брошенный в 1917 году всем темным силам огненный вызов победил, потому что он соответствовал эволюционным задачам планеты. Этот вызов ленинизма сегодня подхватывает «Живая Этика». Империалистические круги ожесточенно атакуют мир социализма прежде всего в области идей, пытаясь вызвать духовную дестабилизацию советского общества, спровоцировать морально-этическую эрозию советских людей. Борьба за сознание каждого человека отныне становится доминирующей формой борьбы. Наивно полагать, что изощренного противника можно победить раз навсегда установленными методами. Закостенелость, негибкость, неумение адаптироваться к изменяющимся условиям могут дорого обойтись.

Идеи «Живой Этики» полнокровны, могучи, светоносны. Они помогут вывести планету из тупика. Свет победит тьму!

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

«Основание города синтетического знания есть великое мировое дело, потому не просить, но требовать можем мы. Не для себя работаем, но для человечества...»

Из письма Е. И. Рерих, 1930 г.

1. Культурно-научный центр

Мы предлагаем создать в стране Культурно-научный центр имени Н. К. и Е. И. Рерих (далее просто Центр). Он будет состоять из ряда институтов, лабораторий и культурных учреждений, ставящих во главу угла изучение человека, его места в природе и той энергии, которая связывает человека с природой планеты и космосом, т. е. психической энергии. Мы исходим из того, что правильное понимание выражения «покорение природы» нуждается в серьезной редакции и осознании. Человек может возглавить эволюцию природы планет и космоса лишь в том случае, если он действует в строгом соответствии с ее законами («Свобода есть осознанная необходимость». Ф. Энгельс). Действуя вопреки законам природы, человечество может превратиться в злокачественную опухоль природы и подобно такой опухоли подвергнуться хирургическому вмешательству Космоса.

Мы исходим из того, что достаточно многочисленные группы сотрудников, глубоко овладевших психической энергией, способны стабилизировать экологическую ситуацию на Земле, во всяком

случае на отдельных обширных ее пространствах, особенно неурбанистических зон, где электромагнитная эрозия жизненных и психологических процессов пока не велика. Местом размещения отделов и институтов Центра должны стать Горный Алтай, Новосибирск, Москва и некоторые другие города и места страны. Центр также установит связи с обществами «Живой Этики», действующими в ряде стран мира, с некоторыми буддистскими общинами в Бурятской АССР, в МНР, в странах Юго-Восточной Азии, с отдельными ашрамами Индии, с некоторыми мусульманскими школами, с Институтом «Урусвати» в Кулу (Индия).

Особенно важны контакты с последним. Институт «Урусвати», основанный Н. К. Рерихом, ставил своей задачей изучение человека и природы в рамках обозначенной нами проблематики. Но в настоящее время деятельность Института законсервирована. Между тем, в «Урусвати» сосредоточены уникальные древние рукописи и книги, материалы о способах аккумуляции психической энергии, работы по тибетской медицине, борьбе против рака, исторические, археологические, этнографические, физиологические и иные изыскания космо-планетарного профиля с уникальными для планеты информационными данными.

Все это богатство завещано Советскому Союзу и ждет советских исследователей.

Необходимо перебазировать собственность нашей страны по адресу. Таким адресом должны стать учреждения Культурно-научного центра имени Н. К. и Е. И. Рерих.

Часть материалов останется в «Урусвати», который сделается одним из отделов Центра за рубежом, где будут сотрудничать ученые ряда стран. Кстати, группа болгарских ученых готова посетить Кулу для реконсервации Урусвати. Почему же медлит Родина Николая Константиновича?'

Что касается связи Центра с буддистскими, мусульманскими и индуистскими общинами, то не следует видеть в этом конвергенцию науки и религии. Известно, что в книгах «Живой Этики» синтезировано древнее знание, сохраненное некоторыми религиозными школами Востока. Такой синтез не противоречит ленинскому синтезу о необходимости усвоения культурного наследия прошлого.

Нас же будут интересовать проблемы культуры овладения психической энергией (обширные знания в этой области сосредоточены в указанных религиозных общинах), а также проблемы восточной медицины.

2. Строительство Центра

Строительство Центра следует понимать двояко, как создание совершенно новых институтов и лабораторий и учреждений, так и организацию соответствующих групп в уже действующих научных и культурных подразделениях, ибо идея преемственности культуры – одна из главных в «Живой Этике».

Основным подразделением Центра станет Институт психической энергии. Его конкретный статус, цели, режим работы и место строительства будут определены отдельно после соответствующих консультаций в правительственных органах. Предлагается строительство по проблемам Центра начать в 1979 году и закончить его к 1990 году с предварительной сметной стоимостью в 200 млн. рублей. Первые строительные реализации подлежат осуществлению с 1970–1980 гг. со сметной стоимостью в 2,5–3,0 млн. рублей. Основные подразделения Центра должны быть размещены в Горно-Алтайской автономной области: Горно-Алтайске, районных центрах и селе Верх-Уймон.

Почему именно эти места?

В своей книге «Алтай–Гималаи» Н. К. Рерих назвал Алтай жемчужиной Советского Союза, вместе с Гималаями – сосредоточием и генератором важнейших для Земли энергий. Он просил часть картин из завещанных Советскому Союзу передать на хранение сибирскому городу, расположенному близ Алтая. Таким городом стал Новосибирск.

Постоянная экспозиция произведений Н. К. Рериха в Новосибирске сыграла свою энергетическую роль: здесь возникла сильная группа людей, работающих в магните идей «Живой Этики».

Предлагается в указанных населенных пунктах Горного Алтая соорудить соответствующие исследовательские и культурные учреждения с широкой проблемной реализацией по следующим отделам:

– искусства и культуры;

- истории, археологии и этнографии
- наук о земле (геоэкологические вопросы);
- биологии и медицины (биоэкологические вопросы);
- психологии и педагогики;
- библиотечный фонд печатных и рукописных материалов;
- издательское учреждение.

Распределение отделов и их ответвлений должно осуществляться с учетом всего комплекса факторов нужд развития населения и максимальной пригодности рекомендуемого места для соответствующего строительства.

3. Планируемые отделы

1. Отдел искусства будет включать картинную галерею произведений Н. К. и С. Н. Рерихов, коллекцию подлинников бурятского, монгольского и индийского искусства. При этом главную часть экспозиции составят картины, завещанные Николаем Константиновичем Советскому Союзу и хранящиеся в настоящее время в запасниках Русского музея в Ленинграде. Кроме того, отдел будет располагать помещением для выставок картин современных художников, оно будет использоваться и как концертный зал.

Проблема исследования воздействия психической энергии, заключенной в произведениях искусства (живопись, музыка, литература) в различных условиях (город, село, горная местность), оптимальные варианты такого воздействия через звуко- и видео-запись, а также через киноленту – все это составит содержание деятельности сотрудников отдела. Будут изучаться синтетические виды искусства, искусство, разрушительно действующее на психику человека.

2. Отдел истории, этнографии, археологии и культуры Алтая нужно строить в Горно-Алтайске. В него войдут историко-этнографический музей и картинная галерея произведений замечательного алтайского художника Гуркина.

3. Издательский отдел целесообразно разместить здесь же, в Горно-Алтайске, он будет содержать также переводческую группу и ротاپринтный цех. Отдел будет осуществлять подготовку к изданию трудов Н. К. и Е. И., Ю. Н. Рерихов, другой литературы, осуществлять перевод с восточных и западноевропейских языков

книг и рукописей, издавать ежегодник «Труды КНЦ», печатать различную служебную литературу.

4. Отдел геоэкологии и природных ресурсов в качестве главной проблемы будет исследовать проблему «человек и природа» в аспекте изучения и использования богатств природы, которые не нарушали бы равновесия планеты в целом и отдельных ее территорий. Дополнительную область исследований отдела составит изучение природных богатств Алтая, изучение акупунктурных точек планеты в русле новейших разработок по биосфере. При отделе будет создан минералогический музей.

5. Отдел медицины займется изучением распределения здоровых зон в биосфере и практическим применением восточной медицины, в особенности тибетской, исследованием лекарственных трав и минералов Алтая (валериан, кедровая смола, мускус, золотой корень, мумие, пантакрин и т.д.). Специальным разделом исследований станут эксперименты с использованием психической энергии при терапии разного рода заболеваний, в частности, рака. Предлагается разместить отдел в специально построенном здании, при нем организовать небольшую больницу на 15–20 коек.

6. Отдел психологии и педагогики сделает областью своих исследований изучение особенностей формирования сознания нового человека, в частности, формирования детской психики, начиная с нулевого возраста. В дальнейшем предлагается создание экспериментального детского сада и школы в селе Верх-Уймон.

7. Библиотека и специальные хранилища сосредоточат рукописи, предметы материальной и духовной культуры человечества.

4. Инициативы Центра

Деятельность по созданию Культурно-научного центра имени Н. К. и Е. И. Рерих следует развернуть сразу же после принятия принципиального решения о его строительстве. Необходимо приступить к формированию отделов, при этом большинство сотрудников будет пока работать на общественных началах или в рамках проблематики, утвержденной соответствующими учреждениями страны. Это в перспективе создаст возможность кадрового отбора будущих штатных и нештатных сотрудников Центра.

Уже сегодня предстоит выявить, что делается в стране и за рубежом по исследованию интересующих Центр проблем. Кое-какая база в этом направлении есть. В Бурятском филиале СО АН СССР трудится группа сотрудников, изучающих проблемы траволечения. Там же есть лица, успешно практикующие тибетскую медицину. Следует изучить опыт народной медицины в национальных республиках и в РСФСР.

Интересную работу начала проблемная лаборатория при Новосибирской консерватории по особенностям психологического восприятия музыки, интересны первые шаги ее сотрудничества с бердским радиозаводом в создании отечественной радиоаппаратуры на уровне мировых стандартов.

Известно также, что в Москве, Ашхабаде, Улан-Удэ подготовлены переводы книг, идеи которых примыкают к «Живой Этике».

Несомненно, интересный опыт накоплен зарубежными обществами «Живой Этики».

Весь этот опыт следует изучить и установить связи с его носителями.

В ближайшее время нужно начать издание книг «Живой Этики», трудов Е. П. Блаватской и других систем о гармоническом развитии человека, пока ограниченным тиражом для служебного пользования. Одновременно Главлит должен получить указание, чтобы в широкой печати не обсуждались и не толковались проблемы «Живой Этики». Позднее, когда партийные и государственные органы сочтут это возможным, такие ограничения будут сняты.

В то же время следует массовым тиражом продолжить издание замечательных книг Н. К. и Е. И. Рерих, вводящих в круг идей «Живой Этики». Речь идет о таких книгах, как «Сердце Азии», «Твердыня пламенная», «Врата будущего», «Нерушимое» и других. Эта работа уже по существу начата изданием книг «Алтай–Гималаи», Н. К. Рерих «Из литературного наследия», «Зажигайте сердца».

Особо подчеркнем, что вся литература, связанная с идеями «Живой Этики», должна проходить полную подготовку к печати только в редакционно-издательском отделе Центра.

Наконец, самое время начать подготовку к изданию ежегодника трудов Центра. Он будет включать отрывки из переводов древних восточных книг и рукописей, научные статьи, очерки,

стихи, рассказы, репродукции картин. Таким образом, идея синтеза искусства и науки будет заложена уже в принципах формирования ежегодника.

Для выполнения указанного объема подготовительных работ нужно выделить ассигнования на содержание нескольких штатных сотрудников, на их командировки в пределах страны и за рубеж, на приобретение литературы и произведений искусства для будущего оформления Центра, если такие произведения понадобятся приобрести у частных лиц.

Не следует широко рекламировать предполагаемое строительство, ибо уже сейчас ясно, что в стране и за рубежом есть силы, которые будут мешать созданию Центра. В то же время не нужно тянуть с началом строительства. К сооружению первой очереди следует приступить в 1980 году.

Начало положено. В селе Верх-Уймон группой энтузиастов построено деревянное двухэтажное здание, условно названное «Музей имени Н. К. Рериха», где летом 1979 года будут проходить чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Е. И. Рерих. Окончательно назначение здания определится генпланом КНЦ.

Мы, конечно, понимаем, что все вышеизложенное не укладывается в рамки привычных научных систем. Но точно так же мы знаем, что великие идеи всегда приходили в парадоксальной форме. Мысли В. И. Ленина о возможности победы коммунизма в отсталой царской России вызвали в свое время не только ярость врагов, но и недоумение друзей. Теория космонавтики К. Э. Циолковского не так давно считалась практически осуществимой лишь в отдаленном будущем.

Парадокс ассимилирован, стал достоянием всех, а мысль человеческая уходит дальше к новым берегам знания. Пришел черед и «Живой Этики». Сегодня нет альтернативы всемирному хищничеству империализма и национализма, как овладение психической энергией. В то же время мы понимаем, что в современных условиях любая крупная политическая, экономическая или научная акция должна быть тщательно рассмотрена и проверена. Поэтому строительство города Знания и широкое распространение идей «Живой Этики» мы предлагаем апробировать на сравнительно небольшом комплексе в районах Горного Алтая со сметной стоимостью строительства, как уже говорилось выше, 2,5–3,0 млн. рублей. Одновре-

менно повторяем: необходимо срочно перебазировать в строящийся КНЦ материалы Института «Урусвати», тем более, что к ним уже проявлен интерес со стороны ученых Болгарии и Югославии. Следует особо подчеркнуть, что материалы Института «Урусвати» могут быть переданы нам их хранителями лишь в том случае, если будет уверенность, что в новых руках великое наследие будет изучаться и разрабатываться.

Деятельность КНЦ (первой очереди) поможет экспериментально апробировать многие идеи «Живой Этики» и даст государству практические результаты в ближайшие годы. Это обеспечит подготовку для перехода ко второму этапу строительства, рассчитанному на 7–8 лет со сметной стоимостью 200 млн. рублей.

Великое начинается с малого. Ленинизм в России вырос из кружков. В ряде городов страны имеются группы «Живой Этики», также как и нацеленные на борьбу с ней «антигруппы».

Кому как не нам, родине научного социализма, тысячу раз выслушавшей упреки в утопичности своих планов и тысячу раз опровергавшей на деле эти упреки, взяться за выполнение грандиозной программы оздоровления жизни на планете Земля во имя Истины, Знания, Красоты?!

А. Н. ДМИТРИЕВ,

к. ф.-м. н., зав. лабораторией ИГиГ СО АН СССР, тел. сл. 65-13-64, тел. дом. 65-77-67.

И. А. КАЛИНИН,

чл. КПСС, инженер-наладчик Строительно-монтажного управления № 70, участок № 5, тел. сл. 65-54-32.

Ю. М. КЛЮЧНИКОВ,

чл. КПСС, редактор Сибирского отделения из-ва «Наука», тел. сл. 22-02-47, тел. дом. 21-08-84.

П. П. ЛАБЕЦКИЙ,

художник ИИФиФ СО АН СССР, тел. дом. 21-84-18.

Ю. Г. МАРЧЕНКО,

чл. КПСС, к. и. н., с. н. с. ИИФиФ СО АН СССР.

В. И. НОВОЖИЛОВА,

инженер ИТФ СО АН СССР, тел. сл. 65-15-54.

АНИКИНА Ольга Евгеньевна

ПОД НЕБОМ УЙМОНА

Очерки истории строительства музея Н. К. Рериха

Редактор *А. В. Русанов*

На обложке: вид Катуня близ Уймона с Гагарского перевала
Фото Е. Вагановой

Лицензия ИД 0052 (221) от 13 августа 1999 г.

Подписано в печать 12.09.2002. Формат бумаги 60x84/16
Бумага офсетная. Печать Riso. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 102. Усл. п. л. 12,5. Тираж 200. Заказ №

630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, СибАГС

